

Ольга Александровна НОВИКОВА член Союза писателей России. член Академии Российской словесности, член ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова – родилась и живёт в городе Воскресенске. Заслуженный поэт Подмосковья. Автор 11 книг стихов и прозы.

Дипломант премии Р. Рождественского, М. Пришвина.

Награждена медалями «Ревнителю просвещения», Ивана Бунина, «Великий князь Сергей Александрович», «За заслуги в культуре и искусстве», «За заслуги перед Вос-

кресенским районом», «За жертвенное служение» во имя св. Благоверных князей Российских Бориса и Глеба и другими государственными и общественными знаками отличия.

Ольга Новикова

Приснилась улица Садовая...

Посвящается светлой памяти мамы

СЕРЕБРО СЛОВ, 2022

УДК 821.161.1 ББК 84 (2=411.2) 6-4 Н 73

Редактор Л.А. Дудин Фотография автора на обложке В.Н. Дубровин

Новикова, О.А.

H73 Приснилась улица Садовая... : рассказы, очерки, интервью / Ольга Новикова. – Коломна: Серебро Слов, 2022. – с.266

Издательство, зная Ольгу Новикову как профессионального поэта и прозаика, впервые представляет, можно сказать, избранное собрание сочинений известного писателя. На сей раз сочинения малых форм прозы — книгу «Приснилась улица Садовая...».

Когда знакомишься с её рассказами и очерками, то возникает, и не покидает уже, чувство чтения как будто одного романа, небольшие главки которого тесно связаны одной сюжетной канвой. И настолько главки просты, то проще, вроде, и не бывает. Но суть этой простоты глубока и убедительна, так выразительна и достоверна, что придаёт произведениям несомнительную их подлинность.

В прозе Ольги Новиковой всё, как надо, расставлено по своим местам.

ISBN

© Новикова О.А., 2022

© «Серебро Слов», 2022

МИР, ОЗАРЁННЫЙ ТЁПЛЫМ СВЕТОМ ЛЮБВИ

Мною не однажды был отмечен неоспоримый талант Ольги Новиковой, можно сказать, талант, ревностно хранящий традиции русской литературы как в поэзии, так и в прозе, — в частности, факт создания произведения больших форм — известной читателю художественно-документальной повести «Протоиерей Александр Сайгушев. Жизнь».

В настоящей книге «Приснилась улица Садовая...» представлена беллетристика малых форм: рассказы, новеллы, путевые заметки, эссе, интервью, очерки. Все произведения написаны в разные годы, все – качественно, все – высокого уровня. И только по незначительным деталям можно установить хронологию их создания. А потому такое привычное деление понятий как «ранние» – «поздние рассказы» в данном случае не подходит. Здесь не обойтись без слова «похвальные», и все рассказы одинаково безгрешны и живут вне времени.

Лишь по глубокому анализу очерков о наших современниках А.М. Супруненко, А.В. Сальникове, В.И. Самарцеве, Л.А. Дудине да яркой публицистике путевых заметок «Светлый город Свищов» (Письмо Ивану Антонову), «Три дня в Коиловцах», «Путешествие на Рязанскую землю» – можно определить: «где, что, когда».

Кроме того, Ольга Новикова оставила за собой право поместить некоторые работы восторженных обожателей её литературной одарённости. Хорошо, что она это сделала. Мы с именитым писателем Болгарии Стефаном Молловым и не скрывали своё отношение к автору: дар Божий — он есть или его нет. Безусловно, у автора книги дар писателя есть и немалый, потому как, по словам поэта Леонида Чилипенко: «Не бывает таланта немного...». И, читая строки произведений писателя, мы убеждаемся в этом, и убеждения наши, как есть, неизбывны.

Чем глубже уходишь в чтение, тем контрастней становятся грани жанра рассказов, уникальней сюжеты и стиль изложения. И уже не кажется, что в этих скромных сочинениях «малых форм» живут другие, какие-то не наши, непонятные люди.

Отнюдь, они до радости наши, и живут на каждой странице категорически похожие на многих из нас. И, вроде бы, всех их знаешь. Все они, что и мы, читатели, также крутятся в хлопотах по динамичным орбитам жизни.

А ещё ближе присмотришься, то выходит, что движение идёт вокруг самих нас: те же улицы, те же дома. Работа, семья, дети. Даже проблемы и обстоятельства одинаковы. Мы привыкли к нашему быту и редко удивляемся природе человека как великому созданию Всевышнего.

А взаимоотношения? А любовь? Везде чиста, высока и, как должно быть, единична, неподражаема, у каждого персонажа собственная.

С первых строк эссе «Мы летали как ангелы» и до последних — мир Ольги Новиковой озарён тёплым светом любви ко всему земному. Она, пройдя сквозь трагические, казалось, невозможные завалы собственной судьбы, и, скромно неся редкий дар писателя, не перестала удивляться приходом каждого дня, радоваться небу и земле, нескончаемым семейным хлопотам, то есть самой жизнью. Что ярко замечено по творческим деяниям автора в литературе, где умело положены её раздумья на белые листы бумаги. Положены кратко, точно, выразительно. Композиция несложна, но образы умело разработаны и вполне осязаемы. Их таинство намеренно оставлено для дальнейшей разгадки. В том и есть прелесть изложения — пусть читатель додумывает окончание события и сам ищет выход из ситуации.

Но любое событие никогда не кончается. Оно лишь меняет формы и место, продолжая жизнь героев в ином времени.

В начале января 1900 года М. Горький сообщал А.П. Чехову: «... никто не может писать так просто о таких простых вещах, как вы это умеете».

Сейчас январь 2022 года. Никто из нас не гении. Однако, из переписки великих классиков, мы должны понять, что надо рассказывать о жизни настоящим русским языком: просто, толково. И, конечно, талантливо. В этом Ольге Новиковой отказать невозможно.

Леонид ДУДИН,

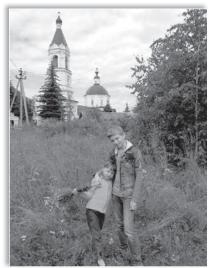
Действительный член Академии Российской словесности, лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова

РАССКАЗЫ

МЫ ЛЕТАЛИ КАК АНГЕЛЫ

(фрагмент из книги «Протоиерей Александр Сайгушев. Жизнь»)

Самыми любимыми зимними праздниками в нашей семье были Новый Год и Рождество Христово. К ним готовились заранее. Папа снимал с чердака коробку с ёлочными украшениями, мы вместе с бабушкой Агафьей протирали пыль, привязывали новые крепления, некоторые игрушки мастерили сами с помощью ножниц, клея, иголки и ниток. На этот счёт бабушка слыла большой выдумщицей.

Ёлку ставили всегда искусственную. Отец говорил, что даже ради праздника негоже губить деревья. Они — живые! Мы верили в это, зная, что раз отец говорит, значит всё правильно. Скоро ёлка красовалась игрушками, блестела серебристыми нитями «дождя». Беленькие кусочки ваты изображали упавший на ветви снег. Мы радовались, что сами участвовали в сотворении такого чуда. Довольные рано ложились спать, зная, что завтра под ёлкой мы увидим подарки Деда Мороза — картонные сумочки с гостинцами.

А утром разыгрывалось праздничное действо. Оно называлось: «Ёлочка». Раздавался в дверь звонок, затем следовал спокойный стук. Потом опять звонок. Длинный, требовательный. Мама смеялась (мы не догадывались почему), выбегала на террасу, впускала гостя. Бабушка Агафья (мы потом узнавали), наряженная в старый белый пододеяльник, подпоясанный ярким кушаком; в белой, неизвестно откуда добытой, медицинской шапочке, сдвинутой несколько ниже бровей и украшенной звёздами; наведённым на щеках румянцем, в двойных очках, притопывая белыми валенками и прихлопывая папиными новыми рукавицами, — выплывала из дверей и громко напевала: «В лесу родилась ёлочка...», при этом в такт стуча по полу лыжной палкой. Так входил в наш дом Дед Мороз.

Направляясь к детской для раздачи подарков, он попутно рассматривал избу, наряженную ёлку, отпускал замечания, которых мы не понимали, но над которыми родители очень смеялись. А мы, завидев такого Деда Мороза, от удивления визжали, бегали по комнате и прятались под кровать.

Там, затаив дыхание, слушали его рассказ, как он долго к нам шёл и как сильно устал. Мы помалкивали. Тогда Дед Мороз (мы уже догадывались – бабушка Агафья) потихоньку лыжной палкой шарил под кроватью и звал: «Я – Дед Мороз – Красный Нос, вам подарочки принёс. Выходите, детки – есть баранки и конфетки!»

Нас такие слова ещё больше веселили, мы, как нам казалось, ловко и незаметно выскакивали из укрытия, бегали по дому, прячась в другие укромные места, про которые, мы были уверены, никто не знает, кроме нас. А уж Дед-то Мороз и подавно ни за что не догадается там нас искать. Но он нас везде находил. Радовался, что находил, пусть и теряя очки и роняя лыжную палку. Уставший, он снимал огромные рукавицы, вытирал ими пот с лица и следы румян. Мы тоже уставали. Тогда вели Деда Мороза к ёлке, показывали игрушки, наперебой читали стихи. Стихи читали и взрослые — иначе гостинец не получишь.

Мама исполняла песенку «Маленькой ёлочке холодно зимой». Отец разыгрывал в лицах рождественскую сказку «Царь и Пастух». Мы удивлялись его перевоплощению то в Царя, то в Пастуха, при этом он так менял голос, интонацию и речевые построения, что у нас не возникало сомнений в правдоподобности сюжета.

После представления Дед Мороз уходил к другим детям. А мы, усаживаясь за праздничный стол, рассматривали свои подарки, угощали друг друга сладостями. Только мне жалко было бабушку, потому что она всегда отлучалась, когда к нам приходил такой необычный гость.

Сначала она сочиняла, что в это время бегала в магазин, потом говорила, что делала дела по хозяйству и всякое другое. Но мы, взрослея, догадывались, что всё это не так, и, умалчивая о маленькой тайне, не жадничая, охотно делились с ней гостинцами.

Вторым по счёту зимним праздником, но первым по значению, был светлый День Рождества Христова. В наш дом на такое торжество приезжали и близкие, и дальние родственники. Собиралось очень много людей. Мама с бабушкой традиционно пекли пироги, ватрушки. Как ловко бабушка расправлялась с тестом! Она будто играла с ним: побрасывала его, ловила, как мячик, мяла, колотила и опять подбрасывала... Эту технологию приготовления праздничного теста привезла она из деревни Коченяевки.

Мама готовила начинку из творога, яблок и других ягод и фруктов. И когда из кухни начинал доноситься сладкий запах, мы, детвора, с нетерпением ждали первой порции пирожков, румяных, красиво покрытых яичными желтками помазком из куриных перьев и щедро посыпанных сахарной пудрой.

После того, как была прочитана рождественская молитва и дано благословение отца, гости садились за стол. Во время праздника на ёлочке зажигались огоньки, взрослые и дети славили Христа. Пели песни, дарили друг другу недорогие подарки, гостинцы. Отец собственноручно записывал всё происходящее на магнитофон.

На один из очередных рождественских праздников мама сшила нам, детям, бледно-лимонные крылышки с тонкими резиночками, которые надевались на плечи. Помню, мы летали в них, порхая, как бабочки, а, может быть, как ангелы, потому что было ощущение необъяснимой лёгкости, радости и полного счастья. Окрест сияло широкое синее поднебесье, а под ним простиралась бесконечно белая земля. Такого крылатого чувства я больше никогда не испытывала.

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Уставшая и полностью погружённая в свои невесёлые мысли, я не сразу заметила, что в будке на автобусной остановке кто-то сидел на скамейке.

- Здравствуйте, - обратился к нам молодой человек лет пятнадцати, едва мы попали в поле его зрения. Я очнулась от своих дум и огляделась.

Подросток был явно не славянской внешности, смуглый, темноволосый, одет просто. Да, сейчас много переселенцев встречается в ближайших деревнях и сёлах. Видимо, покупают недорогое жильё, ведут какое-то хозяйство, выживают...

И всё-таки от неожиданности я огляделась по сторонам. А он, увидев моё смущение, понял его по-своему и повторил громко, глядя прямо на меня:

- Здравствуйте, - выговаривал он с нескрываемым акцентом. Я ответила. Не скрою, что была крайне удивлена. Спрашиваю тихонько у сына, который в ответ ему тоже кивнул:

- Антон, это твой знакомый?
- Да, что ты, мам? Откуда?
- А чего он поздоровался?
- Да тут все здороваются. Это же деревня! Ты не знала, что ли?

Ах, да, конечно же, я знала об этом. Знала, что в российских глубинках принято приветствовать встретившегося на пути человека. Но, то ли я забыла об этом, то ли мы все забыли...

И действительно, я вспомнила случай, когда недавно здесь же мы ожидали автобус. Тогда подошла пожилая женщина, приблизившись, приветствовала нас:

- Здравствуйте! - Я была глубоко в себе, и, ответила ей, не придала значения, подумала, что она просто обозналась.

Оказывается, не обозналась.

...А сегодня как-то чуть-чуть светлее стало на душе. И думы печальные немного отодвинулись в сторону: вот мы стоим на одной остановке вроде бы и чужие, а вроде бы и близкие, если желаем друг другу здравствовать.

И в поведении мальчика промелькнуло что-то такое очень знакомое, нежное и уважительное, что захотелось улыбнуться. Видимо, доброе слово и сближает и объединяет.

...Автобус явно задерживался. Было очень жарко, июльское солнце светило вовсю, протягивая жаркие лучи на земле всем, без исключения, точно приветствуя каждого.

Автобусную остановку, залитую солнечным светом, со всех сторон густо окружали цветущие мальвы. Розовые, красные, они заглядывали в неё с обеих сторон, свешивали свои переплетённые соцветья с дырявой дощатой крыши, кое-где протискивались сквозь щели и всюду протягивали к людям свои шершавые листья и нежные полупрозрачные цветки...

Я только что заметила всю красоту сегодняшнего дня. Оказывается, не так много надо было, чтобы потеплела душа. Надо было просто услышать искреннее «здравствуйте», это слово, приветствие, напутствие, пожелание, ведь оно означает и «будьте здоровы», и «будьте счастливы», и «будьте живы». А разве можно желать чего-то большего?

ЦВЕТЕНЬЕ ЦИКОРИЯ

«Ты сказала мне неправду. Ты говорила, что умирают старые и больные. А он молодой и красивый, мой друг – Ваня...»

Дима Ушаков, 10 лет

1

Лето в том году выдалось таким жарким и тихим, что всё живое, казалось, вымерло навсегда. Особенно невыносимо в полдень, когда столбик термометра поднимался выше тридцати градусов. Окрест властвовал зной, порождая ту тяжёлую тишину, которая слышна только в такую июльскую пору. Молчит небо, молчат редкие облака.

Не видно ни птиц, ни животных: все прячутся подальше в тень, как бы уходя на время в небытиё и, замирая, ожидают ослабления жары.

Маша шла по знакомой с детства улице, утопающей в зарослях цикория. Она всегда любила эти неприхотливые цветы, приносящие ей радость почти всё лето. Она любовалась каждым цветком, полянами цветов, нежная синь которых, сливаясь, трепеща каждым лепестком, создавала живую иллюзию колыхания морских волн. Над ними по обеим сторонам дороги мелькали бабочки, большое количество бабочек, и только они, не боясь раскалённого солнца, хаотически порхали с цветка на цветок, представляясь Маше светлыми гребешками над волнительной синевой. Они на миг становились неподвижными, складывая почти прозрачные на солнце крылышки, и потом снова легко и быстро взлетали, потом снова замирали, и снова взлетали...

Маша шла не одна. Она, не спеша, катила впереди себя детскую коляску, в которой забавлялся её годовалый сынишка, её первенец — Ванечка. Она шла совершенно счастливая оттого, что всё в жизни её устраивало: любящий муж, здоровые родители и славный крошка-сын, — разве это не великое счастье?

Не смущал её ни денежный недостаток, ни проживание в коммунальной квартире, — всё казалось ей сущей мелочью в сравнении с тем, что она имела. Правда, иногда Маша задумывалась: «А бывает ли так много счастья одному человеку?» Но от этой мысли становилось страшновато, и Маша старалась поскорее забыть о ней.

А малыш в панамке, майке и трусиках полулежал в коляске и, высоко подняв крепкие ножки, разглядывал свои пальчики, поочерёдно пробуя их на вкус. Когда ему надоедало это занятие, он с не меньшим интересом начинал грызть соску на опустевшей бутылочке. Компот давно закончился, и поиграть пустой бутылочкой, переворачивая её перед собой вверх-вниз, -было так же занятно, как занятны были все его действия.

Он смешно зажмуривал голубые глаза, когда оставшиеся капли попадали из бутылочки на лицо, при этом сам улыбался и качал из стороны в сторону белобрысой головкой. Так он обращал на себя мамино внимание. Малышу нравилось, и он радостно смеялся, когда мама прикасалась к нему, то игриво щекоча носик и щёчки, то ласково взъерошивая на голове слипшиеся от жары и компота волосики. Немалую радость малыш испытывал и тогда, когда мама просто слегка обдувала его личико.

- Мария, это твой, что ли, такой богатырь? вывел её из игры с дитём знакомый голос.
- Ой, Лидия Михайловна? Здравствуйте! весело отозвалась Маша, узнав в женщине заведующую библиотекой. Она осторожно отошла на обочину в тень невысокой берёзки у крайнего дома, под крыльцом которого повизгивали щенята,

а из песочницы выглядывали детские игрушки, и, ловко изъяв сына из коляски, тихонько опустила его в голубое цветенье. Выпрямилась, заговорила:

- А я задумалась, и не вижу никого. Конечно мой! Ванечка! с гордостью произнесла Маша. Спешим вот домой, спать ему пора! А то капризничать начнёт, не успокоишь!
- Ну-у, богатырь!.. восхищенно продолжала Лидия Михайловна. А волосики-то совсем белые! И в кого такие? обе женщины с умилением разглядывали мальчика, чьи голубые глаза утонули в море такого же голубого цикория, и только белая головка мелькала посреди неуёмного цветения.
- Наверное, в папу. У него в детстве такие были...
- А глаза-то какие голубые! Как цветы! женщина радостно глядела на светловолосого крепыша. -Ну, Маша, ты -молодец! Такого родила! Ну, давайте, бегите, вам кушать пора! помахала она рукой.

И, пройдя несколько шагов, оглянувшись, крикнула вслед:

– Береги своё голубоглазое чудо!

2

Соседи по коммуналке были на работе, и Маша с малышом расположились обедать на кухне. Она успела завязать высоко свои длинные волосы, чтобы не было так жарко. Ваня, сидя в своём стульчике, посматривал, как мама разогревала суп, помешивая ложкой. Он в ожидании еды то и дело хватал маму за подол яркого сарафана, пытался привстать и достать рукой красные бусы, обнимающие мамину шею, и смеялся.

А Маша, сама-то как девчонка, с удовольствием принимала его игру, то приближаясь к нему, то удаляясь, а малыш заливался смехом, пытаясь хотя бы дотронуться до мамы...Маленький Ваня, принимая пищу, охотно открывал рот, а Маша между делом поглядывала в окно.

Не очень красивый вид открывался перед глазами. С железнодорожного моста, непрестанно мчались машины, но даже в открытую форточку не было слышно шума. Сильно тянуло горячей резиной и плавленым асфальтом. В небе стояла густая пыль, на земле лежала серость.

И только несколько рябин, растущих вдоль дома, скрашивали скупой городской пейзаж. «Хорошо, что рядом посёлок, где живут мои родители: там и техники мало, и воздух – лесной, и в саду много ягод. Для Ванечки...»,— так размышляла Маша и продолжала с ложки кормить сынишку.

Ваня ел аппетитно, не забывая болтать ногами и время от времени дотрагиваться ими до своей мамочки, заглядывая ей в лицо и определяя, рассердится мама или поиграет с ним ещё.

Вдруг он, неожиданно вздрогнув, замер, широко распахнув наполненные слезами глаза, и, готовый заплакать, испуганно прижался к Маше, ища в ней защиты...

В тот же момент, насквозь пронизывая, а, по сути, пробивая тугую тишину, раздался истошный крик: «Ра-а-ши-и-и-и-и-т...., о-о-о-о-а-а-а-а-а-...», переходящий в женский плач с нескончаемым стоном. Вонзившись в пространство, стон, казалось, навсегда завис в безразмерном объёме вселенной. И также – навсегда – в Машиной душе.

Страшен был крик, наполненный болью. Беспомощный и безысходный. Душераздирающий.

Она не узнала, но сердцем почувствовала голос тёти Риммы из соседнего подъезда. Два месяца назад её сын Рашит демобилизовался из армии, вернулся целым и невредимым. И счастью матери не было конца.

Но пришла беда, как говорят, — открывай ворота. Всю последнюю неделю парень лежал в реанимации с кровоизлиянием в мозг. Без сознания. Мать ходила худая и молчаливая, как тень. И каждый вечер, как только спадала жара, жители дома собирались во дворе.

Они не задавали друг другу самый тяжёлый вопрос, боясь услышать не менее тяжёлый ответ, и, посудачив о том, о сём, а, в общем, ни о чём, расходились по домам.. Ждали...

Маша обняла Ванечку, крепко прижимая к себе, целовала и гладила влажный чубчик и приговаривала:

– Ну, что ты испугался, мой маленький, мой хороший? Что ты? Всё хорошо. Успокойся. Всё у нас хорошо. Вот так....

Она легонько покачивала малыша и, незаметно смахивая слёзы, не своим голосом, словно в горле застрял ком, тихонько припевала:

А-а-а-я-й, ба-а-ю – бай, а-а-а-яй!...

Затем, спрятав маленького сынишку на груди, и, переходя на шёпот, то ли себя, то ли Ваню, растроганно убеждала:

– Никогда тебя не отдам беде. Никакой. Никогда...

3

Прошло двадцать пять лет. Стоял такой же огненный июль, как и четверть века назад. Казалось, что солнце расплавит всё вокруг, зыбкое марево поглотит все звуки, и немая тишина прибьёт весь мир к земле.

Тяжёлые машины, как и тогда, съезжая с железнодорожного моста, бесшумно исчезали за поворотом, оставляя после себя такой же продавленный асфальт и тот же тошнотворный запах жжёной резины.

На повороте в посёлок, у крайнего дома, большая собака лениво выглядывала из-под крыльца, но, высунув потный язык и тяжело дыша, всё же отслеживала одним глазом движения редких прохожих.

В глубине сада виднелась песочница с разбросанными игрушками, а под вишнёвыми деревьями, густо усыпанными созревающими ягодами, стояла детская коляска с разложенной на сиденье цветастой пелёнкой...

Маша остановилась в тени раскидистой берёзы. «Какой же красавицей выросла!», — выдохнула она и поставила на землю тяжёлую сумку, потрясла уставшей рукой, на которой ярко выделялась красная борозда от пластиковых ручек. Но Маша не чувствовала этой боли.

Перед нею по обеим сторонам улицы расплёскивал голубизну цветущий цикорий. Он был в движении, волновался каждым лепестком, трепетал от малейшего прикосновения парящих над ним невесомых бабочек. Он дышал. Он был живым...

... Месяц назад налетела хищной птицей болезнь, выхватила из жизни Ваню и навсегда унесла голубоглазое Машино чудо...

Она смотрела на скромное цветение цикория, на его дивное сияние, утекающее вдоль по улице, которое где-то далеко и высоко вливалось в синеву неба.

Среди цветков Маша снова и снова искала родные глаза, по которым так сильно скучала. Искала напрасно ...

— Не уберегла. Не защитила... — в который раз укорила себя женщина, и по заплаканному лицу вновь потекли слёзы. Она пыталась утереть их, но они, не слушаясь, текли, не переставая.

Маша подняла сумку, переложила её в другую руку и, ничего не видя перед собой, ссутулившись, побрела к родительскому дому.

ЗАПАХ КОМНАТ, НАПОЛНЕННЫХ СЧАСТЕМ

Это самая радостная и самая печальная из всех кинолент, когда-либо просмотренных Алёной. И много лет, она, как тяжелобольная, с какой-то страшной формой зависимости, снова и снова тянется за небольшой картонной коробкой, хранящей очень дорогую для неё семейную реликвию.

Она знала точно, что будет потом, после просмотра. Она потом будет болеть. Тяжело будет болеть. И долго. Но всё равно, через какое-то время Алёна опять потянется к пульту, чтобы нажать волшебную кнопку «плэй» и немедленно испытать короткую радость, равной которой уже никогда не будет.

В 80-е годы видеофильмы не были большой редкостью, но и широкой доступностью тоже не отличались. И вот однажды её муж договорился с другом своего друга, что тот придёт к ним в воскресенье и снимет кино. Алёна узнала об этом утром, а к обеду Алексей, так звали оператора, с видеокамерой уже стоял на пороге их новенькой трёхкомнатной квартиры.

Мужчины сначала беседовали о том, о сём, дав «актёрам» немного времени подготовиться.

Сыновья Ваня и Антоша надели любимые джинсы и футболки, Алёна собрала в косу длинные волосы, нарядилось в лёгкое домашнее платье, — вот и вся подготовка. Жили они скромно. В те годы в магазинах и вправду ничего не было, и зарплаты были небольшие. Но у них было двое прекрасных ребятишек и новая квартира.

После восьми лет проживания в коммуналке она казалась райским жилищем. А то, что прихожую украшала куча стройматериала, почти не было мебели, а вместо люстр — свисали с потолка голые лампочки — всё это ничуть не омрачало их жизнь. У них было много больше — у них было счастье, и оно щедро наполняло все комнаты квартиры.

 Ну, что же вы замерли?Делайте свои дела, а я буду потихоньку снимать. Тогда получится интересно, – предложил Алексей.

Но как можно было не смотреть в объектив видеокамеры, если он сам, этот вездесущий объектив, прицельно следил за каждым движением? Как было не смотреть в него, если от него напрямую зависел успех их домашнего кино?

Чтобы разрядить возникшее напряжение, Алёна предложила ребятам выступить с игрой на музыкальных инструментах. Это ненадолго отвлекло их и от скованности и от баловства.

...Вот восьмилетний Ваня приносит свою флейту. Пристраивает на столе в полупустой детской комнате ноты и, артистично красиво приподняв тонкие локти, начинает играть, выдувая мелодию.

Тишина. Все слушают, как он, легко перебирая пальчиками, быстро закрывает маленькие отверстия на флейте, извлекая из инструмента чудесные звуки. Это украинская песня «Перепёлочка»: «Ты ж моя, ты ж моя, перепёлочка…» и снова – повторение: «Ты ж моя, ты ж моя, перепёлочка…».

Играет он с наслаждением, старательно, в такт игре чуть покачиваясь корпусом вперёд-назад, не поворачивая головы на слушателей, лишь изредка, в паузе, облизывает пересыхающие губы и внимательно вглядывается в нотную тетрадь, подпёртую для верности толстой книгой. Потом играет ещё и ещё.

Глаз камеры то неотступно следит за движениями пальцев, то за всеми, довольно окружившими Ванечку, их любимого мальчика, немного озорного, но бесконечно доброго и светлого.

...Потом Алёна видит, как наступила очередь младшего, Антона. Он, шестилетний малыш, едва тащит свой небольшой аккордеон, усаживается на стул, надевает на плечики ремешки, а Алёна подходит, склоняясь над кудрявой русой головкой, и стягивает их за спиной верёвочкой, чтобы инструмент не свалился во время игры с плеч шестилетнего сынишки.

Вот он левой рукой не без труда растягивает меха влево, и сам всем тельцем наклоняется в левую сторону, потом возвращается в исходное положение, потом снова — влево, и опять в исходное. Трудновато ему, но он справляется.

То громче, то тише звучит мелодия. И новая радость заполняет комнаты звучанием проникновенных звуков немецкого аккордеона.

Антон играет по памяти, не глядя ни на кого, сосредоточенно, чтобы не сбиться, прикусив от напряжения губы, иногда чуть заметно шевеля ими, вроде бы подпевая про себя.

«Из края в край вперёд иду, сурок всегда со мною, под вечер кров себе найду, и мой сурок со мною...», потом ещё и ещё, — весь неожиданно большой репертуар для дошкольника.

Оператор ведёт съёмку, переводя камеру то на выступающих, то на довольных родителей, то на скромный интерьер комнаты.

...Вот муж Алёны, молодой и красивый, стоит в дверном проёме и с гордостью наблюдает за выступлением сыновей. Вот как просто он одет: брюки, рубашка в клеточку, серый шерстяной жилет, ладно сидящий на его хорошо скроенной фигуре. Волосы его не расчёсаны, растрёпаны немного, но на короткой стрижке это замечает, наверное, только жена. Да и до этого ли ему сейчас? И Алёна очень любит его...

Он вполне доволен собой, встречей, организованной для своей семьи, улыбается сам себе, своей удаче, поглядывая не без гордости на удивлённого концертом Алексея.

... А вот пришёл и черёд Алёны. Она тоже берётся за аккордеон и начинает играть. Только сидит она теперь не в детской комнате, а в «зале», всю обстановку которой составляют подаренный родителями иконостас, старая тахта, переехавшая с ними из коммуналки, телевизор и большое количество цветов, украшающих пышной зеленью широкий подоконник, а также низенькие лавочки и невостребованные табуреты вдоль стен.

Выглядит очень забавно. Алёна знает всего две песни из репертуара Лидии Руслановой и очень любит их: «Степь да степь кругом» и «Когда б имел златые горы». Вот она худенькая, подвижная, в белом полупрозрачном платьице, отделанном яркой тесьмой, играет и поёт, глядя прямо перед собой. Поёт незнакомым себе голосом, чистым, почти детским, звучащим издалека, вроде бы из-за кадра. Как в настоящем кино...

Она замечает, с каким восхищением и нежностью следит за ней муж, знает это, но не подаёт вида, чтобы не ошибиться в игре. Все, даже Ваня с Антошей, притихли, заслушались, изредка бросая мимолётные взгляды прямо в объектив киноаппаратуры.

Сидят смирно, поглаживая сиамского кота Тёму, пристроившегося рядышком, словно понимающим, что происходит сегодня что-то очень важное — кино, которое сохранится очень надолго, и очень долго будет будоражить сердце.

– А теперь частушки!, – объявляет Алёна, и все весело смеются и отпускают реплики.

Даже волнистый попугайчик Кеша, которого никогда не закрывали в клетке, неспокойно летает из комнаты в комнату, то опускаясь кому-то на плечи, то взлетая снова, бесконечно радуясь происходящему.

«Неужели всё это было у меня? Неужели?» – в который раз спрашивала себя Алёна.

- Мама, ты опять? Ты же обещала! она не заметила, как пришёл с работы Антон.
- Всё-всё, я выключаю..., отвечает, вздрогнув.
- Я спрячу эту кассету, мам. Ты хочешь, чтобы сердце опять болело? заботливо ругает он мать, заметив на лице её слёзы. Выключай! Пойдём ужинать и чай пить!
- Да, да, Алёна наскоро вытирает руками покрасневшие глаза.

...А кино продолжается: и вот вся семья опять сидит за маленьким столом на кухне, Алёна разливает щи по тарелкам. Играет музыка, задорно и нетерпеливо вырываясь из динамиков магнитофона, пристроенного на подоконнике, заполоняя всю квартиру ощущением уюта и праздника.

На клетчатой скатерке — вазочка с голубыми цветами. Ваня с Антошей, сидят в ожидании, болтают под столом ногами. Они, стараясь подтолкнуть друг друга, озорно переглядываются, а Алёна крутится, крутится, успевая всем подать еду, поправляя косу, спадающую на белое платьице и распустившуюся по плечам...

А из тарелок поднимается горячий душистый пар, растворяющийся где-то под потолком и плавно растекающийся по комнатам, и Алёна снова чувствует запах свежих щей и слышит музыку, перебивающую душевный разговор, и сердцу становится всё теплее, теплее, и вот уже слишком горячо, но оторваться, не досмотрев, невозможно ...

...Алексей ест неторопливо, глядит на веселящихся ребятишек. Муж смотрит на Алёну с улыбкой, будто спрашивая: «Ну, что, родная, ты рада? Угодил я тебе?»

И она отвечает глазами тоже радостно: «Конечно, рада, родной. Конечно, угодил». И они понимают без слов, только изредка переглядываются, и знают только сами, о чём ещё говорят друг другу...

Неугомонный попугай, описывая круг за кругом, осмеливается и присаживается прямо на стол и важно ходит между тарелками, а ребята, зная, что за ними следит зелёный глазок оператора, потихоньку, то ловят Кешу за хвост, то подставляют палец прямо к клюву, заставляя птичку суетиться и шипеть. А сами всё смеются и смеются...

– Спасибо за обед. Выйду, покурю, а камера пусть работает, – поблагодарил Алексей, поставил камеру на холодильник и вышел с мужем в коридор.

Вернувшись, он предложил: — Напоследок надо сделать общий снимок! И вот все, смеясь и договариваясь, наконец-то рассаживаются в спальне прямо на кровати. В центре — Алёна, наспех приколовшая волосы, в руках — любимое вязание, рядом Антоша, первым успевший схватить новую игрушку, с другой стороны — Ваня, поймавший пробегавшего кота.

Он усадил его к себе на колени, точь-в-точь, как куклу, и, радуясь своей выдумке, что-то успел шепнуть Антону, и они никак не могут остановиться от смеха. А над всеми прямо под глазастым объективом застыл в покровительственной улыбке муж. Секунда...

- Есть фото на память! объявил оператор, и семья дружно рассмеялась, повалившись на кровать, поняв, что съёмка фильма подошла к концу, и можно расслабиться.
- Мам, ну ты идёшь? услышала Алёна настойчивый голос Антона и аппетитно распространившийся по комнатам аромат свежих щей. Жду тебя!
- Да-да, сынок! Стараясь бодрее крикнуть в ответ, зная, что экран вот-вот погаснет, а нажать кнопку раньше Алёна всё равно не сможет.

Как приворожённая, она боится оторваться от экрана, чтобы не пропустить ни одного жеста бесконечно дорогих ей людей, вглядывается в их родные лица. Конечно, она досмотрит кино до конца, пока не замельтешат перед глазами серые мушки. И пусть глаза, как не прячь, — красные, и пусть сердце в груди то ли от радости, то ли от боли совершает беспокойные горячие кувырки, а в голове, как за кадром, опять и опять звучит концовка её личной сказки: « И был муж — да загулял, и был сын — да не стало, и радость была, — да вышла вся».

...Фильм давно закончился, а она всё смотрит, не отрываясь, на потемневший квадрат экрана, чтобы в последний раз вдохнуть запах комнат, наполненных счастьем.

плотник

1

- Я! Те-бя! Не! Лю-блю! - почти выкрикнул он, нарочно делая длинные паузы между словами и ударения на каждом слоге.

Ксения от неожиданности вздрогнула и замерла. Он, словно испугавшись своей решимости, ждал ответа, резкого, истеричного, какого угодно, но – ответа.

А она молча смотрела на дорогое ей лицо и не верила своим ушам.

Тогда он, опомнившись, быстро заговорил:

– Я сказал сейчас неправду! Я сказал неправду, поверь, Ксения! Не-прав-ду! Но ты должна понять... Понимаешь, должна!

Она понимала, она хотела задать ему сто тысяч вопросов, но не могла. К чему? Ведь приговор вынесен... А в голове, вместо упрёков и осуждений, крутилось: «Как я люблю тебя! Как же я тебя люблю! Как же я люблю тебя, хороший мой, милый мой...» Она пестовала эти мысли, как маленького ребёнка, но вслух не могла произнести ни одного слова. «Я знаю, — ты не уйдёшь, ты никогда не уйдёшь», — думала она, глядя на него.

Но он ушёл.

...На улице гудели машины, куда-то спешили люди. Было жарко. Июньское солнце плавилось и проливало раскалённое тепло на весь мир. Возле автобусной остановки суетились воробьи, проворно растаскивая кем-то брошенную горстку семечек.

Не отставали от них и голуби. Малыш в ярких шортиках, широко расставляя ножки, охотился за птицами, пытаясь поймать. Он звонко хлопам пухлыми ладошками, но птицы не очень-то боялись его.

Жизнь кипела. Ксения брела, ничего не видя и не слыша. Она не стала ждать автобуса и медленно шла по тротуару мимо цветущих кустов шиповника. Над лёгким ароматом розовых лепестков кружили с неустанным жужжанием насекомые.

Уход убил Ксению. Не было слёз. Было молчаливое подчинение обстоятельствам. Куда идти? Домой — не хотелось: мама будет расспрашивать. Вообще-то, она с утра собиралась к сестре на дачу, но могла и не уехать.

Дети, скорее всего, гуляют, но могут быть и дома. Нет! Не хватало ещё разреветься перед ними... Может, дома – и никого, но одиночество тоже невыносимо. Ксения не знала, что делать.

Она с сыновьями временно жила у мамы, — в её квартире заканчивался ремонт. Заканчивался именно сегодня. Вечером ей, Ксении, нужно принять работу и расплатиться с рабочими. Ксения посмотрела на часы — около трёх. Рано! «А вдруг закончат раньше?», — подумала она и направилась в сторону старого квартала, где находился её дом.

Невысокая, стройная, в узкой до колен юбке, Ксения выглядела почти девчонкой, не смотря на то, что её мальчишки-близнецы заканчивали десятый класс.

Пышные русые волосы, не знавшие парикмахерских ухищрений, она умела высоко и ловко прихватывать заколкой, и они прядями стекали по шее, плечам, ниспадая почти до талии. Волосы были предметом её гордости: не раз Ксения ловила на себе восхищённые взгляды мужчин и завистливые — женщин.

Негустая чёлка не могла скрыть большие зелёные глаза с широкими зрачками, которые от природы были таковыми и придавали выражению глаз необычайную глубину...

Весь её облик являл яркое несоответствие между вызывающе – ладно скроенной фигурой и пронзительно – печальным взглядом иконы.

Ксения шла очень медленно. Спешить ей было некуда. Никто её не ждал. Некого ждать было и ей. Хотя, она до сих пор не верила в происшедшее и подсознательно чувствовала, что произошло великое недоразумение, чудовищная ошибка. Ждала: вот-вот он окликнет её...И она знала, что простит, и уже простила его, только бы он позвонил. Но мобильник упрямо молчал...

2

Вот и знакомый двор. В песочнице копошились дети, молодые мамы с колясками стояли рядом, негромко переговариваясь. Ксения вошла в подъезд, поднялась по тёмной лестнице. Дверь в квартиру была приоткрыта. В нос ударил запах краски, который Ксения не переносила с детства — болела голова. Но сейчас она не обращала на него внимания: ремонт заканчивается, и она вот-вот с сыновьями переедет в чистенькую квартиру.

Полы были покрашены, плинтусы прибиты. Плотник — молодой мужчина лет двадцати пяти, которого Ксения нашла по объявлению, доделывал последние штрихи.... «Вовремя пришла, заканчивает», — подумала Ксения проходя на мысочках по уже высохшей дорожке к открытому окну. Лёша, так звали мастера, был малоразговорчив, на звук шагов, продолжая работать, даже не повернулся,.

- Здравствуйте, поздоровалась Ксения. Заканчиваете?
- Да, кивнул Лёша, не поворачивая головы. Ксении неразговорчивость мастера даже нравилась, она и сама-то в жизни не была болтушкой, а сегодня и тем более ничто её не трогало: она закрылась в себе. До сознания медленно доходил смысл утреннего разговора, и она всё глубже погружалась в свои мысли, а, может и не в мысли, потому что их было настолько много, словно не было совсем...

В её душе созревало ГОРЕ, которое всё-таки случилось, не смотря на то, что ни в коем случае случиться оно не могло. Но случилось.

Ксения облокотилась на подоконник нового окна и высунулась на улицу. Смотрела и думала. Напротив магазина компания подростков с банками пива громко смеялась, что-то обсуждая, при этом частенько награждая друг друга крепкими выражениями. Ксения, волнуясь, вглядывалась в лица: «Моих нет ли?» Нет. Хоть и знала, что – не увлекаются, но материнское сердце всегда в тревоге за свих детей.

Для Ксении время остановилось. Она отрешённо наблюдала за оживлением, которое царило внизу, но чувствовала другое: как всё быстрее и быстрее вызревало её ГОРЕ. Чувствовала, как оно, острое и больное, всё глубже входило в душу. Эта боль разрасталась, ныла, стонала и разрывала душу на части, переходя в боль тела: болела и кружилась голова, отяжелели ноги, руки дрожали, мир перед глазами крутился, словно в мутном калейдоскопе. «Ты дол-жна по-нять! Ты дол-жна понять!» — стучало в голове. Вот оно что... Но куда деться от невыносимой боли?

Ксения по-прежнему смотрела вниз из окна четвёртого этажа, и вдруг словно кто-то подкинул мысль: а ведь — одна секунда, — и всё кончится: эти мысли, эта боль, эта безысходность... Всё, всё, всё.. Внизу — небольшой газон, зелёный кустарник, на солнце греется кошка...

- Что, хозяйка, фигово? — перебил мысли голос будто издалека. Она оглянулась, но не ответила. Рядом с ней, высунувшись на улицу из соседней створки окна, стоял Лёша в мокрой от пота футболке и шортах с налипшими на них опилками...

Ксения молчала, продолжая смотреть вниз.

Что-то очень сильное и притягивало и отталкивало одновременно. «Нет, нет, конечно, нет».

– Курите? – опять тот же голос, но уже близко, рядом. Очнувшись, Ксения оглянулась. Лёша протягивал ей пачку сигарет, но она отрицательно качнула головой. Не курила.

Плотник закурил, высунувшись на улицу, стряхивая пепел вниз.

Солнце спряталось за облака, издалека наплывали с неровными очертаниями тучи. «Наверное, пойдёт дождь, — мелькнуло в голове Ксении. — Хорошо бы...» Подул ветер. Её волосы слегка растрепались. Но опять выглянуло солнышко, и она невольно поморщила носик и прищурила глаза. «Хоть бы дождь!» — снова подумала Ксения. — Хоть бы — гроза!» Разные, непонятные ей самой, чувства зарождались и боролись в ней сейчас. Хотелось, чтобы обрушился пенной лавиной дождь, сильный, проливной, с раскатами грома и яркими вспышками молний. Может, тогда её переживания пусть и не прошли бы совсем, но хотя бы притупились.

...Солнце опять укрылось за тучку. Сверкнуло. Посвежело. Потянуло сквозняком. Сомнений не оставалось. Надвигалось...

Ксения отвернулась от окна. Достала из кошелька деньги. Протянула мастеру: «Вот». Лёша, затушив окурок, аккуратно, не пересчитывая, убрал их в поясную сумочку. Его рабочие инструменты уже были собраны возле большого рюкзака, и он укладывал их, ловко обтирая сухой тряпкой.

Судя по готовности можно было подумать, что он торопился уйти.

– Может, обмоем ремонт? Вроде, неплохо получилось. – Вдруг нарушил тишину его голос.

Ксения повернулась к мастеру, рассеянно пожав плечами. Она соображала с трудом, но пыталась расстегнуть дрожащими пальцами застёжку на кошельке. Она поняла, что надо ещё дать денег, но услышала, что входная дверь уже захлопнулась...

Откуда-то появилось и нарастало раздражение. «Когда же он уйдёт? Такой молодой, а без выпивки – ни шагу... Алкоголики! Сколько беды от них! И, хотя, магазин в этом же подъезде, – в грязной одежде пошёл! Алкоголики!»

Ксения невольно выглянула в окно, где компания подростков уже не столько веселилась, сколько громко спорила, перекрикивая друг друга, размахивая пивными банками. Несколько пустых банок валялись рядом на клумбе, густо заросшей цветущими одуванчиками.

4

...Шаги — на лестнице, чуть слышно открылась входная дверь. Вернулся плотник с пакетом в руках. Ксения отвернулась от окна и презрительно наблюдала за ним, ожидая, как из пакета появятся водка, пиво... «Интересно, сколько?»

Тряпкой, которой обтирал инструменты, Лёша смахнул опилки с табуретки, накрыл её выцветшим полотенцем. Он, казалось, не обращал внимания на молодую женщину, следящую за каждым его движением. Первой из пакета появилась коробочка «Рафаэллы», затем четверть хлеба, кусок варёной колбасы, связка бананов, последней появилась бутылка шампанского.

Мастер извлёк из поясной сумки перочинный нож, медленно нарезал продукты и, не спеша, разложил их на столике. Движения его были спокойными, несуетливыми, он, словно нарочно, растягивал время. Ничто не выдавало его усталость, несмотря на то, что он весь день работал.

Закончив незатейливую сервировку, Лёша достал из кармана сотовый телефон, щёлкая клавишами и настраивая музыку, и приспособил устройство рядом на табуретке. Закончив несложные приготовления, он, будто вспомнил, что он — не один, поднял глаза и неожиданно для Ксении смущённо спросил:

- Можно я под душ? Неудобно как-то к столу... - И обвёл взглядом свою рабочую одежду. Не дожидаясь ответа, удалился. Из ванной донёсся плеск воды.

Ксения безучастно смотрела на табуретку-стол, перевёрнутые набок табуретки-стулья...

Посреди ремонтного беспорядка в квартире, и не менее страшного беспорядка в её душе — тихонько излучал музыку маленький потёртый мобильник. Знакомые мелодии, любимые песни...

Как давно она не радовалась, как давно жила в ожидании того, что случилось сегодня. Сколько времени она обманывала себя, отгоняя, отсрочивая давно назревшее расставание. Как давно изжила из своего сердца радость, а поселила тревогу и страх.

Лёша довольно быстро вышел из ванной. По его смуглой коже кое-где стекали капельки воды, блестели тёмные короткие волосы. Под спортивной майкой определялись хорошо накачанные мускулы.

За окном заметно потемнело, длинные лучи солнца падали узкими полосками на свежевыкрашенный пол, освещая на сухом пятачке двух совершенно незнакомых людей: мужчину и женщину.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Молчали. О чём они думали в этот момент? Каждый о своём? Или оба об одном и том же?

... По узкой дорожке вдоль стены Лёша подошёл к окну, возле которого замерла Ксения. Он протянул её руку, но она отказалась от помощи, и стала краешком пробираться к столику.

Она не слышала точно, что за музыка разливалась по комнате, но чувствовала, что — самая лучшая, только давным-давно позабытая. И Ксения постепенно, сама того не осознавая, понемногу вспоминала её, — но нет, не памятью, — а доведённой до отчаяния душой, растревоженным сердцем, — всем своим существом. Музыка вливалась в неё, попадая в каждую клеточку, обволакивая каждый нерв, превращая каждый миллиметр плоти в бесплотную невесомость.

Лёша налил вина в пластмассовые стаканчики.

— За вас! — просто произнёс он и впервые в упор посмотрел на Ксению. Она подняла глаза навстречу его взгляду... На красивом лице с гладко-матовой кожей мальчика Ксения увидела тёмные, из-за расширенных зрачков почти чёрные глаза, чуть опущенные веки. На неё смотрели глаза зрелого мужчины, полные необъяснимой печали.

Ксения пригубила вино, тут же вспомнила, что целый день ничего не ела. Но аппетита не было. Она взяла конфету, которая таяла во рту, а на пальцах остались прилипшие кокосовые крошки. Ксения по-детски слизнула их, и тут же заметила, что лицо Лёщи посветлело, он улыбнулся за всё время первый раз. Ксения тоже улыбнулась, но напряжённо, одними уголками губ.

Внутри оттаивало. С большим трудом, но всё же оттаивало. Потеплело. Ушла боль, которая терзала сильнее тяжёлой болезни. Ушли мысли, от которых помрачался разум. От Лёши исходила детская искренность, доброта, и Ксения вспомнила своих мальчишек, своих двойняшек, которых любила больше всех на свете. «Как же давно я их не видела, – подумала она, – почти целый день...».

Лёша поднялся навстречу Ксении:

— Приглашаю на танец! — Движения его были легки и непринуждённы, слова — просты и недвусмысленны. «В школьное окно смотрят облака...», — звучали знакомые слова песни, и Ксении вспоминалась пора школьных лет.

...«Миллион, миллион, миллион алых роз из окна, из окна видишь ты...», — и память рисовала картины первой любви. У Ксении закружилась голова: «Что же это? Что происходит? Оказывается, вся её счастливая жизнь осталась где-то в далёком прошлом, а она и не замечала этого столько лет...?»

Они танцевали, едва касаясь друг друга, но не было стеснения и неловкости. Их выразительные глаза стали ещё выразительнее, а широкие зрачки расширились ещё больше.

Ничто другое их не объединяло, и совсем ничего друг о друге они не знали. И не хотели знать.

«Что же это?» – роились мысли в голове молодой женщины. «Сон? Или когда – то всё это уже было со мной? Когда? В далёкой юности? А, может, в прежней жизни?». Ксения напрягалась, но не могла вспомнить, да и не очень-то хотела. Единственно, чего она хотела сейчас, – чтобы музыка не кончалась никогда...

Лёша подхватил Ксению на руки и стал медленно кружить по комнате. Места было мало, но у него получалось ловко. «Сильный», – подумала Ксения, слегка держась руками за его шею, боясь что он сможет её уронить.

Но в тот самый момент, когда она вот-вот, как ей казалось, могла упасть, он подхватывал её, и они кружились дальше. Музыка не кончалась...

И Ксения вдруг отметила, что она смеётся, что смеются они вместе. «Странно, я же не сказала ему ни единого слова, что же нам так смешно? – думала она.

«Я же с ним даже не разговаривала!» Но её радовала непритворная улыбка молодого человека. Женским чутьём Ксения чувствовала, что Лёша, как и она, давно не был таким раскованным и счастливым.

Лёша кружил её на небольшой площадке высохшего пола, как маленькую девочку, бережно и легко. И при этом кружении Ксения ощущала прикосновение его горячей щеки и не менее горячих рук.

– Хватит. Я устала, – резко остановила его Ксения.

Она присела на табуретку, поправляя разметавшиеся волосы, и заметила, как горит её лицо...

Они выпили по глотку вина. Молча. Без тостов. Лёша жадно ел бутерброд. Съела и Ксения. Иногда они встречались взглядами, улыбались, как друзья, которые увиделись после долгой разлуки. «Может вот это — счастье? Понимать по глазам, не проронив ни слова? А что же со мной было раньше? Что?» — не давала себе покоя женщина. — Неужели я всю жизнь обманывалась, принимая за счастье совсем другое?»

Дождь всё-таки собрался. Первые капли тяжело застучали по стеклу. Вдалеке громыхнуло. Ворвался ветер, и нервно хлопнули рамы — одновременно на кухне и в комнате. Ксения, вздрогнув, быстро поднялась, но Лёша опередил:

– Я закрою.

Громко стучало в голове, громко стучало сердце. Новое, большое и неизведанное надвигалось на неё, но не было страшно, она хотела остановить время, запомнить каждую минуту, секунду...

Он вернулся и остановился напротив неё, а она отчаянно пыталась застегнуть непослушной заколкой непослушные волосы, которые никак не хотели собираться в причёску.

Лёша отвёл её руку, отобрал заколку, и, наконец-то, волосы, рассыпаясь, упали так, как хотели...

Они сидели рядом, очень близко друг к другу. Он положил голову на её плечо и, точно невзначай, прикасался щекой к её щеке.

Они молчали, слушая дыхание друг друга, и счастливее их не было во всём мире...

- Ты любишь стихи Гумилёва?
- Не знаю, не помню, растерялась Ксения.
- Хочешь, почитаю?
- Да.

Он долго читал напамять любимые стихи о гордой птице, которая погибла, и ещё о чём-то, но она слышала только его голос, видела его профиль: с небольшой горбинкой прямой нос, упрямо сжатые, но чётко очерченные губы с маленькой родинкой над верхней губой.

- Ты похож на маму? спросила Ксения.
- Да, ответил он с нежностью и добавил Она у меня красивая. Очень. И молодая. Но мы редко видимся...

Больше Ксения ни о чём не спрашивала, не спрашивал ни о чём и он: сегодня у них не было прошлого.

Лёша задумчиво поднял пластмассовый стаканчик и произнёс:

- Я хочу поднять тост за матерей! - от неожиданности и удивления Ксения сжалась и перестала дышать, - а Лёша продолжал - И рассказать услышанную в детстве легенду о матери.

Ксения оторопела: все чувства сегодняшнего дня, и радость и боль, и горе и счастье, — всё перепуталось и перемешалось в её голове. Душа маялась и не находила себе места в маленьком существе женщины. На миг ей показалось, что он заметил её смятение, её боль, пока ещё не осознанную, но уже настойчиво — беспощадную. Но это ей только показалось, а он, ничего не замечая, продолжал:

– Юноша любил девушку и обещал жениться на ней. В доказательство своей любви невеста приказала принести ей в дар сердце матери. Сын убил мать и ночной порой спешил к возлюбленной. Впотьмах он споткнулся и упал. А молчавшее до этого сердце заплакало: «Ты не ушибся, сынок?»

У Ксении похолодели руки, по спине побежали мурашки, её знобило

– Я пью за материнское сердце, – повторил Лёша и выпил до дна. Ксения пригубила. Она уже слышала эту легенду, знала её, но сегодня рассказ звучал особенно правдоподобно.

Ксения притихла и боялась пошевелиться.

Совершенно противоположные мысли разрывали теперь её на части. Она боялась даже взглянуть на рассказчика: что он думает о ней?

Кем она видится ему? Почему он рассказал ей эту легенду? А, может, он намекнул ей на возраст..?

И в душе становилось всё больнее... Наконец, она осмелилась перевести на Лёшу взгляд: его бесстрастное лицо сияло, глаза блестели. Видно было, что он очень старался и хотел угодить молодой женщине, и снова, сегодня уже в который раз, все сомнения Ксении разом рассеялись под его улыбкой.

«Они думали о разном!» — молниеносно пронеслось в её голове. А он хотел только одного — понравиться, и, теперь, как ребёнок, ждал похвалы. Она облегчённо выдохнула и ласково взъерошила густые волосы...

7

Догорал тёплый вечер конца июня. Было тихо. После дождя, как будто всё обновилось, и началась новая жизнь. Отмытые от городской пыли тополя распространяли свой неповторимый аромат горечи и счастья. Ксения не могла надышаться этим чудным настоем.

Хозяева выгуливали собак, вездесущие воробьи купались в лужах, громко чирикая и беспрестанно взмахивая взъерошенными крылышками. Изредка по мокрому асфальту проносились машины, поднимая тысячи брызг. Не смотря ни на что жизнь продолжалась во всей красоте и многообразии.

Мужчина и женщина шли плечом к плечу.

Лёша крепко держал Ксению за руку, и, если она выскальзывала, снова ловил её. Они шли молча. Шли и шли, вслушиваясь в лёгкий шелест июньского вечера, в музыку жизни и радости и, возможно, думая о том, почему такой несправедливо долгой была их разлука...

Дорога вела мимо сквера, через парк. Можно было доехать на автобусе, но Ксении хотелось, как можно дольше идти рядом с юношей. Вот показался сквер: это место встреч молодёжи города. Внезапно Ксения опомнилась: а вдруг здесь гуляют её ребята? Они не должны видеть ...

Мгновенно сработала мысль: выдернуть свою руку — из Лёшиной, но... не смогла. Она всё понимала, но не могла отказаться от нахлынувшего счастья. Ей казалось, что такой счастливой, как сегодня, она не была никогда и, поэтому всё равно, что случится потом...

В парке с деревьев падали капли воды даже при небольшом дуновении ветерка. Стоял обворожительный дух свежести и чистоты. Потревоженные дождём белые зонтики аниса издавали пряно — медовый аромат, и весь парк благоухал от высоких соцветий.

Темнело. Фонари не горели, и людей в парке почти не было. Многочисленные лужи после дождя покрылись жёлтой пыльцой. Кружил голову едва уловимый запах цветущей липы.

Лёша разговорился. Он то забегал вперёд Ксении и рассказывал ей истории своего детства, изо всех сил стараясь рассмешить её, и смеялся сам, если задуманное удавалось; то становился задумчивым и серьёзным и не очень охотно вспоминал о суровых законах армейской жизни, о кавказской войне на которой успел побывать.

- А знаешь, как пахнет осина? У её коры особый запах. Хочешь: закрою глаза и по запаху отыщу это дерево?
- Нет, нет, смеялась Ксения. И так верю!

Незаметно они пришли на другой конец города, где жила мама Ксении. Слышалось, как за углом дома смеялась молодёжь, кто-то качался на детских качелях, и они жалобно поскрипывали. Недалеко от входа в подъезд горел единственный во дворе фонарь.

Сверху смотрела на них большая луна, и небо светилось от множества ярких звёзд. Ксении казалось, что за этот день она прожила целую жизнь.

8

... Они стояли друг против друга, не отпуская рук. Он целовал её. Потом освободил руки и перебирал волосы, трогал губы, глаза, точно слепой, стараясь пальцами запомнить каждую малость.

- Какой твой этаж? спросил он.
- Шестой, ответила она.
- Я буду ждать, как загорится свет, он снова взял её руки. Обязательно! Слышишь?

Она кивнула и скрылась за дверью подъезда.

...Мама уже спала. Обувь ребят стояла на месте, — значит, дома. Из-под двери выглядывала голубоватая полоска. «Опять в компьютере», — пронеслось в голове.

Ксения не разуваясь, стремительно вошла в свою комнату. Не зажигая света, встала у окна. На тропинке, едва освещённой луной и блёклым фонарём, виднелась фигура молодого человека. Он внимательно следил за окнами. Прошло несколько минут.

Он прошёл вперёд, снова остановился и смотрел на окна, потом вернулся и всё ждал, ждал...

И только когда он решительно зашагал прочь, Ксения упала на диван и зарыдала...

БРИГАДА ЗАЙЦЕВЫХ

Ремонт, ремонт! Как с тобой справиться? Как денег накопить? А, как и дело до ума довести, и при этом самим остаться целыми, невредимыми, не расторгнуть законный брак, поделив имущество вплоть до каждой ложки и вилки, оставив неделимыми только, слава Богу, детей, тем более всем известно, кому достанутся при делёжке дети...

Пережить ремонт – всё равно, что пережить стихийное бедствие. А, уж, если ремонт в очень старой квартире, – тут и говорить нечего, – дело крайне опасное во всех отношениях.

Так было и у нас. Квартира старая, давно не видела ремонта — за что ни возьмись, всё сыплется, ломается, выходит из строя. Берёшься за что-то определённое, а переделывать приходится почти полквартиры. Маленькая квартира на втором этаже давным-давно не видела хозяйских рук и требовала большого ремонта, а также большого вложения того, на что этот ремонт делается. И вот на кухне, отодвинув газовую плиту от стены, мы вдруг почувствовали запах газа, и он, как мне показалось, нарастал. А у страха-то глаза велики! Конечно, я испугалась, но в таких ситуациях силы откуда-то берутся сами, и всё делается будто по велению Высших сил...

Руки и ноги затряслись, сердце часто заколотилось, тем более, что запах газа, без сомнения, усиливался. Наспех распахнув окна и дверь и приказав сыновьям выйти из квартиры, я быстро сделала вызов аварийной газовой службы.

Не знаю, сколько прошло времени, в чрезвычайных обстоятельствах время тянется медленно, но, наверное, минут 15-20, и два добрых молодца появились на пороге. Действовали они быстро и решительно. Без лишних вопросов бросились на кухню, а на мой порыв объяснить, что произошло, быстро эвакуировали нас, послав на три буквы.

Итак, мы, эвакуированные, ждали на лестнице, пока они устраняли аварию, причём газового ключа в квартире не оказалось, что, по их словам, очень осложнило и без того опасное положение дел. Но храбрые спасатели вышли из затруднительного положения посредством инструмента из своего чемоданчика. Минут через пять, закончив работу, они разрешили войти в квартиру.

- Всё у вас на «соплях» держалось. Понятно? И плита давно не рабочая, аварийная. Понятно? Нельзя ею пользоваться. Понятно? Как до такого можно довести? А? строго отчитывал тот, который был постарше и, часто взглядывая поверх очков, видимо, следил за моей реакцией.
- Да-а, протянула я, как можно печальнее, догадываясь заранее, о чём пойдёт дальше речь.

А того, о чём она пойдёт, в связи с этим самым ремонтом, катастрофически не хватало. «Может, удастся разжалобить?» – соображала я про себя.

- Ну, так вот. Когда будете ставить новую плиту, придёте в контору, оплатите подключение...А пока мы вам газ перекрыли, и за отключение с вас 700 рублей, вынес приговор старший.
- Да-а-а...? то ли неуверенно, то ли вопросительно, но, точно, расстроенно протянула я, услышав такую сумму. Ну, спасибо вам, а то мы так перепугались, так перепугались, газ всё-таки, запричитала я, пытаясь умилостивить бригаду, и, если получится, с наименьшими потерями решить денежный вопрос. И так вы неожиданно быстро приехали... А мы и не

ждали вас так быстро...А страшно-то как было! Вот уж где страшно!

- Да чего там, довольно улыбнулся мужчина помоложе. Это хорошо, что мы в городе были. Хуже, когда с «Гиганта» едем, а переезд закрыт. И тут что-то со мной случилось сама не знаю:
- А я вам в газету благодарность напишу! неожиданно выпалила как из пушки. Конечно, напишу! руки непроизвольно выхватили из сумочки блокнотик и шариковую ручку. Скажите, у вас какой номер бригады и фамилии ваши скажите, пожалуйста... Как лучше-то? Не так уж часто вас хвалят, а вы, вон, как работаете: и быстро, и слаженно и не дорого берёте! Семьсот рублей это что, деньги что ли? Главное, от аварии весь дом спасли!
- ...Непонятное замешательство произошло между спасателями. Они рассеянно переглянулись. А я, сообразив, что мне дали слово, уже не могла остановиться в похвалах и тараторила:
- Вот уж выручили, так выручили! Что бы мы без вас делали? Так испугались, так испугались! Весь дом мог взорваться, и люди могли пострадать...— меня как прорвало, и столько хороших слов приходило на ум, и я бы озвучивала их бесконечно, но только перевела дыхание, как тот, что помоложе, перебил и, неуверенно обращаясь к товарищу, уточнил:
- Степаныч, а ведь у них можно как аварийное отключение оформить. A?
- Да-а, в принципе, можно и так, буркнул тот, который постарше и махнул рукой. Ладно, когда сделаете заявку на новую плиту приедем, подключим. А пока до свиданьица! газовщики решительно двинулись к всё ещё распахнутой двери на лестничную клетку.
- Спасибо вам большое, стоя у двери, не унималась я. Подождите! Так, как о вас написать-то?

- Да не надо ничего писать, оглядываясь, в два голоса, почти умоляюще, твердили они.
- А я хочу, чтобы про вас люди узнали! Подождите! настаивала я опять и озвучивала непонятно откуда идущие слова. — Скажите мне ваши фамилии...— но газовщики только заметно прибавили шагу. — Я записываю!
- -Да Зайцевы мы, уже открывая подъездную дверь, крикнул тот, что помоложе, Зай-це-вы!
- Как это? Оба Зайцевы? теперь я, растерянно раскрыв рот, стояла на пороге квартиры блокнотом в руках. Совпадение у вас, что ли?
- Совпадение, совпадение! засмеялся молодой. Так и запишите: бригада Зайцевых!

СОСЕДКА

Стояла напряжённая тишина, пахло лекарствами и нашатырём. Так бывает всегда, когда в доме находится тяжёлый больной. Семья у него не сложилась, и единственной опорой в жизни были родители да сестра.

Мать не отходила от сына, которого сильно знобило, и он всё время порывался куда-то идти. Она не успевала менять холодные примочки на его голове и плакала, кутаясь в шерстяную шаль.

Отец, не старый, но рано поседевший, с больным сердцем, волнуясь, давал наказ дочери:

— Аля, ты иди прямо к ней, к Любе. Она сейчас заведующая. Она поможет. Так и расскажи всё, как есть. Через недельку, мол, его переведут в Москву, а сейчас нет мест. Но за неделю он погибнет без лечения, — и, повторяя свои мысли, продолжал, — она ведь соседка наша.

- И родители её, Царство им Небесное, перекрестился он, очень обходительные были люди. Учителя! Ну, иди, иди с Богом! проводил он свою дочь.
- Не беспокойся, папа, я всё расскажу как надо. Всё будет хорошо, убедила Аля отца и отправилась к Любе, бывшей соседке и подруге детства.

«Конечно, Люба поможет», – рассуждала по дороге Аля.

Неожиданно в её памяти всплыли картины их общего дошкольного детства, когда все поселковые ребятишки допоздна играли на брёвнышке возле Алиного дома. Разные были игры. Но самой любимой была игра в «домики».

Вспомнилось, как они с Любочкой, раздвигая густую траву у земли и связывая пучки сверху ленточками, устраивали маленькие домики. Они стелили внутри разноцветные лоскутки и заворачивали в них пупсиков-голышков (так назывались маленькие пластмассовые куколки).

Серёжа на другом конце брёвнышка неизменно строил магазин и продавал им понарошечные продукты, важно взвешивая их на весах из осколка кирпича и небольшой дощечки, положенной попрёк него.

На одну сторону весов он клал камешки-гирьки, а на другую — пучки зелени ромашки, очень похожей на настоящий укроп, а в формочки насыпал совочком песок и увлечённо изображал продавца. Сбоку от него в больших листьях лопуха был разложен богатый ассортимент: длинная зубчатая ботва одуванчика изображала селёдку, шишки хмеля — капусту, головки клевера-конфеты...

Аля чаще присматривала за куклами, а Люба ходила в магазин, где покупала у Серёжи всякой всячины и расплачивалась с продавцом, отсчитывая, как деньги, листики подорожника, аккуратно сложенные в старый атласный кошелёк с металлической застёжкой, который, в свою очередь, являлся предметом зависти подружек...

Вспомнилось, как Сергей, устав играть в продавца и желая подразнить девчонок, убегал домой, выносил кусок хлеба, густо намазанный вареньем, и кричал им, пританцовывая: «Мама, папа, есть хочу, булку с маслом не хочу! А конфету – ам! Никому не дам!» Все, забыв про игру, бросались к нему, подпрыгивая, стараясь дотянуться и отщипнуть лакомства, а он ловко увёртывался, отбегал подальше, и продолжал задиристо повторять: «Сорок один! Ем один!» Все смеялись, толкались, а раскрасневшийся Серёжа последний кусочек оставлял не сестре Але, а соседке Любочке ...

В это время появлялась мама и угощала всех детей белым хлебом с яблочным вареньем...

Счастливое было время, и сейчас эти воспоминания придавали Але уверенности.

- ...Табличка на двери «Тищенко Любовь Игоревна». «Вот молодец Люба», подумала Аля и улыбнулась. Небольшая очередь в кабинет заведующей тянулась медленно, каждый пришёл со своими вопросами. Аля успела отдышаться и ещё раз обдумать предстоящий разговор прежде, чем вошла в кабинет. «Хорошо, что Люба на месте. Это хороший знак. Всё решится, как надо», пронеслось у неё в голове.
- Здравствуй, Люба! приветливо поздоровалась Аля, прикрывая за собой дверь.
- A, Алька! Ну, заходи! приветствовала её соседка. Какими судьбами?
- Люба, у нас несчастье с Сергеем. Лечение нужно особое, дали направление, но только через неделю будет место. Надо недельку его здесь полечить. Возьми его к себе в отделение, пожалуйста, и Аля рассказала ей о недуге, одолевшем брата.

Люба внимательно выслушала. Затем заговорила тоном заведующей, медленно и назидательно:

— Значит, так, Алька, давай договоримся: мы хоть и подруги, но у каждого своё. И не надо подставлять меня!

- Как, Люба, что ты? опешила Аля.
- Ваш Сергей может в любой момент, как говорится, Богу душу отдать, а вы меня потом по судам затаскаете? Нет, и не проси, сказала, как отрезала она и, отвернувшись к окну, начала поливать цветы на подоконнике, давая понять, что разговор окончен. Может, в другое какое отделение и возьмут, а я связываться не буду.
- Люба, не берут, чуть не заплакала Аля, окидывая взглядом подругу и густо цветущие на окне герани. Зачем ты так?! Мы дорогу в суды никогда и знать не знали. А, если что случится, значит, Богу так угодно. Ты же знаешь нас, мы никогда... Мы же соседи! но Люба резко перебила её:
- Соседи, не соседи... Вам своего жалко, а мне своего. У меня тоже сын растёт, и я не хочу его сиротой оставить. До свидания. Мне надо работать...
- А что же нам делать? не веря своим ушам, Аля продолжала растерянно топтаться у двери.
- Аль, давай каждый будет сам решать свои проблемы. Ты же умеешь делать уколы вот и поколи ему что-нибудь...
- Да, конечно, Аля толкнула дверь и, не помня себя, вышла в больничный двор. На улице было прохладно, встречный ветер и застрявший в горле комок мешали Але дышать, и она делала лишь мелкие судорожные вдохи.

«Что же делать? Что будет с Сергеем? А что я скажу родителям? Папа и сам-то весь больной от переживаний. И мама от бессонных ночей еле ходит. Как дотянуть Сергея до следующей недели, а там, глядишь, он и выкарабкается?» — мысли потревоженным пчелиным роем кружились в голове у Али и жалили всё больнее и больнее. Голова разболелась, в груди защемило, ноги противно заныли. Аля брела по дорожке между больничными корпусами и думала: «Неужели ни в одном из них не найдётся места для очень больного человека, которого все отпихивают подальше от себя?»

- О, Алевтина! Привет-привет! Как поживаете? прервал тяжёлые мысли Марсель Тимурович, врач одного из отделений, где когда-то работала Алина свекровь. Он торопливо шёл навстречу в распахнувшемся на ветру белом халате Как Зоя Андреевна? Мы с ней хорошо ладили. Она дивная женщина, лепёшки нам пекла ржаные, пирожки. Н-да-а, протянул он, давно это было. А ты, что, не здорова или случилось что? быстро сменив тему, он пристально оглядел девушку. И Аля, сбиваясь, рассказала ему о несчастье, постигшем их семью. Она не успела до конца довести свой рассказ, как он прервал:
- Вот дела-а! и нервно кашлянул. Знаешь что? Привози брата. Бери машину и привози. Не теряй времени. Поняла? такого оборота Аля не ожидала.
- Спасибо, Марсель Тимурович, только и смогла пролепетать она. Он же успокоил:
- Не переживай, Алевтина! И не таких лечим. Всяких лечим. Разберёмся! А мне в лабораторию надо, бросил он на ходу, сворачивая на узкий тротуар. Да, Зое Андреевне привет! Эх, какие лепёшки она нам пекла!

Аля пулей помчалась домой. «Скорая» должна приехать через час. Надо успеть собрать Сергея.

— Слава Богу! — встретив дочь в дверях, перекрестился отец. В глазах дочери он увидел радость и понял, что всё разрешилось хорошо. — Я так и знал, что Люба поможет. Много лет мы с ними дружили, а ведь соседям нельзя жить по-другому. Вот, и ты, Аля, бери пример с неё, дай Бог ей здоровья! Добрые они люди! — повернувшись к образам, вздохнул он облегчённо, и по впалым щекам, потекли благодарные слёзы.

Аля смотрела на отца, не смея вымолвить слова...

...Год спустя Сергей, устраиваясь на работу, проходил медкомиссию, на справку надо было поставить печать. Аля вызвалась помочь и стояла в длинной очереди в регистратуру, став невольным свидетелем разговора:

- Очередь скопилась, потому что врачи не принимают никого, все вон через дорогу у морга собрались.
- А что случилось-то? Кто-то из врачей умер?
- Да нет же. У Любови Игоревны, заведующей нашей, сын...
- Ох, Господи! Что вы? Беда-то какая! Она же молодая, и сын, небось, молоденький...
- Молоденький...Говорят, что с наркоманами связался...
- Да-а-а, вот и жизнь наша... послышались сочувственные вздохи.

НАВСТРЕЧУ БЕЛОМУ СНЕГУ

Повесть

1

Всё вокруг было серым, неуютным: серое низкое небо почти нависало на серые снеговые шапки на крышах нахмуренных домов. С козырьков над подъездами свисали пласты слежавшихся продырявленных оттепелями да лапками голубей пластов снега.

Время было не позднее, и многочисленные прохожие сновали туда-сюда в серых невзрачных одеждах озабоченно и неулыбчиво, видимо, одолеваемые своими повседневными мыслями.

Аня уныло брела по улице, по плохо почищенным тротуарам, кое-где преодолевая потемневшие от уличной грязи сугробы. «Вот уж надо мне лезть по этим сугробам, по скользкой дорожке, по темноте, того и гляди, шлёпнешься», — досадовала она. Хорошо, что парикмахерская находилась недалеко. Сегодня ей предстояло сделать причёску к свадьбе. Не к своей...

...Своя свадьба у Анны уже была, восемнадцать лет назад. Стоял морозный обворожительно-белый январь 1985 года. И даже на старых фотографиях, которые Аня не стала

выбрасывать, как делают обычно в таких случаях, а просто убрала подальше, видно было, как падают с белого неба крупные снежинки, почти как лучистые звёзды. Они падали, слегка кружась, таяли, касаясь причёсок, платьев, рук, губ и просто дыхания. И видно, как эти небесные посланницы заполонили весь большой мир маленькой фотокарточки, на которой запечатлелось маленькое торжество и большое счастье. Казалось, на всю жизнь

Давно это было или недавно — Аня не задумывалась. Какая разница, как обозначить теперь? Главное, что замуж Анна выходила по любви, мужа очень любила. И он любил её, жалел и помогал во всём. А что случилось несколько лет назад? Всего несколько? Или целых — несколько? Теперь трудно оценить.

Перебежала, говорят, дорогу кошка. Не чёрная. Просто...

Не сложилась жизнь дальше, говорят. А любовь её, Анина, как раз очень даже сложилась, один раз и надолго, может быть, навсегда. Во время развода всё было, как у всех: слёзы, обиды, обвинения. Бывший муж и сейчас, встречая друзей, хвастается: я, мол, вот какой, ей всё оставил, ничего не взял.

«Да, ложки-вилки точно не взял, поскольку ни одну и не купил», — грустно улыбнулась Аня незаметно вкравшимся в её память мыслям. А вот почти построенный дом за городом на берегу реки, большой новый телевизор в упаковке и другие вещи, купленные как раз для этого самого дома и ожидающие новоселья, а также новая машина, — всё каким-то образом потихоньку исчезло не только из Аниной жизни, но и из её квартиры.

Но Анне не было жаль утраченных вещей, жаль было лишиться любимого человека, да ещё поверить и принять его предательство. Осознать, что она не только не дорога́ ему, как человек, как женщина, а просто не нужна, как вещь, использованная надоевшая вещь. Вещь...Аня задумалась. Смешно. Правда, я, может, вещь? Ох...

И молодая женщина, привыкшая до того все свои мысли приводить в порядок, не находила себе места от того, что никак не могла объяснить и осознать случившееся.

Аня снова улыбнулась обречённо, невесело, ведь совсем невесело было на душе. Вдруг остановилась и тихонько вслух засмеялась: а парикмахерская-то во-о-о-н где осталась!

Аня тряхнула головой: опять эти мысли навязались, да ещё и прицепились! Вот и нужное здание мимо прошла, не заметив. От резкого движения светлые волосы выбились из-под шапочки, рассыпаясь по плечам...

Ох, и хорошо же она выглядела в спортивной курточке и джинсах даже без причёски и макияжа. Природа не обидела её красотой. Ох, и хорошо! Но люди спешили по своим делам, и никто не замечал этой красоты...

Аня повернула обратно и пошла быстрее, чтоб успеть ко времени, а, то, ведь Кристинка хоть и подруга, — но всё строго у неё. Не успела вовремя, — жди, когда образуется какой-нибудь промежуток между клиентками или приходи в другой день. Прямо, как на приём к президенту идёшь, а не к подруге — наводить причёску!

Завтра – праздник. Выходит замуж племянница, дочка родной сестры.

Анна ни за что не пошла бы, будь свадьба чьей-то другой. Но обидеть старшую сестру она не могла. Ведь её Алёна была и мамой и подругой, советчицей и помощницей, вдохновительницей и утешительницей.

Алёна, зная, как тяжело переживала младшая сестра разрыв с мужем, старалась, как можно чаще обращаться к ней с просьбами. Единственно — необходимость помочь, принять участие в важном деле, могли хоть на недолгое время вытащить Аню из депрессии.

Кстати, Аня вычитала у психологов, что депрессия длится в среднем – два года, но у неё явно затягивалась.

Она и сама была не рада своему физически болезненному состоянию, желанию лежать, просто смотреть в пустоту, ничего не делать, ни о чём не думать, ни кого не видеть, не встречаться. Ей хотелось уединения.

Анну страшило её состояние, но изменить она ничего не могла. Болела своей печалью. Жила от работы — до дома, от дома — до работы и изменить свой жизненный маршрут даже не задумывалась. Не хотелось. Ей ничего не хотелось. Все радости жизни закончились для неё.

Иногда она задумывалась и проверяла сама себя, а, может, не так уж сильно и любила она Игоря своего?

«Нет», – отвечала она тут же, не упрямо, не зло, а просто и нежно: «Любила. И люблю».

А старшая Алёна не меньше переживала за сестру и думала только о том, чтобы встретила милая Анечка новую любовь, достойную её.

Они и в храм часто ходили вместе, только просили Господа немного о разном: Алёна — молилась за женское счастье своей сестры, а Анна молила Господа о здоровье родных и упокоении душ родителей.

Сегодня, накануне свадьбы, весь день трезвонил телефон. Алёна. Переживает. А как же по-другому? Мать.

- Анют, завтра приходи обязательно пораньше. Поможешь мне! тараторила она. Дел полно будет: мы с Танюшкой с утра на причёски, потом выкуп. Представляешь? Ты хоть стол соберёшь, пока нас не будет, Ань, фуршет небольшой! Ладненько?— и высморкалась, наверное, всплакнула.
- А во сколько?– пыталась вставить вопрос Аня, но Алёна не слышала, не ответила, не дала договорить, и, боясь потерять мысль, скороговоркой тараторила:
- Платье свадебное съезжает с плеч у неё. Да не у меня, Аня, нет, у меня бы ладно, у Танюшки, – и засмеявшись, спешила договорить всё, что хотела:

- Не знаю, что и делать, худеет она не по дням, а по часам. Видно переживает девочка моя. Волнуется она, Аня, понимаешь теперь? Вот я и думаю, сразу ушить платье, голова не пролезает, я пробовала, распорола. Как портниха я, Аня! Алёна опять шмыгнула носом и продолжала Представляешь меня портнихой? И я нет. А вот и пришиваю, и распарываю. Придётся, как Танюшка оденется прямо на ней ушивать. Платье для свадьбы, а пошили накрепко, как рабочую одежду!— то плакала, то смеялась Алёна.
- Алён, ты же говоришь худеет, так зачем ушивать-то?
- Да в груди посвободней стало, а в талии потеснее что-то, а как покупали хорошо было. Ничего не понимаю. Но придётся кулиску подпороть, накрепко пришита. Ну, это уж, как оденется, тогда по фигуре прикинем...Скорей бы уж!

2

- Ну, наконец-то, пришла, королева! съехидничала Кристина, несколько раз моргнув нереально длинными кукольными ресницами.
- Привет, я почти вовремя! просто ответила Аня, постукивая ногой об ногу, чтобы налипший снег остался на коврике, и одновременно снимая маленькую вязаную шапочку.

Если говорить правду, сколько дружила Кристина с Аней, столько и завидовала ей. Завидовала её невычурной красоте, складности фигуры, тонкой неуловимой гармоничности внешности и характера, а главное — тому, как мужчины всегда смотрели на неё! Как смотрели!

А она, звезда, так необидно называли подруги Анну между собой уже давно, знала об этом и не обижалась, так вот мало того, эта зве-з-да то ли действительно не замечала на себе восторженных взглядов, то ли не хотела придавать им значения. Привыкла, что ли.

Можно понять ещё, когда она жила с мужем, но сейчас-то, сейчас! И нередко Кристина задумывалась: а, что, если бы на неё вот так смотрел хоть один мужчина! В свои тридцать пять — она была не замужем, но очень стремилась к этому. Поэтому на завтрашнюю свадьбу возлагала немалые надежды. И поэтому уже сегодня всё, что можно, — было накрашено и отфилировано, спилено и нарощено, эпилировано и татуировано.

Заметив предсвадебный подготовительный блеск, Аня невольно улыбнулась. А Кристину раздражало завидное спокойствие подруги, точно та не на праздник собирается, а на работу.

- Ну, конечно, десять минут опоздания для тебя это даже не то, что вовремя, а даже рано,— не переставала ворчать подруга. Хорошо, что Луиза Петровна из нарсуда долго сохла, да кончики у неё посеклись, а то пошла бы ты завтра, голубушка, на свадьбу без головы, отчитывала Аню Кристина, покачивая в такт головкой, на которой и волоска нельзя было найти, не принявшего на себя приёмы парикмахерского искусства. И стрижка, и укладка, и цвет-всё, как ни у кого.
- Ну, как?– заметила Кристина восхищённый взгляд. Супер?
- Ты, как всегда на высоте, только, Кристиночка, сделай мне что-нибудь попроще.
- С ума сошла? Я новое «каре» с курсов привезла, для тебя берегла! Никому не стригла! Думала, на тебе испробую...
- Может, не на мне, Кристин, а? Кто там после меня по записи? заглянула Аня в записную книжку подруги и прочла первое, что попалось на глаза Вот, гляди, Лариса Леонидовна из налоговой!
- У неё волос нет! Какое ей «каре»? зашипела, всё больше закипая, подруга. И вообще, знаешь что, иди-ка ты... Звезда! неожиданно вырвалось у неё, и, оглядываясь на дверь, она выронила из рук ножницы, которые громко звякнули.

- Не поняла... Куда мне идти? привстала Анна, готовясь обидеться и уйти.
- В э-ко-но-м кла-а-с-с! По-ня-ла? и подруги примирительно рассмеявшись, обнялись...

3

Придя домой, Анна внимательно посмотрелась в зеркало. Мелкие морщинки вокруг глаз. «Это мои смешинки», — так раньше она сама их называла. Действительно, Аня раньше очень любила смеяться, но не просто смеяться, а радоваться искренне, весело. А теперь? Как давно она не смеялась? Она и не помнила. А вот, когда плакала, помнила хорошо...

Аня провела рукой по лицу, — кожа осталась прежней, мягкой, только чуть припухли веки, и лицо выглядело уставшим, а, может, просто не было в глазах той самой радости, которая вопреки всему, даже возрасту, делает лицо необыкновенно красивым и привлекательным.

Волосы... Аня любила свои волосы, густые, волнистые, хорошо лежащие в любой причёске. Но сегодня...

Как не старалась Аня противостоять эксклюзивному «каре», Кристина всё же часа полтора колдовала над стрижкой, то меняя угол наклона локтя, то меняя ножницы, применяя самые новейшие приёмы парикмахерского искусства. Потом она наложила на волосы ненавистную для Анны пенку, от которой волосы делались грубыми, но легко «вставали дыбом», и, вообще, легко принимали любую заданную форму. А в завершение подруга сделала «праздничную укладку», которую утром надо было только слегка подправить. Кристина хотела было улучшить причёску ещё чем-то ультрамодным, но Лариса Леонидовна из налоговой, сидя под сушкой с ярко-оранжевыми, тощими и торчащими в разные стороны прядками волос, однозначно выпучивала без того выпуклые глаза.

А кроме того, она то и дело нервно и громко вздыхала, взглядывая на большие настенные часы. Кристине пришлось закончить творческий процесс и почти удовлетворённо отпустить подругу.

– Да-а-а, – протянула Аня с глубоким вздохом, ощупывая на голове жёсткое образование из волос и превосходящее по величине саму голову. – Ну, и тётя Мотя получилась... С этим нужно что-то делать...

Раздумья прервал очередной звонок сестры:

- Аня, ну, ты, как? Рассказывай! Ты же тётушка! Танюшка тебя очень ждёт! Ты завтра должна быть очень красивой! Ты уже красавица?
- Красавица, красавица, усмехнулась Аня.
- Наша Кристина мастерица, я не сомневалась. А мы с Танюшкой пойдём в «Эконом класс», у неё там подружка работает. Алёна хорохорилась. Анна чувствовала по голосу, как сестра устала с хлопотами.
- Алёночка, я с утра у тебя, не беспокойся, всё сделаем, как надо, всё успеем.
- Анечка, не обижайся только, я прошу тебя, расслабься завтра, повеселись. Всё-таки это Танина свадьба, пусть ей запомнится только хорошее всхлипнула Алёна, и на другом конце трубки совсем неожиданно для самой себя всхлипнула Анна, а по щекам у обеих сестёр побежали слёзы.

Но старшая – быстро успокоившись, понизив голос, почти прошептала в трубку:

- Там и мужчины будут. Пококетничай хоть немножко...

И сёстры вдвоём рассмеялись, а, успокоившись, Аня тихо призналась, вытирая ладонями мокрые щёки:

– Алён, я уж и забыла, как это делается...

Саша, муж Алёны, деловитый и хозяйственный с вечера договорился с соседом — трактористом почистить дорогу до их дома, а то ведь снегу намело, — машины-то свадебные не проедут! А сам вышел и по утреннему морозцу большой совковой лопатой расчищал тропинки вокруг дома, в саду.

- Привет, Анют! бодро крикнул он и помахал лопатой. Вот, красавица! пронеслось в его голове. Э-э-х...
- Бог-помощь! Доброе утро, Саша! Работаешь? приветливо ответила Анна и тоже помахала рукой.

Когда Анна вошла в дом, работа уже кипела вовсю.

Крутились девчонки-подружки, бегая туда-сюда. Слышно было, как шипел утюг в комнате, пахло духами, лаком для волос. В доме играла музыка, и постоянно слышался девичий смех. Подружки собирали невесту, наряжались сами, хихикали, шептались.

— Поздравляю тебя, невеста! — Аня поцеловала племянницу, прижала её к себе крепко, так, что близкие слёзы чуть не выступили на глазах и не прорвались с рёвом наружу. — Да, вот! — проглотила горький ком тётушка и протянула племяннице большой букет жёлтых хризантем. — Мы с тобой любим эти цветы, да, Танюш? Они, как солнышки! Ты и сама-то у нас, как солнышко, и всё у тебя будет хорошо! — и снова чуть не разрыдалась от своих слов.

У Анны возникло подсознательное чувство, что она говорит молодой девушке неправду. А правда — она совершенно другая, тяжёлая и несчастливая от того, что таковой знала её Анна. «Нет, так дело не пойдёт», — остановила она ход грустных мыслей, отходя в сторону. «Нельзя расплакаться перед девочкой, нельзя портить ей праздник!» — уговаривала она себя, а вслух добавила: «А запах-то, а запах от цветов! Чудо расчудесное!»

Действительно горьковатый аромат хризантем распространился по всей комнате, смешиваясь с другими благовониями и, несмотря на внутренний крепкий заслон в душе Анны, цветочный запах всё-таки внёс в настроение женщины давно забытые нотки...

И то ли от принятого решения, то ли от общего состояния радостного волнения, ёкнуло в груди молодой тётушки, и маленькая частичка, пусть не ЕЁ счастья, но свободно и тепло проникла в сердце, давно закрытое для любой радости. И Анна сама того ещё не понимала, но очень хотела, чтобы крепкий барьер ею созданного запрета хоть немного сдвинулся, уступая место новым чувствам.

- Ни за что не буду плакать. Ради Тани, приказала себе Аня, улыбнулась и бодро отправилась помогать женщинам.
- Сегодня будет только радость. У всех. И у меня. Во что бы то ни стало, – мысленно ещё раз подтвердила Анна своё решение.

5

Свадьба в деревенском доме всегда веселее, чем в общественных заведениях. Что сравнивать? Когда всё — своё и все — свои, гуляй — сколько и как хочешь! Да, и молодые захотели собрать и родню и друзей.

Соседи приходили сами, поздравляли, говорили добрые слова, приносили подарки, смеялись. А те боевые, которые с утра устроили заслон, перетянув улицу поперёк связкой из женских колготок, и получили выкуп от жениха, — они подходили к дому уже не по одному разу и всё поздравляли и поздравляли, и пели песни под невесть откуда взявшуюся гармошку. Анна несколько раз выходила на улицу.

Сегодня – одиннадцатое января. Красиво на улице. Снег падал большими хлопьями с просветлённого неба.

Хорошо просматривалась вблизи от дома опушка леса. Подмороженная трава густо припорошена падающим снежком. Высокие стволы старых сосен, стоящие поодаль друг от дружки, увенчивались на макушках лёгкими снежными нахлобучками, которые были настолько невесомыми, что при дуновении ветерка разлетались в разные стороны.

Анна стояла под навесом на крылечке родного дома, и память ненавязчиво рисовала ей незабываемые картины детства. Всё самое лучшее в её жизни было связано с родителями, с их дружной семьёй, с праздниками, проходящими в домашнем кругу.

Всё самое дорогое — осталось далеко позади, и Анна удивилась сейчас, почему же она могла забыть вместе с недавней трагедией и всё то хорошее, что было раньше в жизни? Ведь оно было, есть и осталось навсегда.

Получается, что она предала это самое хорошее, закрыв своё сердце даже от воспоминаний, и не впуская в него мечты и желания?

А снег падал и падал. Аня вытянула руку перед собой: крупная снежинка опустилась на горячую ладонь, сразу же начиная таять. Аня с интересом рассматривала звёздчатый рисунок, как любила играть в детстве, и неосознанное желание счастья вновь и вновь выплывало из прошлых лет и тонким ручейком перетекало в настоящую жизнь.

6

...Музыка всё играла. Молодёжь без устали танцевала. Чудили и смешили всех ряженые. Летали, изредка громко лопаясь, воздушные шары. Тамада пытался организовать последние конкурсы. И во всем доме царил сегодня праздник.

Веселье подходило к концу. Соседки потихоньку убирали со стола, меняли блюда.

Свадебный торт, красивый и высокий, как корабль из сказки, красовался в центре стола, ожидая своего часа, но даже к чаю невозможно было собрать разгулявшуюся компанию.

Анна немного развеселилась. Она то играла с молодёжью, то разговаривала с родными о том-о сём, так как виделась с ними в последнее время редко, то помогала убирать со стола и мыть посуду. И сегодня ничто, даже коварная память, не портила ей заданного настроения.

Занимаясь то одним, то другим делом, она не упускала момента взглянуть на себя в зеркало, и всякий раз оставалась довольной: неброский макияж и модная стрижка сделали Анну моложе на несколько лет, а заигравшая на губах улыбка придавала всему облику новую обворожительность.

Правда, Ане пришлось долго извиняться перед подругой-визажистом, ведь от вчерашних ухищрений осталась только стрижка, а космическую «забабаху», так, шутя, назвала причёску Аня, пришлось с большим трудом смыть. Поэтому, пышные лёгкие волосы привычно украшали аккуратной формы головку. Чёрное платье с крупными розами и маленькие туфельки дополняли и выгодно подчёркивали имидж.

Но Кристина добрую половину вечера всё-таки дулась на подругу и даже не разговаривала. Только в разгаре торжества, когда кавалеры наконец-то обратили внимание на яркую ипотажную девушку, она, видимо, простила Аню, и начала шёпотом рассказывать о тех, с кем ей удалось пообщаться и даже заполучить телефоны!

Анне было хорошо и уютно в этом доме всегда. Хотя дом и остался после родителей Алёне, ссор между сёстрами не возникало, к тому же мудрая старшая сестра всегда подчёркивала, что двери родительского дома всегда открыты для Анны, и здесь встречали её всегда, как дорогую гостью.

Уютно и тепло на душе было и сейчас. Аня наблюдала за происходящим: как нежны молодожёны, как доверчиво они

глядят друг на друга, сколько любви и надежды в чистых юношеских глазах! Анна просто улыбалась, и отмечала, что осталась в мире любовь, а не умерла в тот день, когда ей, Ане, было так плохо. Что-то новое происходило в ней: или старое возвращалось. Но и то и другое было одинаково хорошо. Так отодвигалась заслонка в её душе и рушился барьер, строго охранявший её прошлое и защищающий будущее.

...Свадьба кружилась в смеющемся хороводе, когда Анна, выходила из кухни, оставив там очередную груду тарелок.

Она ничего не успела понять, когда чьи-то руки под смех и в такт музыке, подхватили и закружили её. Она смеялась вместе со всеми, и не задумывалась, кто здесь чей родственник или сосед, или друг, или брат. Она непринуждённо кружилась в общем танце и никогда так красиво, как сегодня, не танцевала. Она догадалась об этом только потому, что ей хотелось танцевать снова и снова, а музыка, словно в угоду ей, не кончалась, то ли, так было задумано, то ли техника «заглючила», повторяя одни и те же ритмы много-много раз. Анне хотелось выплеснуть в танце все эмоции, которые завладели её изболевшейся душой. Хотелось танцевать радость, нежность, перевоплощение...

Она, словно новорожденная, впервые открывала для себя новый мир. Ей никто не мешал в этом, и она всё смелее уходила из мира страданий.

7

...Такси дожидалось на дорожке у дома.

Аня, попрощавшись со всеми, спеша, проходила через веранду, когда ей преградил дорогу молодой мужчина, видимо, из родни Танюшкиного избранника.

– Простите, – смутившись, обратился он, – а вы в Архитектурном отделе работаете?

- Дд-а, растерялась Анна от неожиданной компетентности,– а, что?
- Я бы хотел с вами посоветоваться, как со специалистом, лицо его слегка покраснело, видно было, что он очень взволнован.
- Приходите в отдел: вторник, среда, пятница, лучше с утра...
- Но я бы хотел с вами лично...— Анна вдруг растерялась. Молодой человек стоял совсем близко, и его тёмные глаза смотрели на неё с восхищением, и совсем забытое волнение вдруг охватило женщину. Она замешкалась, а он вложил в её горячую ладошку маленький листок бумаги.
- Это мой телефон. Позвоните мне, пожалуйста, если вас не затруднит. А сейчас я провожу вас до машины. Это ведь вы вызывали?
- Да, я...– ничего не понимала Анна.

Они шли по дорожке сада, приближаясь к калитке: она в шубке, неизменной вязаной шапочке с орнаментом, которая, Аня знала, очень шла к её внешности и он, высокий, с крепкой спортивной фигурой, в строгом тёмном пиджаке, белой рубашке и галстуке.

У Ани кружилась голова, и ей было просто приятно идти рядом с таким импозантным мужчиной, и он не сводил с неё глаз.

Небо заметно потемнело. Высоко в недоступных мирах горели звёзды. А в маленьком мире небольшого города второй день подряд усиливался снегопад. Снег падал и падал, укрывая землю всё надёжнее, и отдельные снежинки и целые слипшиеся хлопья таяли, касаясь одежды, волос, дыхания... Некоторые таяли не сразу, а кружились неторопливо под звуки едва уловимой музыки неба...

...Не успела Аня приехать домой, как сразу же вспомнила про записку от своего случайного знакомого. Она аккуратно развернула её. Шариковой ручкой, не очень ровно, был написан номер мобильного телефона и подпись: «Вячеслав». Аня задумалась. Что это за встреча? Случайная? Или нет? А, может, ему действительно нужна её консультация? Да, конечно, он ведь так прямо и сказал. А она, дурочка, завалила себя вопросами...

Хорошо, консультация нужна, а что же он так глядел на неё, не отрываясь, глаза-в глаза? Она даже смутилась. А, возможно, он просто — бабник, внешность вполне для этого подходящая.

Отчего ж не провести время с очередной понравившейся женщиной? Отдохнуть от нотаций и придирок жены? Наверное. Даже, скорее всего... А чего же он покраснел, когда на веранде подошёл к ней? Интересно, а бабники краснеют или у них такие выражения чувств отсутствуют? А вообще-то с кем он был на свадьбе: с женой или один? И кто – он? Что за родня? Надо будет у Алёны расспросить потом.

С этими мыслями уставшая Анна заснула крепким сном уставшего ребёнка.

Проснулась Анна в воскресенье почти в обед, вроде бы выспавшаяся, но покоя не было. Что случилось, — она не сразу вспомнила. Откуда исходят тревога и волнение? Почему она не находит себе места?

Звонила Алёна уже несколько раз, там у них молодожёны с друзьями ещё веселятся, только вот Танюшка что-то плохо себя чувствует, устала, наверное. Шутка ли, сказать, сколько волнения! Замуж вышла! Слава Богу, что парень, вроде, скромный, из приличной семьи. Бог даст, всё хорошо будет.

Что же, что не даёт покоя? Что за предчувствие?

Неизвестно, сколько бы Аня мучилась в догадках, если бы не позвонила Кристина и не зарыдала в трубку.

- Кристина, ты что? Что с тобой? испугалась Аня.
- Что со мной? ревела она. Что со мной? А ты не знаешь?- и опять в рёв.
- Да, успокойся же ты... Ты, что, выпила, что ли, Кристин?
 Ты где? всерьёз обеспокоилась Анна.
- Дома я, дома. Ты бы лучше о другом беспокоилась, чтоб мужиков из-под носа не уводить! Ты была с ним? Да? Он у тебя? Не скрывай от меня, я всё равно узнаю, - плакала, не переставая Кристинка, а Анна, уже почему-то начинала ощущать себя виноватой. – Я же видела всё, как он провожал тебя, как вы хихикали у машины. Надо мной, наверное? – А дальше - настоящая истерика. - Оставь его, Анька, слышишь, я тебе его не прощу, никогда! Поняла? – почти перешла на угрозы разбушевавшаяся Кристина. - Он ведь и танцевал со мной, и телефончик я у него выспросила, думала, всё, как у людей, получится...А тут – ты! Звоню ему с самого утра – трубку не берёт. Скажи, где он? Ты звонила ему? Нет? Ах, – накручивала себя Кристина. – Я всё поняла, он у тебя и ты уже переспала с ним! Так? Да? Так я и знала! Ты же у нас бойкая, особенно, где не надо! Звез-да-а-а! – от бессилия разревелась Кристина и бросила трубку.

Конечно, из сбивчивого разговора подруги Анна всё поняла. Было обидно. Что она сделала? Чем провинилась?

Аня медленно подошла к окну. Снегопад не прекращался. Снег падал на притихший город, который, казалось, притих и слушал нехитрую красоту зимнего дня.

«Красиво» — впервые за последнее время она заметила красоту, потом крепко обхватила голову дрожащими руками, и по щекам потекли слёзы...

В понедельник Анна решила позвонить Алёне и расспросить о незнакомце. Она хотела рассказать старшей сестре и о ссоре с Кристиной, но та уже всё знала.

Их общая подруга в тот же день о недостойном поведении Анны нажаловалась её сестре, и не просто нажаловалась, а требовала от неё, как от старшей, повлиять на Аньку, чтоб та, не медля, прекратила встречи с «чужим мужиком».

Сёстры немного посплетничали, по-доброму посмеялись, потому что понимали друг друга с полуслова и знали друг друга почти, как самих себя. Знали они и вспыльчивый характер Кристины. Отойдёт, разберётся — потом сама же извиняться будет.

Минут через десять все необходимые сведения были добыты: Вячеслав – приезжий, работает в городской больнице хирургом, ему тридцать два года, не женат, был или нет – неизвестно, так же, как неизвестно наличие детей.

- ...Прошло три дня, прежде чем Анна осмелилась позвонить Вячеславу. Была среда, около пяти часов вечера. Рабочий день заканчивался, и Анна специально выбрала это время. Вячеслав сразу ответил, как будто только и ждал этого звонка. Голос был радостный.
- Если возможно, Аня, давайте встретимся прямо сегодня? предложил он.
- Да, но сейчас уже почти вечер... от волнения у Анны пересохло во рту, язык не хотел слушаться, точно прилип к нёбу. Она не знала, что говорить. Как поступить лучше? Согласиться? Вдруг он подумает о ней нехорошо? Вдруг неприлично с первого приглашения сразу бежать на свидание? Отказаться? А, что, если она обидит его отказом, и он больше не позвонит?.. Мысли разбегались, не желая выстраиваться в разумный ряд.

- Вечер только начинается, уточнил Вячеслав. А я подожду столько, сколько потребуется. Ну, так во сколько?
- В семь, неуверенно ответила Аня.
- Как вам удобно: за вами заехать? Или мы где-то встретимся?
- Я подойду к аптеке, Аня выбрала наобум место встречи, недалеко от её дома, чтоб не страшно было идти по темным улочкам города.
- Хорошо, Аня, до встречи, закончил он разговор и первый отключил телефон.

Анна прибежала домой. Сердце бешено колотилось, готовое выскочить из груди...

«Что делать? Как одеться? Накраситься? Поярче? Или совсем не краситься? Пусть буду обычной? А – духи? У меня – не модные. Сейчас, наверное, другие в моде? А – на ноги? Сапожки у меня удобные, но на низком каблуке, а на высоком и нет. Как-то не нужны они были», – быстро, в суете, размышляла Анна, распахнув гардероб, выбрасывая оттуда одну вещь за другой. Она так давно не ходила на свидания, а, точнее, со времён встреч со своим мужем, что забыла, как надо собираться.

Перетряхнув все вещи и не найдя ничего достойного для первого свидания, Анна наконец-то успокоилась, также быстро, как и завелась, устало опустилась на диван и громко сама для себя сделала заключение: «Чего-чего? А ни-че-го. Не пойду я никуда». Она одним движением скатала в ком всё, что достала из гардероба, и запихнула обратно, подтолкнув коленом. Повернула ключ. Всё.

И сразу же стало легче, будто гора с плеч свалилась.

- Да и зачем я пойду? уговаривала себя женщина. Приключений искать? У меня их на всю жизнь хватит... Нет уж, буду жить, как жила, а там видно будет.
- Там это где? вдруг нерешительно и тихо заговорило её «второе я».

Оно и раньше пыталось вступать с хозяйкой в дебаты, но тогда она ловко расправлялась с ним, сразу же лишая права голоса. А сейчас Аня прислушалась к нему и задумалась.

- Действительно, там -это где? и не знала сама, что ответить.
- А вдруг -судьба? настаивал голос.
- Да, нет, случайность, отговаривала себя Анна.
- Но он будет ждать. Ты же обещала, уговаривал внутренний голос.
- А, может, и не будет. Может, у него таких встреч море. Подумаешь: пришла не пришла...Он красивый, видный, как раз такой, каких любят женщины...Нет. И нет.
- А, ты разве не красивая? не унимался голос.
- Он моложе на восемь лет! На целых восемь! Я старуха для него!
- Но на свадьбе были девушки и помоложе. Он же выбрал тебя!.
- Так что? Илти?
- Иди.

10

...Анна, не торопясь, шла по тихой улице. Ветра не было, и снежинки плавно опускались на землю, медленно кружась и впереди неё, и сзади, и по всем сторонам.

В мире шёл снег. Его было так много: и под ногами, и над головой, и везде-везде-везде. Он налипал на столбы, изгороди, машины, свисал мишурой с деревьев, блестящей под светом фонарей. Анна то и дело ощущала на горячем лице прохладное прикосновение и ничего не видела, кроме вездесущего снега. Подходя ближе к месту свидания, она увидела мужчину, густо обсыпанного снегом, щёткой очищающего лобовое стекло машины.

Это был Вячеслав. Узнав Анну, он перестал работать, приветливо улыбнулся:

- Здравствуйте, Аня! Вы, как снегурка!
- Здравствуйте, улыбнулась она в ответ, но не ответила на шутку, с трудом сдерживая нервную дрожь.
- Забирайтесь скорей в машину, пока вас не засыпало совсем, забеспокоился Вячеслав, распахивая дверцу машины и помогая Анне. Пятый день валит! приговаривал он, устраиваясь за рулём. Надо же! Вот так зима наступила!

Анна отметила, что её новый знакомый обращается к ней так, словно они давно знали друг друга. И ей это понравилось.

Не надо придумывать, что сказать, как ответить, а сразу — вот так, как есть. «Это, по-мужски», — комментировала она свои наблюдения. — «У меня так не получится...»

– Аня, давайте поедем к моей бабушке, вы понравитесь друг другу. Я это чувствую.

Анна понемногу начала осваиваться и не без кокетства спросила:

- Вы же меня не знаете! Как можете чувствовать?
- Я вас не знаю? удивился, разыгрывая Анну, Вячеслав. –
 Да я вас очень давно знаю. Очень! повторил он и примолк.
- Давно? Не верю, покачала головой женщина.
- A вы верьте, я не обманываю. То есть, конечно, обманываю иногда, но редко и по большой необходимости, продолжал он шутить.
- Так-так, интересно, вы меня совсем заговорили. Так откуда же вы меня знаете, да ещё давно?
- Откуда? А вы не догадываетесь? С последней субботы целых пять дней! Да, а почему вы мне так долго не звонили, я ждал каждый день, неожиданно для самого себя выпалил Вячеслав. Он притормозил, припарковывая машину, и повернулся к Анне в пол-оборота. Их взгляды неожиданно соединились...

- A, когда ждёшь, время тянется очень медленно, поэтому и кажется, что я знаю вас очень-очень давно, смущаясь всё больше, пояснил он.
- Возможно, рассеянно слушала Анна признание собеседника.

Она не знала, что думать, о чём говорить, как вести себя.

В её размеренную жизнь врывалось событие, большое и неотвратимое, как снегопад за окном, который, не смотря ни на что, обрушивался на город в волнующем безразличии.

И верилось и не верилось счастью. Анна глядела по сторонам, – кругом сплошной снег. В сумеречном сиянии огней сугробы на обочинах дорог, застывшие в необычных формах и позах, казались ей похожими на причудливые цветы и деревья.

- У меня не было вашего телефона, я бы раньше позвонил.
 Так вы не ответили, у вас ничего не случилось?
- Да, нет, просто занята была очень. А вы мне тоже не ответили, как вы можете предугадывать отношения людей, не зная их?
- Видите ли, Анечка, если вы о бабушке, то её я знаю хорошо, Вас я знаю долго. А третья причина: я врач. Он устало потёр лоб. Ладно, заболтался я. Поедемте, бабушка заждалась...

Бабушка оказалось очень милой. Видно было, что она хотела понравиться гостье и готовилась к встрече. Необыкновенно вкусный чай из цветков зверобоя с малиновым вареньем, а также пирог с антоновскими яблоками дожидались гостей. Это в январе-то! «Наверное, всё хорошее происходит в январе», – пронеслось в голове у Анны.

— А теперь: с Новым годом! — бабушка неожиданно достала из шкафа бутылку, на дне которой угадывались ягоды, и, заметив удивлённый взгляд женщины, ласково засмеялась, так, как когда-то смеялась Анина мама. — Не бойся, дочка, это ягодная наливочка. Сама ягодки собирала! — похвалилась бабушка.

– Или вы забыли от радости, какой сегодня день? – не скрылось от неё смущение на лицах Анны и Вячеслава. – Э-эх, вы, молодёжь! Старый Новый Год сегодня! Счастья – вам! – и, разливая по рюмочкам, выпила глоточек..

Потом, сославшись на радикулит, попрощалась, удаляясь в свою комнату, откуда сразу же донёсся звук включённого телевизора.

Анна только сейчас заметила в углу на комоде небольшую ёлочку, наряженную старыми, как из Аниного детства, игрушками. Новые сейчас — китайские, совсем не такие: пластиковые и блестят не так...

И сами игрушки, как не игрушки, – другие, из другой эпохи и другого времени.

Старый Новый год! Надо же! А она и про Новый-то не вспоминала, даже ёлку перестала наряжать...

- Аня, давайте, хоть познакомимся и перейдём на «ты». Мы ведь давно знакомы, оказывается, с прошлого года...
- Да...
- Зовите меня Слава.
- Да...

Слава зажёг старинную гирлянду на ёлочке, и она, переливаясь, заиграла разными цветами. Ёлочка медленно закружилась.

- Аня, давай потушим большой свет, пусть горит только ёлочка. Справим Новый год. Я ведь, нынче дежурил в праздник.
- Да...

«Странное совпадение, я тоже не отмечала, хотя и не работала», – подумала Аня.

Новый Год!

Незаметно они разговорились, рассказывая друг другу о своей жизни, работе, о родителях, которых у Вячеслава так же, как и у Ани, не было в живых, а также наперебой делились беззаботными воспоминаниями детства и смеялись.

11

Аня согрелась, разрумянилась и выглядела сейчас вовсе неплохо, хотя в муках «идти – не идти» приодеться успела, а вот подкраситься забыла, но нисколько не переживала, – занятая другими мыслями, даже не вспомнила об этом.

Слава сидел очень близко. Незаметно рассматривая его, Аня заметила серебристые прядки в тёмных волосах, а также «смешинки» вокруг глаз, такие же, как у неё, Ани. Она вглядывалась в правильные, немного упрямые черты лица и ей начинало казаться, что она давно знает этого человека.

Незаметно рассматривал подругу и Вячеслав. Хотя, ему было проще: он успел очень хорошо рассмотреть её на свадьбе.

Не зря Кристина закатила подруге истерику: изо всех присутствующих, наверное, только Анна не замечала, как наблюдал за ней молодой человек.

Цветными ящерками, то – здесь, то – там, мелькали, прячась в складках штор новогодние огоньки. Ане казалось, что их свет проникал глубоко в душу, завораживая неуёмным танцем и разрушая остатки всех заслонок и барьеров, так упорно создаваемых и прочно охраняемых. И даже «второе я» не возникало, потому что первое – не противоречило ему, а во всём одобрительно соглашалось.

Анне сегодня, как никогда, захотелось быть счастливой. Пусть один день, пусть один миг...

- Аня, ты очень красивая...
- Да...

Отблески маленьких огоньков бегали по белёному потолку, старомодным обоям, по вышитой скатерти, заглядывая в чашки с недопитым чаем.

Они скользили по качающимся на стене силуэтам влюблённых, изучая каждую линию таинственных изображений, скользили по рукам, опускались ниже, изнемогая в незнакомой игре на выстиранных и пахнущих морозцем самотканых половичках с белой бахромой...

Около полуночи Анна была дома. Её знобило. Голова горела огнём, руки сводило от холода. Не включая света, Анна бросилась в комнату, где в красном углу находились иконы Спасителя и Богородицы.

– Господи, Боже мой, прости меня! Господи, прости, прости! Я не ведаю, что творю... – Анна плакала и говорила, быстро и горестно, как ребёнок, разбивший любимую игрушку, понимая необратимость содеянного...

Она молилась искренне, горячо, торопясь, точно боялась не успеть высказать всё, от чего страдала её душа.

– Матерь Божья! Богородица, заступница, научи меня, как быть? Заступись! Господи, прости меня неразумную! – крупные слёзы, не переставая, текли и текли.

И вдруг смело перебивая её, взмолился второй голос, почти заглушая первый: — Господи! Умоляю, Господи! Не отнимай его у меня! Прости, Господи, что я хочу быть счастливой! Дай мне его, Господи! — «второе я» не менее горячо просило Господа.

– Пожалей, Господи, прости меня! Помоги, подскажи, что мне делать! Пусть он будет моим. Навсегда! Пусть будет! Он мне так нравится!

Самым неразрешимым в этот момент было то, что оба голоса – правы...

Обессиленная Анна, дрожа всем телом, упала на кровать. Потрясение от радости и тревоги, счастья и страха перед будущим не давало ей уснуть. До утра она не могла согреться в своей кровати, до утра не могла разобраться в нахлынувших мыслях.

Что скажут люди? – не в силах успокоиться, рассуждала она.

- Кто именно? Кристина точно не обрадуется, подсказывал второй голос. Милочка, тебе без малого сорок лет, и ты взрослая женщина...
- А вдруг он больше и не появится, и не позвонит, а я тут убиваюсь… и слёзы растекались по щекам, увлажняя давно мокрую подушку.
- Он появится. уговаривал второй голос. Не может быть по-другому. Он не обманет. Нет. Он старался предугадать каждую твою просьбу, каждое желание. А глаза! Ты же помнишь его глаза...
- Но мы же венчались с Игорем в Храме. Мы вен-ча-лись!
- Но Игорь ушёл от тебя, а не ты! Покаешься батюшке, расскажешь.

Вон артисты – по пять раз женятся, и всякий раз венчаются! – напоминал Анне более приземлённый второй голос.

- Нет же. Неправильно это. Грех это. Может, и венчаются много раз, но это на земле. А на небе один раз. Анна и сама не знала, почему так думала. Возможно, читала или просто чувствовала своим ранимым сердцем.
- Пойдёшь в храм, и всё решится. Грех-грех...А это не грех? Господь посылает тебя спутника жизни, а ты сомневаешься...

Измученная, но немного успокоенная, Аня уснула только к утру.

12

...Не успела открыть глаза, как вчерашние мысли снова обрушились на неё. «Пусть будет, как будет», — остановила Анна бушующий поток переживаний и пошла на кухню пить кофе.

Вдруг, опомнившись, почти бегом вернулась в комнату и с нетерпением схватила мобильник. Дрожащие от волнения пальцы не хотели слушаться.

В телефоне – несколько пропущенных звонков и одна эсэмэска: «Аня, что случилось? Почему не отвечаешь? Я очень жду». Это – от него! Он позвонил, он не исчез, не пропал, он ждёт её звонка! Ане хотелось бегать по комнате, прыгать, смеяться...

Забыв про остывающий кофе, она, сильно волнуясь, набрала номер Вячеслава:

- Привет, Слава! произнесла она тихо, хотя внутри всё кричало, и радость изо всех сил рвалась наружу...
- Привет! Аня, почему ты не отвечала на звонки? Я испугался. Думал, что-то случилось, или...
- Я спала, Слава! Я только проснулась, перебила она его.
- Спала? удивлённо переспросил Вячеслав, всегда привыкший рано просыпаться, и засмеялся. У меня рабочий день скоро закончится, а она спит!
- У меня на работе отгул...
- Аня, пойдём сегодня вместе погуляем, а?
- Согласна. Как вчера, к семи я подойду к аптеке...

Вячеслав старался сохранять спокойствие, но от неожиданности воскликнул:

- Во ско-о-олько?! В семь? и тут же сам ответил Нет, Анечка, в семь поздно . . . Я и так тебя очень долго ждал Давай
- в пять. Я постараюсь освободиться. И тихонько добавил:
- Хорошая моя...Слушаешь меня? ... Я не успел сказать вчера, что совсем потерял голову ещё на свадьбе, когда водили хоровод, помнишь? И я нечаянно коснулся твоей щеки... От неё пахло снегом. Она была холодной, видно, ты выходила на улицу. Я очень соскучился, Аня... говорил Слава, делая долгие паузы между фразами. Он заметно волновался.

Аня улыбнулась, – так светло было на душе. Она подошла к столу, взяла ручку и на листке записала стихотворение, пришедшее в голову бессонной ночью:

КУРИЦА

1

«Сугробов белые цветы Безмолвно вглядывались в тени, Как будто бы сказать они Нам что-то важное хотели.

Их белоснежный аромат Был ненавязчивым и тонким, И незнакомый белый сад Нас окружал в молчанье звонком.

Чем станет вечер дорогой? Заветной встречей ли, прощаньем? Сугробов ледяной покой Был и прекрасен и печален...»

13

... Аня достала из шкафа небольшую фетровую шляпку тёмно-зелёного цвета. Примерила. Хороша! Нашла давно заброшенную яркую губную помаду. Слегка подкрасила губы, сама не ожидая, насколько красиво получилось! Глаза светились радостью, душа светилась! Давненько не видела она себя такой красавицей! Снегопад не прекращался который день...

Город находился в торжественном состоянии зимы. Снег успел засыпать и залепить крыши и окна, балконы и лоджии, мохнато свисал с водосточных труб. Белые машины, все, как одна, везущие на себе снеговые покрывала, едва разъезжались на узкой проезжей части.

Временами Анна, как девчонка, перебиралась через сугробы, и это её очень забавляло. Она улыбалась. Ветер нёс навстречу снежинки, которые, падая на лицо, тут же начинали таять...

Случайные прохожие удивлённо оглядывались на девушку в зелёной шляпке, из-под которой выбивались короткие волосы, и не понимали её радости среди обвального снегопада. А она шла навстречу белому снегу, за которым сияло её счастье.

Этот рассказ относится к 70м годам прошлого столетия, когда в нашей стране отношение к религии вообще и к священнослужителям в частности, мягко говоря, было терпимым, а это означало, что высокое начальство и партийные лидеры в большинстве своём втихаря крестили детей, отпевали усопших стариков и венчали свою молодёжь. Но за те же действия начальников рангом пониже, а, тем более, простых рабочих исключали из партии и комсомола, снимали с должностей, то есть «преследовали» разными способами.

...Стоял погожий летний день, и вся семья сельского священника отца Александра трудилась в саду. Началась пора ягод, урожай выдался богатый. Сыновья обирали смородину. С привязанными к поясу бидончиками, с покрытыми головами, спасаясь от полуденного солнца, они работали в глубине сада и негромко переговаривались между собой. Летом дни хоть и длинные, но ягода может быстро пропасть, поэтому старались успеть и собрать и обработать.

Сам батюшка со старшей дочерью Алей трудился как раз возле соседского забора, откуда вдруг, разрушая тишину полдня, раздался женский крик вместе с испуганным кудахтаньем курицы:

— Ах, попы проклятые! Ах, вы, толстопу-у-у-зые! Ра-а-но вам волю дали! — неслось по округе. — Всё мало вам, гребёте и гребёте, — неистово кричала соседка Лиза, или Лизутка, как прозвали её в народе. Она пробиралась по заросшей меже, лавируя между грядками. Её короткий линялый халат, застёгнутый, как попало, распахивался при каждом движении неприлично высоко, обнажая дряблые ноги с мясистыми коленками и вспухшую просинь вен.

Она шлёпала в огромных калошах, сотрясая в такт выкрикам воздух и всё, что состоялось над головой. В одной её руке мелькали грабли, в другой болталась вниз головой испуганная курица, отчаянно и бесполезно хлопая крыльями.

– Ты что, не слышишь? – всё яростнее подступала к забору Лизутка и трясла несчастной курицей. – Все грядки разгребла, проклятая! У самих-то вон полны тазы ягод, а у нас последнее отымаете?!

Курица беспомощно била воздух крыльями, тщетно пытаясь вырваться из цепких рук Лизутки, рассыпая вокруг бесчисленное множество рыжих перьев и пёрышек.

Худощавый батюшка, недавно перенёсший тяжёлую болезнь, с жалостью глядя на страдающую живность, выпрямился, вытирая пот со лба, приказал дочери идти к матери в дом и обратился к соседке:

- Лизавета, ну, что ты кричишь?.. Я, что ли, курицу послал к тебе?! Погляди, какие щели у вас кругом, не только курица, поросёнок пролезет, попытался он шуткой успокоить женщину. Но получил обратный эффект:
- А-а-а! Щели в заборе он увидел! Где я новый-то штакетник возьму? Он денюшек стоит. Это вам всё за так достаётся, а мы горбом своим зарабатываем! Лизутка в сердцах отшвырнула в сторону грабли и, неловко изогнувшись, захлопала себя по спине. Вам, крохоборам, всё несут, да везут, на готовеньком живёте! Возьму, вот, да сварю твою курицу! У меня детей пятеро и мужик-инвалид. Хоть похлёбка будет! всё больше заводясь, мотала она курицей из стороны в сторону.

Та из последних сил билась в руках Лизутки, пытаясь освободиться, выпучив от страха тёмные бусинки глаз. ...Видимо, услышав шум, из-под навеса ветхого сарайчика неохотно вышел, сильно хромая, заспанный Николай, муж Лизутки, выпивающий, но добродушный, мужчина.

Он смущённо оглядываясь по сторонам, всё силился понять, что сегодня явилось причиной гнева жены.

- Николай, хоть ты успокой её. Ну, что она разошлась-то? А курицу возьмите себе, возьмите...— махнул рукой батюшка, но не успел удалиться, как рядом с Лизуткой оказалась её дочь Надя, рябая, на сносях, широкой кости женщина, и сходу завопила:
- Чтоб вас черти побрали! Попы проклятые, подражая матери, закипала дочь. Да, чтоб вас...- никого не стесняясь, Надя извергала поток отвратительных слов.
- Ну, хватит кричать-то. Надоело уж... Ну, пошумели и хватит, потихоньку уговаривал Николай взбесившихся домочадцев. Идите домой, хватит!
- А тебе, косолапый, что? грозно развернулась Лизутка в сторону мужа. Её седые волосы совсем растрепались, глаза горели безумием. Заступаешься за этих кровопивцев? Я вот тебе сейчас! резко наклонившись, схватила она грабли... Николай успел увернуться.

Фронтовик, прошедший всю войну, потерявший в боях ногу, Николай не боялся никого и ничего, кроме своей взбалмошной Лизутки да подрастающих детей, которые по примеру матери могли, чем попало, приложить отца, зная его безответность.

- Мать, забирай курицу, мать их ...! Сварим! Не помрут они с голоду, мать их...– выкрикивала, старалась не отставать от матери Надя.
- ...В перебранке никто не заметил, что курица издала хриплые звуки и смолкла, безжизненно свесив головку на длинной шее.

Густая трава вдоль забора была усеяна куриным пухом и мелкими пёрышками.

Потрясённый, стоял батюшка. Он не умел остановить поток сквернословия. Но всё-таки, когда образовалась пауза, обратился к Наде, сочувственно качая головой:

— Эх, Надя-Надя, шла бы ты домой. Ты ведь в положении: тебе не то, что произносить такие слова, тебе их слышать нельзя...! Эх, вы...Людей не стыдитесь, побоялись бы хоть Бога! — перекрестился отец Александр и пошёл прочь.

– Ща-ас! На-ка, выкуси! – победно орала на всю округу Надя, сложив жирную фигу из отёкших пальцев. – Выдумали бога-то своего, чтоб нас дурачить. Но не на тех напали!

2

... Шли годы. Время, как известно, идёт быстрее всего на свете. Многое меняется на глазах, но, для того, чтобы произошли изменения в умах — порой и жизни нескольких поколений не хватает...

— Ах, ты, сила нечистая! Опять в штаны навалил! И за что мне наказание такое! — размахивала массивной связкой крапивы тучная Лизутка, едва ковыляя в растоптанных калошах за внуком. А он бегал по грядкам, топтал рассаду, мычал что-то несуразное и радовался по-своему. — Остановись, тебе говорю! Поймаю — прибью, дьявол ты этакий! — задыхаясь, выкрикивала уставшая Лизутка, не в силах догнать Вовочку.

Это Надин сын...

Такие сцены повторялись изо дня в день, пока Вовочка гостил у бабушки. Муж Николай не уговаривал больше безумную старуху – в одну из вёсен наложил на себя руки...

— Папа, — Аля присела на скамейку рядом с отцом. — Вот ведь несчастье-то, а? — кивнула она в сторону соседей. — Совсем больной ребёнок. Ему восемь лет, а он совсем ничего не соображает, и не разговаривает, только мычит...

– Да, горе-горе, – ответил отец Александр после долгой паузы. – Он за мать свою молчит, – вздохнул он, задумчиво наблюдая, как в разогретой пыли под кустами смородины купаются куры, вращая по сторонам тёмными глазками.

ОГНИ

1

Лера задумчиво смотрела в тёмное окно электрички и вспоминала их с Мишей август.

Они познакомились, когда отдыхали в пионерском лагере, расположенном в берёзовой роще на берегу Белого озера.

Им было по тринадцать лет, и обоих зачислили в старший отряд. В первый же день многие девчонки «положили глаз» на Мишу. Ведь в этом возрасте все мальчишки выглядят, как «гадкие утята»: невысокого роста, нескладные, с пушком на подбородке, с неприятным голоском, да ещё и прыщавые.

А Миша заметно выделялся среди сверстников спортивной фигурой, смуглой кожей и очень тёмными волосами. Время от времени он едва заметным кивком головы отбрасывал густые волосы, спадающие на высокий лоб. Но самое главное — его чёрные глаза были настолько красивы, что трудно было не влюбиться в такого красавца.

Вечером состоялась дискотека на танцплощадке под «живую» музыку.

Миша появился поздно. Сначала он стоял с ребятами недалеко от танцплощадки, потом компания приблизилась и немного рассредоточилась.

Миша, казалось, мало интересовался девчонками вообще и танцами в частности. Но множество девичьих глаз уже наблюдало за ним.

Девчонки шептались, танцевали, смеялись, не забывая поглядывать в его сторону. В душе они нервничали, сильно хлопая себя по ногам берёзовыми веточками, отгоняя надоедливых комаров, и каждая думала: «А вдруг он меня пригласит? А вдруг на меня посмотрит?» Он же, словно испытывал женское терпение, и не спешил с выбором.

2

....Лера сегодня пользовалась успехом у мальчишек, она танцевала, не переставая, её приглашали и приглашали. Она порхала под стать удивительной бабочке, недавно вырвавшейся из кокона, и её коротенькое цветное платьице переливалось шёлком и струилось под светом огней.

Миша понравился ей сразу, но она не хотела делать первого шага навстречу. Сегодня в ней неожиданно проснулась актриса. Каким-то новым чувством Лера догадалась, что если она не будет обращать внимания на этого парня, а будет просто естественной и весёлой, то непременно обратит на себя его внимание. Это чувство так овладело Лерой, что она и вправду не следила, где Миша и с кем.

Играть было несложно и интересно, тем более, что все мальчишки, облепившие её, были ей неинтересны, явно моложе, ниже ростом. А ей, как и всем девушкам подходящего возраста, хотелось встретить принца. Она так естественно и непринуждённо входила в роль, что, не успев перевести дух после очередного танца, вполне удивлённо оглянулась на мужской голос из темноты:

- Можно вас пригласить? это был Миша.
- Да! кокетничала Лера.

Только вот сердечко-то мало понимало игру и взволнованно заколотилось, как только Миша обнял девушку за талию. У него были особенные руки, чувственные и сильные. Она заносчиво улыбалась, пока не встретила его взгляд. Жаркая волна, рождая незнакомое чувство, ударила в лицо, окатила шею, грудь...Хорошо, что под светом неярких фонарей он не мог заметить перемен, происходящих в девушке.

Лера опустила глаза. А, немного успокоившись, незаметно, но победно, обвела взглядом подружек, наблюдающих за ними. Она тряхнула распущенными волосами и вздёрнула носик, желая побыть актрисой ещё немного, но опять поймала его взгляд и ощутила его дыхание на своей щеке...

...Тёплые дни августа летели быстро, почти обгоняя друг друга. Смена подходила к концу. Жизнь в пионерлагере была интересной, с конкурсами, соревнованиями, линейками с речёвками, дежурствами по корпусу, в столовой, на пляже, концертами и экскурсиями. В течение дня остаться наедине было почти невозможно, но всякий раз Лера замечала, что Миша смотрит на неё особенно, и ждала, когда же снова «привезут танцы». Миша неизменно приглашал только её. Подружки смирились, да и Лера больше не играла. Она и играть-то на самом деле не любила, и актрисой в отличие от сверстниц стать не мечтала. Она просто впервые влюбилась...

Лера с нетерпением ждала наступления вечера, наполненного музыкой, шёпотом берёз, большим небом с падающими звёздами, а также огнями, таинственно мерцающими вокруг танцевальной площадки. Они, то освещали, то скрывали лица, и у влюблённых дух захватывало от ощущения этой таинственности. Говорили они, как и прежде, мало. Миша вообще был молчалив и немногословен. О чём думал он, Лера не знала, ведь у неё самой было слишком много новых переживаний. Они молчали, слушая дыхание друг друга, думая каждый по-своему, но для молодых людей, стремительно входящих во взрослую жизнь, каждая встреча становилась большим счастьем.

... Прощались, как все, увозя домой на пионерских галстуках росписи, адреса, стихи и слёзы.

3

...Лера с нетерпением просматривала почту. Но писем от Миши не было. Она могла написать сама, но девичья гордость ей не позволяла. Почему он не пишет? Забыл о ней? Нет.

4

Не может быть. Он – не из таких...Тем более, что отношения у них были, не как у всех, а необыкновенные, незабываемые. А, может, он заболел? Может, у него беда стряслась? Так мучилась Лера, и её детское сердечко сжималось от боли за её Мишу. Ведь она бросилась бы на помощь, пришли он хоть маленькую весточку.

Лера никак не могла понять его молчания. А сама всё же не переставала очень надеяться, что встреча их состоится, представляла, как они вдвоём пойдут вместе на какой-нибудь спектакль, а потом будут гулять по тихим улочкам города и делиться переживаниями, обсуждая увиденное...

...Три месяца Лера терялась в догадках, и наконец-то получила вместе с пачкой газет драгоценный конверт. Сердце подсказывало: от него! «Дождалась!» — слёзы радости были наготове, память встрепенулась, и чувства заколыхались, переполняя всё её существо.

Прижимая конверт к сердцу, Лера вбежала домой, не разуваясь, закрылась в комнате и начала читать. Но что это? Письмо начиналось предупреждением, написанным красивым почерком: «Не вскрывать до первого письма о любви!» Внутри конверта находился маленький, сложенный треугольно, листочек. «Что это?! Шутка? Розыгрыш?» — Лера не верила глазам. Предчувствуя нехорошее, она прикусила губу и развернула его.

...Потрясённая, она дочитала непонятное ей недвусмысленное стихотворение о чужой и грубой любви. Ей хотелось выкрикнуть: «Это не он! Он не мог всё испортить!» Лера вновь и вновь вглядывалась в строки, где жили чьи-то, незнакомые ей чувства, и не было и капельки от их с Мишей любви, от их тайны...

Лера достала из ящика письменного стола свой дневник, в котором ожидал нужного часа конверт с ответным письмом для Миши. Но теперь ему не было суждено дойти до адресата. Она развернула листок в клеточку, который бережно хранил её чувства, ещё раз перечитала:

Когда поздно вечером я еду в электричке, и за окном в темноте мелькают огни,

я вспоминаю о тебе.

Я вспоминаю наш август.

Я вспоминаю наши вечера,

такие недавние, но совсем далёкие.

Я вспоминаю нашу музыку.

Я вспоминаю твой голос, твои слова.

А электричка, изредка вскрикивая, мчит вперёд.

Густая темнота, и яркие играющие огни вдалеке...

За грязным стеклом ничего не видно,

кроме этих огней...

Я вспоминаю наш звездопад.

Вспоминаю всё незначительное,

но такое огромное,

и темнота за окнами не кажется

такой пугающей, как прежде...

Тогда тоже было темно,

Но там сияли огни.

Электричка бежит навстречу станции, а огни

мелькают и мелькают...

1978 год

Лера задумалась на несколько секунд, стиснув зубы, чтобы не расплакаться, потом быстро разорвала листок на мелкие части и выбросила в открытую форточку.

ЛЮБИМАЯ МОЯ

Пятилетний Ваня, сколько себя помнил, жил у бабушки. Но всё это время он очень ждал, когда же он, как все соседские ребятишки, будет жить с мамой. В своих детских мыслях он непрестанно надеялся, что мама наконец-то разберётся со своими делами и возьмёт его к себе. Но у неё, как назло, дела никак не кончались: то она не могла найти работу, то делала ремонт в квартире, то уезжала в срочные командировки, то уезжала лечиться...

А Ваня ждал и ждал. Конечно, они и с бабушкой ладили хорошо, но он очень любил свою молоденькую красивую мамочку и временами сильно скучал.

Вот и на этот раз мама позвонила, что заедет к ним. Ваня прибирался в квартире, как мог: расставлял по местам игрушки, сам вытирал пыль, и даже на кухне поставил на стол маленькую вазочку с мелкими отцветающими ромашками, которые смог найти во дворе.

- Это я для мамы, бабуль. И для тебя тоже, радостно сообщил он бабушке, расправляя цветы. А ещё я ей рисунок нарисую... А она точно приедет, бабуль?
- Приедет, приедет, успокоила внука бабушка, ласково глядя на него и развешивая над плитой нанизанные на нитки дольки яблок для сушки. Вздохнула нечаянно.

Для Вани приезд мамы был большим праздником, и поэтому он очень старался не огорчить её ничем и думал: а вдруг сегодня сбудется? А вдруг она сегодня его возьмёт с собой? Он очень хотел угодить ей, порадовать её, чтобы она поняла наконец-то, что сын уже большой, что он будет ей очень помогать во всём, мыть посуду, заметать полы, лишь бы только быть рядом.

...Раздался телефонный звонок, и бабушка взяла трубку.

Коротко поговорив, она открыла шкафчик с лекарствами, быстро вынула из шкафчика пузырёк с лекарствами, положила таблетку под язык.

- Ваня, собирайся, милок, мама сейчас заедет, нам надо встретить её на улице.
- Почему на улице, бабуль? вскрикнул от неожиданности мальчик. Она, что, не зайдёт к нам? И чаю не попьёт, как в тот раз? И... тут голос его дрогнул...
- Нет, Ванечка, мама спешит очень. А нам же недолго одеться да выйти. Так ведь?

Ваня молчал. Он размышлял, как ему одеваться? Просто или нарядиться в новые брюки и свитер с машинками, связанный бабушкой...Может быть, как раз сегодня мама приедет за ним? И он с надеждой поднял на бабушку тревожные глаза, а она, поняв вопрос, ответила:

– Одевайся, милок, вон, – в чём утром за цветами ходил. Да шарф повяжи, ветер на улице. Не простудиться бы, – кивком указала она на одежду, сложенную на стуле.

Они оделись и потихоньку спускались с третьего этажа вниз по ступенькам. Ваня не прыгал по ним, как раньше, не пересчитывал их, как обычно. Голова его полностью была занята мыслями о предстоящей встрече.

Не успели они выйти из подъезда, как подкатило «такси», и из машины выпорхнула молодая девушка в джинсах, короткой курточке, в модных сапожках на высоком каблуке.

– Ну, привет, мои дорогие, – раскинула она руки и кинулась навстречу к сыну.

Она заключила его в объятья, чмокнула в щёку, потрепала его светлые, почти белые волосы, взъерошенные ветром.

– Привет, мам, – счастливо заулыбался Ваня, рассматривая её и отмечая, что она очень красивая. – Мам, а ты, что, не зайдёшь к нам? Мам, а я тебе покажу свитер с машинками. Бабушка связала! Мам, а я же тебе цветы нарвал...Как же я

забыл из взять? Подождёшь, я сбегаю? – Его голубые глаза от возбуждения, стали ещё пронзительнее, ещё голубее. Он хотел так много ей рассказать, так много спросить, но растерянно оглянулся на бабушку, стоящую поодаль.

Она напряжённо наблюдала за сценой и не вмешивалась.

 Бабуль, мы же про цветы забыли. Можно я сбегаю? – попросил он.

Но мама резко выпрямилась, взмахнула руками, перебив его:

— Нет, нет, пупсик, что ты! Давай в следующий раз цветы, сегодня я очень тороплюсь. Хорошо? — и, шагнув к свекрови, тихо и быстро добавила, — Срок кредита подошёл, а я... В общем, нет работы. Отдам потом...

Пожилая женщина дрожащей рукой протянула девушке деньги. Та тут же впорхнула в «такси».

– Пока-пока, пупсик! – обратилась она к Ване, усаживаясь на сиденье и вытягивая вперёд губы «трубочкой», словно для поцелуя.

Ваня улыбался и, не переставая, махал маме рукой.

Машина, медленно трогаясь с места, отъезжала от подъезда. Ваня во все глаза смотрел на маму. Глаза слезились от ветра, вязаный шарф растрепался, оголив тонкую шею малыша, но он не замечал этого, он ждал увидеть ещё хоть одну мамину улыбку, и, конечно, ждал, что она на прощанье помашет рукой ему в ответ.

Но машина, предательски медленно двигаясь по мокрому асфальту, увозила от него маму, и мама никак не поворачивалась в его сторону, а он изо всех сил махал рукой и, не переставая, счастливо улыбался.

Ваня видел, как мама, низко наклоняя голову, перебирала бумажки, конечно, занимаясь важным делом, которое было важнее всего и мешало ей оглянуться и прочитать в его глазах и радость от встречи и печаль от расставания и ещё много того, от чего страдала маленькая душа.

И, только когда машина, резко набрав скорость, скрылась за углом дома, сияющая улыбка разом исчезла с лица ребёнка, и он как-то виновато опустил руку, которой до боли в суставе махал маме. Поняв, что мама уехала, Ваня почувствовал себя как будто обманутым, прищурил слезящиеся глаза, перевел взгляд на серую дорогу, усеянную опавшей листвой и так замер, вглядываясь, и не зная, что делать дальше.

— Ну, пойдём, Ваня, пойдём. Холодно. У меня уж ноги озябли, — Вывела его из оцепенения бабушка. — Открой-ка мне дверь, не справлюсь я.

Ваня подбежал к двери, открыл её, пропуская бабушку. Она, тяжело дыша и опираясь на клюшку, поднималась по ступенькам.

- Бабуль, а мы будем поделки делать из листиков и желудей, как ты обещала?
- Конечно, милок.
- А когда? Давай, прямо сейчас?
- Давай, почему же нет? Конечно, будем. бабушка заглянула в серьёзное лицо мальчика, утвердительно кивнула головой, взяла его за руку.

Глаза её светились нежностью.

Ваня примолк и благодарно прижался к бабушке, обхватив её руками. Уткнувшись в её одежды, он доверчиво вдыхал запах яблок, исходящий от морщинистых рук, и после пережитой встряски возвращался в тепло и покой.

И вдруг впервые маленький Ваня подумал, что не хочет никуда отрываться от этого бесконечно родного человека. Он в порыве своих чувств, до боли прижимаясь лбом к большой круглой пуговице, вспоминая также, что из такой пуговицы бабушка делала ему «жужжалку», — поцеловал её прямо в накинутый плащ, куда позволял достать его небольшой рост, и крепко-крепко обнимая бабушку, прошептал:

– Любимая моя...

МАМИНА СВЕЧКА

1

Ирина вбежала в дом и, бросив сумочку на диван, поцеловала маму в щёчку. Она прижалась к тёплому плечу и погладила бессильную руку, лежащую на коленках, остро обозначенных под лёгким плащиком.

– Ну, слава Богу! Успела, – торопилась сообщить Ирина. – Всё нормально, мамуль, я отпросилась. Так всё удачно получилось...

Любовь Сергеевна сидела одетая возле стола, на котором ожидали своего часа документы для госпитализации. Рядом на полу стояла большая сумка с вещами. С минуты на минуту должна была приехать «скорая». Любовь Сергеевна заметно волновалась, пытаясь что-то сказать.

— Ира... — тихо начала она и тут же поперхнулась, — так сушило во рту. Любовь Сергеевна отпила глоточек воды из чашки, подаренной дочерью. — Ирочка, ты положи мне эту чашку с собой, вот здесь, сверху... — сказала она совсем не то, что хотела, и наклонилась к сумке в поисках места для чашки, зашуршала, перекладывая пакетики, но тут же закашлялась. Наклоняться Любови Сергеевне было трудно.

Тяжело дыша, она откинулась на спинку стула и вытянула вперед очень худые ноги с опухшими стопами. Даже мягкие домашние тапочки, в которых она ходила теперь постоянно, глубоко и больно врезались в кожу.

- Мам, ну, зачем ты наклоняешься? Скажи мне, что надо, я сделаю.

Ира помогла матери сесть поудобнее и, ласково рассматривая её, погладила по волосам. Она с детства любила играть мамиными волосами, мягкими и пушистыми. Любила их заплетать в косы, расчёсывать, сотворять разные причёски, изображая

маму то принцессой, то сказочной феей. Мама позволяла безобидные забавы дочке, хотя потом нередко вырезала целые прядки волос, так как привести их в порядок по-другому не было никакой возможности.

Сейчас Ирина вспомнила своё недалёкое детство и улыбнулась, она была уверена, что всё у них будет хорошо, ведь мама была с ней всегда, и будет вечно. Так думала Ирина. Так думанот все дети.

Любовь Сергеевна думала по-другому. Не всё рассказала она дочери о болезни, боясь оставить одну, а ей всего-то чуть больше двадцати... Хотя выросла девочка самостоятельной, умницей: и по дому всё успевает, и учёбу в институте заканчивает. Но вот родных у них нет, поддержать, если что, будет некому...

- Ира... опять начала Любовь Сергеевна. Она хотела так много сказать дочери, но слова не приходили на ум, застревали на полпути, оставаясь в сердце, полном жалости и любви к своей кровиночке. Любовь Сергеевна тяжело вздохнула. Резко похудевшая, она походила больше на ребёнка: лицо осунулось, большие глаза наполняла растерянность.
- Вот что, Ирочка, всё у тебя хорошо. Ты Вадима держись, он хороший парень и работящий... Да...Только вот к храму я тебя не приучила. Жалею об этом.

У дочери на глаза навернулись слёзы:

— Мам, ты что? Ты что говоришь-то? Хочешь, вместе пойдём? Когда скажешь, мам! Я же и крест ношу и молитвы знаю, буду вместе с тобой ходить! Вот, как выйдешь из больницы, и пойдём сразу! А за уроки— не бойся, я успею, я всё успею...

Ирина почувствовала тревогу в словах матери и готова была на всё, лишь бы успокоить её и унять своё, невесть откуда взявшееся беспокойство. Ещё час назад она была уверена, что в больнице маму непременно подлечат, и всё будет в их доме, как и до болезни: уютно и хорошо.

Но теперь эта уверенность с каждой секундой утекала, как вода...

– Ира, вот ещё... – Любовь Сергеевна говорила медленно, с остановками, едва переводя дыхание. Волнение мешало ей говорить. – Возьми, доченька, вот эту свечку, – она дрожащими руками развернула лежащий на столе малюсенький тонкий свёрточек. – Её мне батюшка подарил. Она от Гроба Господня. Как будет тяжело, – зажги у иконы, помолись, и – полегчает...

Она отвернулась, чтобы скрыть от дочери слёзы. А Ирина, рассеянно держала в руках тоненькую жёлтую свечку, очень тёплую от маминых рук.

2

...Санька сквозь сон почувствовал резкий запах лекарства. Баба Валентина сидела в длинной ночной сорочке на краю кровати и натирала мазью колено. Неприятный запах быстро заполнил всю комнату. Санька привстал на локте:

- Баб, ты чего?
- Чего, чего... проворчала она недовольно и зевнула, быстрым движением перекрестив рот. Упала я вчера со стремянки-то. Вот чего. Вишню у Надежды обирали допоздна, темно уж было, вот и навернулась.
- Баб, а зачем ты по темноте-то? Сама ведь говоришь: по светлому надо дела успевать, расспрашивал, не унимаясь, внук.
- Не успели вот засветло. А вишни видал сколько? Усыпенная! Вон у Надежды все деревья перевесились к Гонихиным. А к ним, сам знаешь, что попадёт, всё начисто уплетут. Детей, видал у них сколько? То-то. Пятеро, либо уж больше, шут их знает, и баба Валентина, не вставая, привычно перекрестилась, левой рукой не переставая тереть колено. Всю Надеждину вишню со своей стороны ободрали. Вместе с листьями... Едят они их, что ли? Прости, Господи!

- Баб, а чего ты сидя-то молишься? Сама говорила, надо на Бога глядеть и думать, о чём Его просишь ...
- Ай да умник приехал ко мне! Ай да учитель! баба Валентина оставила в покое больное место и поднялась. Хватит болтать, подымайся, перекуси маленько, да в церкву пойдём!
- Не-е, бабуль, не пойду-у я! Голова боли-и-ит! Вон ты как намазалась, дышать нечем! А Гонихины бедные, все так говорят, я сам слышал. Им вчера дядя Коля корзину огурцов приносил, я видел...
- Хватит уж, не болтай, чего не надо. Будешь бедным, коль цельный день книжки на крыльце читать, проворчала баба Валентина и зевнула, не забыв при этом перекрестить разинутый рот. Санька удивлённо покосился на неё:
- Баб, а чего ты рот-то крестишь, а?
 Баба Валентина затрясла головой:
- Чего? Чего? передразнила она внука, А то сам не знаешь?! Большой уж, пора бы знать. От нечистой силы, вот чего! Чтоб не впустить её, окаянную. Понял, что ли? Слушай хоть бабку, больше-то тебя некому учить! Давай умывайся по-быстрому, а не то я в церкву опоздаю. О, Господи...

Санька нехотя пошлёпал к умывальнику, а сам всё думал над непонятными, и от того страшными, словами бабушки. «Как же это?», — рассуждал семилетний мальчик: «Как эта нечистая сила может поместиться в рот бабы Валентины? А вдруг она и к нему захочет пролезть?» — Саньку передёрнуло от этих мыслей и от холодной воды, которая тонкой струйкой потекла из крана. «Лучше не думать об этом», — решил он и, пока баба Валентина не видела, намочил слегка одной рукой нос. Притом, другую руку и лицо оставляя сухими. Очень уж не хотелось умываться холодной деревенской водой....

В окно заглядывало солнце, и на столе играли весёлые лучики. Через открытую форточку слышно было, как кудахчут куры.

- Всё, баб, умылся...– сообщил он. Но бабушка перебила внука:
- А одеваться? Всё бы в майке к столу садились. Грех это! Запомни! Ох, ты, беда моя! и снова по привычке вздохнула. Санька оделся, вышел на кухню.
- На вот! баба Валентина подала внуку тарелку с варёными яйцами. Ешь! Я-то не ем так рано.

Рядом лежали свежие огурчики. Прямо на клеёнке, на которой когда-то был рисунок, друг на дружке лежали куски ржаного хлеба, а в большой эмалированной чашке на спелых яголах вишни блестели капельки волы.

Санька с удовольствием взял ещё тёплое яйцо, не торопясь, чистил его и обдумывал, чем он будет заниматься, пока бабушки не будет дома. Резкий окрик остановил его мечтания:

- Да сколько же раз говорить: не макай яйцо в соль, не макай! и она слегка ткнула его в затылок.
- А почему нельзя-то, а, баб?
- Потому, что грех. Вот почему. Да, что вам говорить-то?! Не боитесь вы греха, баба Валентина снова перекрестилась, теперь глядя на иконы, занимающие в углу и на стене достойное место.

Санька не совсем понимал, что такое — грех, и почему его надо бояться. «А вдруг и не надо? — мысленно рассуждал он. — Может, он не такой уж и страшный, этот грех, которым баба Валентина каждое лето пугает его...»

На всякий случай Санька пощупал свои бицепсы, остался доволен и стал думать о том, как бы сходить с бабушкой на пруд.

В предвкушении хорошего дня он потянулся за огурцом, разрезал его пополам, посолил, аппетитно потёр одну половинку об другую, так, что по рукам потёк сок, и неповторимый аромат почти перебил камфорный запах бабушкиной мази.

– Господи! – вскрикнула баба Валентина. – Да это же наказание!

Санька испуганно оглянулся, но тут же по взгляду, устремлённому на него, понял, что наказание Господнее — это он, Санька.

- Ну, чего я сделал-то? Чего опять не так-то? - заныл он. - Не макаю я твои яйца-а-а! - растягивал слова внук, пытаясь разжалобить бабушку.

Хотя баба Валентина и не обижала внука, но в сердцах вполне могла шлёпнуть полотенцем. Конечно, это нисколько не больно, но обидно очень. И с подобной обидой Санька встречался не раз.

- Господи, да не кладут нож-то острым наверх! Не кладу-ут! Сколько говорить тебе, а? Горе ты моё! Ох, опоздаю сегодня, точно опоздаю...
- Почему нельзя, а? Скажи, почему? Ну, скажи-и-и! не переставал канючить Санька. Ему и вправду было интересно, почему нож нельзя класть так, как положил он.

Почему непременно нужно положить так, как велит она, баба Валентина

- Бестолковый, ох, бестолковый! Колдуют так! испуганно крестила баба Валентина Саньку. Ешь вон вишню! Пропадает! приказала она, а сама снимала со спинки стула воскресную юбку с кофтой.
- Не могу я её больше есть, язык от неё щиплет.
- От глупостев да от болтовни твоей щиплет! ворчала баба Валентина, кряхтя и охая, натягивая чулок на ушибленную ногу.
- Баб, а, баб, решил Санька пойти на мировую, а можно я телек включу? Немножко, а?

Баба Валентина резко выпрямилась:

– Правильно. Телек! Пока добрые люди в церкви молятся, он будет телек смотреть, Ну, что мне с тобой делать? Ведь отвечать за тебя придётся. А ты, как нарочно. Одни ведь нехристи там, в телеке твоём!

Санька усиленно зашмыгал носом и подозрительно поглядел на бабушкин телевизор. «Телек, как телек», – подумал он, – как у всех, как у него дома в городе...»

– А нехристи – это кто это, баб? – спросил Санька на всякий случай, понимая, что ему становится страшновато оставаться одному.

Баба Валентина в сенях позвякивала ключами, но внуку всё же поучительно разъясняла:

Папка твой беспутный, и мамка такая же стала. Вот кто.
 Понял?

Санька понял, что нехристи вовсе нестрашные, и, что бояться ему некого. Но вот почему его родители в телеке, как считает бабушка, он так и не понял. Но это его не очень-то интересовало. А баба Валентина, хоть и спешила, но выговориться считала своим долгом:

- Сходят в храм на Пасху и думают: всё, дело сделано, в рай попадут! А нет, милок, так дело не сделается! Бог-то он всё видит! никак не могла она засунуть ноги в туфли.
- Как будут спасаться, не знаю. Как спасутся? О Боге совсем не думают и детей совсем не учат! О, Господи! Беда кругом!
- Бабушка, задумал немного успокоить её Санька. А давай потом на пруд пойдём, а? Ты ведь обещала!
- Ну, скажи, что не бестолковый, заводилась всё больше баба Валентина, повязывая платок. Ну, какой пруд? Кошёлку с вишней видал? суетилась она, переставляя тяжёлые посудины с ягодами в тенёк. Варенье будем варить, не то прокиснет вишня. Нежная она!
- Баб, ну, куда столько варенья? Ставить уж некуда. Давай лучше на пруд, бабуль!
- Тьфу, ты! Всё-тки заведёт перед молитвами! Уйдём на пруд,
- куда вишню денем? Скажи на милость, раз такой умный?
- А давай Гонихиным отдадим! Баб! У нас и так полно!
 У бабы Валентины даже слёзы навернулись:

— Ну, посмотрите на него! Гонихиных ему жалко, а родную бабушку — нет! Неужто не видишь, еле хожу: нога-то вон как опухла! Зачем я тогда лазила на вишню-то эту! Чтобы для них собирать, что ли? Что уж ты, Санька, в самом деле? А? Да и в храм Божий надо идти, свечи продавать кто будет? А за порядком следить? Кто? — совсем расстроенная, она махнула рукой, заперла Саньку на ключ и, хромая, отправилась в церковь.

3

Горькие комки упорно подкатывали к горлу. Сквозь пелену слёз Ирина смотрела на фитилёк тоненькой свечки, обвитый играющим свечением, которое податливо отзывалось на каждое движение воздуха. Лёгкий ореол то уклонялся от незаметного дуновения, то тянулся вслед за утекающей струёй, трепетно меняя очертания. Свечение из круглого становилось овальным, поколебавшись, вытягивалось вверх, перетекая в новую форму, тонкую и длинную, неустанно изгибаясь в разные стороны. Ирина отрешённо наблюдала бесхитростную игру маленького огонька, замирающего на мгновение для молчаливого разговора. Неожиданно ей показалось, что мама сейчас разговаривает с ней утешительно и радостно. Она хорошо помнила наказ «Зажжёшь, дочка, когда будет тяжело. И полегчает....» «Какая же она умница, мамочка моя. Как она переживала за меня. И сейчас молится обо мне.... Не буду плакать больше. Не буду...»

Действительно, так тяжело, как сейчас, Ирине не было никогда. До последнего маминого вздоха она верила в чудо, надеялась, что мама поправится, и всё в её небольшой жизни будет, как прежде. И она ещё долго, возможно, всегда, будет маленькой девочкой, просто дочкой, и всегда рядом с ней будет её дорогая мамочка...

Но чуда не случилось.

...Смахивая слёзы, Ирина всматривалась, как по маминой свечке скатывались капельки воска, как вновь и вновь дрожало свечение, в центре которого маленьким сердечком изнемогал от беспрестанных движений фитилёк. «Конечно, это мама рядом со мной, она молится за меня...Не буду плакать», — уговаривала себя Ирина.

Не слышала она, как псаломщик дочитал «часы», как примолкли прихожане, и в храме царил торжественный покой ожидания.

Не слышала она, как потревожил этот покой стук входной двери, как баба Валентина, припадая на одну ногу и громко откашливаясь, ввалилась в храм.

Не слышала Ирина, как облегчённо вздохнули люди, ожидавшие её у свечного ящика. Но баба Валентина, не обращая на них внимания, с громким шёпотом крестилась, переходя от иконы к иконе, потом, деловито направляясь вперёд, шумно опустилась на колени. И только после этого, с трудом поднявшись, побрела к свечному ящику, на ходу расправляя юбку.

...Вадим нечасто бывал в храме, но, зная, как важен сегодняшний день для Ирины, отнёсся к нему очень серьёзно. Случилось, что сам того не ожидая, он испытал сильное волнение, когда в монотонную утреннюю тишину влился низкий голос священника и высокие женские голоса, распевающие псалмы: «Благослови, душа моя, Господа, и не забывай всех воздаяний Его. Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив...»

...Сегодня, в сороковой день после смерти Любови Сергеевны, Вадим заметил, с каким желанием собиралась Ирина в храм, и ему показалось, что страшное и цепкое чуть-чуть начинает отступать.

Ведь всё последнее время состояние подруги внушало ему опасение. Он видел, что печаль засасывала её, как топкое болото.

Она мало ела, плохо спала, а все дни, не занятые учёбой, лежала, свернувшись клубочком, и смотрела в стену.

Лишь неотложные дела выводили её из уныния, тогда она с трудом поднималась, приводила себя в порядок и немного оживала. Вадим очень жалел Ирину, помогал ей по хозяйству, покупал интересные книжки, конфеты, делал всё, что раньше развеселило бы её.

Но не сейчас. Сейчас горе было сильнее.

...«Хвали, душа моя, Господа, хранящего истину в век, творящего суд обидимым, дающего пишу алчущим», — каждое следующее слово вдруг являлось им единственно правильным и настоящим, потихоньку очищая их мысли и чувства от ненужности и шелухи.

Богослужение шло своим ходом, а Ирина с Вадимом пребывали в своих мыслях.

Настоятель храма отец Александр с большим состраданием относился ко всем, кто обращался к нему за советом и помощью. Именно он, зная о тяжёлом недуге Ирининой матери, дал ей вместе с просфорой свечку, привезённую паломниками от Гроба Господня, которую хранил у себя как святыню много лет.

«Во царствии Твоём помяни нас, Господи! Блаженны плачущи, яко они утешатся!» — необыкновенно легко и просто проникало всё глубже в сердце. Ирина и Вадим пребывали как новорождённые в осознании торжества жизни, и не было сомнения, что именно с сегодняшнего дня им обоим станет легче.

«Блаженны чистые сердцем, яко они Бога узрят. Блаженны кротции, яко они наследят землю», – казалось, сами ангелы с небес пели сегодня для них.

Перед молодыми людьми колыхалось множество свечей, и маленькие огоньки освещали лик Спасителя и возносили мольбу высоко под купол Храма и ещё выше...

...Погружённые в свои мысли они не обратили внимания, как решительно приближалась к ним баба Валентина. Они ничего не поняли, когда она, грузно склонившись над горящими свечками, по-хозяйски бесцеремонно выхватила одну из них, Иринину, и крепко зажала горящий фитилёк между огрубевшими пальцами. Жёсткой ладонью она смяла податливый воск и бросила в корзину с огарками.

Вадим успел подхватить качнувшуюся Ирину, а баба Валентина прошипела, прижав палец к губам:

- Тш-ш ш-ш-ш!..» указывая пальцем на листок бумаги, прикреплённый к стене. Печатными буквами было крупно написано: «Объявление. Не зажигать свечи, купленные в чужом храме. Они портят иконы».
- Э-то же ма-ма... Э-то ма-ми-на свеч-ка! Ирина нервно глотала воздух, выбирая из огарков остаток маминой свечки, и долго сдерживаемые рыдания выплеснулись наружу с неестественным гортанным криком, а сама она, закрываясь руками, бросилась к выходу. Вадим поспешил за ней.

...На паперти никого не было. Ирина хотела бежать скорее, но ноги не подчинялись ей. Она хотела, как можно дальше убежать от чудовищной несправедливости, но ноги вязли в тягучем воздухе, и она с трудом делала шаги. Тело её стремилось вперёд, а ноги безнадёжно отставали, в голове звенело, перед глазами кружилось: стены, пол, коврики, доска с объявлениями... Толкнув тяжёлую дверь, Ирина вырвалась на улицу.

Ещё раз ярко вспыхнула мамина свечка, окружённая бесконечно-ослепительным светом Великого Солнца, посылающего всем людям на земле сострадание и любовь.

Ca Xx

ТРОПИНКА ЧЕРЕЗ ВЕСНУ

(фрагмент из повести «Редкое имя – Ева»)

Это была их весна. Только их. И никогда они не принадлежали друг другу больше, чем сегодня. Измученные расставанием, они шли, не в силах разговаривать, только изредка жадно переглядывались. И когда их взгляды, не умея оторваться, притягивались — они понимали друг друга без слов. Да, и что было понимать-то? Да, и как не понять-то?

Они так соскучились, они так настрадались за время маленькой разлуки, что не могли, казалось, поверить вернувшемуся к ним счастью. И, с трудом веря, боялись снова потерять его и полностью наслаждались ощущением близости.

Ева, в коротких сапожках, ладной курточке, чуть выше колен юбке, была хороша, как никогда. Она знала это. Весеннее солнце, заполоняя день, жарко припекало ещё прохладную землю, как бы дразня обещанным теплом, и даже отражения великого светила от луж и земли хватало на всё, без исключения.

Солнце разливалось большое, любящее, вмещающее в себя всю радость весны, и ему в небольших разливах воды всё равно было тесно, и лучи его, без устали пылая, выскальзывали на подсыхающий асфальт и близ растущих кустарников превращались в игривые тени.

Ева вся утопала в этой весне, в этом свежем дыхании новизны, в этом солнце вечном и по-новому ласковом, но всё равно — она подсознательно понимала, что, несмотря на всё, ей не хватало этой красоты, ей хотелось ещё и ещё видеть, осязать, иметь и, не переставая, радоваться. И она, вроде бы невзначай, заглядывала в каждую лужицу, где угадывала своё отражение и улыбалась.

«Весна, весна! Как много хорошего связано с тобой! Как ждала я тебя в юности, как радуюсь тебе сейчас», — думала она, становясь от этих дум ещё обворожительнее.

«Вот и ко мне пришло счастье», – говорили её глаза. «А совсем недавно и мечтать не смела о любви. Всё, к чему так стремилась моя душа, много лет проходило мимо, стороной».

А он всё чаще глядел на неё, и всё тяжелее и реже отрывался от её искрящихся счастьем глаз.

«Девчонка, милая моя девчонка», — наблюдал он, как быстро мелькают над лужицами узкие сапожки, как легко стучат по тротуару их каблучки. Он не мог наглядеться на неё, на её слаженные движения, стараясь запомнить каждый жест, запечатлеть в памяти каждый шаг, неожиданный изгиб линий тела и выражения лица. Он знал, что у неё не бывает повторений, каждый миг самый красивый, самый неповторимый, самый-самый...И ему очень хотелось всю жизнь идти рядом с ней вот так, как сейчас, по весне, и чтоб дорога, пестреющая лужами, не кончалась никогда. Ему хотелось держать в своих руках эту маленькую, не по-женски крепкую ладошку, не выпуская, наслаждаться просто тем, что она женщина с редким именем и редкой красотой, что она у него есть навсегда.

«Я скучал, я очень скучал по тебе, — заговорил он, повернувшись к Еве. Заговорил негромко, и заметно волнуясь. — «И я. Очень», — ответила она тоже тихо, глядя в его глаза, сливающиеся с неброской голубизной неба. Слова кончались, а взгляды продолжались. Каждый зависал долгим, пронизывающим. — «Я каждый день тебе звонил, даже когда знал, что ты не ответишь, даже когда тебя не было дома...» — «Да...Я знаю. Я очень ждала твоего звонка», — тихо продолжали то губы, то взгляды... — «Я хотел тебя увидеть поскорей, я боялся не увидеть тебя» — «Почему?» — «Не знаю. Когда хорошо, всегда боишься... — «Ты — трус?» — «Нет. Я боюсь одного, что тебя не будет рядом...».

Так они переговаривались, обмениваясь взглядами, и замолкая ненадолго, обходя очередную лужу, боясь спугнуть купающихся голубей, снова и снова говорили и не могли наговориться, необыкновенно, полуфразами, полувопросами рассказывая о том, какой нелёгкой для них была разлука, потому что они оба болели друг без друга.

Они не замечали людей, незнакомых и знакомых. Они не видели ничего вокруг. Во всём мире сегодня были только их счастье и они. И все радости большого мира, казалось, были созданы лишь для них двоих и, казалось, что ничего в жизни нет, кроме их счастья и солнца да нескончаемо длинной тропинки через весну. А солнце плескалось и нежилось в лужах, и воробьи задиристо чирикали.

Ах, счастье, счастье, за что же ты такое?

ГОЛАЯ

1

Ангел с грустью смотрел на них, прикрываясь крылом, и всякий раз вздрагивал при резком повороте плечика хозяйки, носившей эту модную татуировку...

– Ты не умеешь жить, неудачник! – кричала она. – А я живу, как хочу! И ни перед кем не отчитываюсь! Понятно тебе?

Он растерянно молчал, не зная, что ему говорить и что делать.

- Я оставлю тебя голым! Запомни! Здесь всё моё! Всё! тыкала она пальчиком в обстановку квартиры. Ты останешься го-лым навсегда! Запомни! Го-лым! и её кукольная фигурка двигалась в такт угрозам. Потом безжалостно хлопнула дверь.
- ...Замелькали дни. Она, как и обещала, отобрала у него квартиру, машину, потом любовь, семью, работу. А потом и саму жизнь.
- ...Время стремительно летело. И голова её кружилась от нагрянувшей свободы.

Ей казалось, что теперь без него всё будет намного лучше. Ведь это он мешал ей жить успешно, так, как живут все крутые и удачливые. И теперь она тоже не упустит шанса. Она не скрывала радости, и веселье стало главным в её жизни.

2

Только ангел на плечике с каждым днём съёживался всё больше, стыдливо прикрываясь крылом...

...Шли годы. Она ненасытно приобретала материальное, но всякий раз болезненно чувствовала необратимую потерю чего-то очень важного. И всё чаще и мучительнее тянуло её в прошлое. Однажды она всё-таки решилась навестить небольшой холмик земли, по привычке деловито оглядывая кем-то недавно посаженные цветы:

— Пе-ре-бо-ор! — рассудила она и огляделась, убеждаясь, что поблизости никого нет. — К своим пересажу! — сама себе при-казала она и начала быстро выдёргивать неуспевшие укорениться кустики.— Покупать не придётся! — в спешке бросала их в целлофановый пакет. От работы на лице и шее выступили капельки пота.

...Лик с темного камня наблюдал за происходящим. Казалось, не с памятника, а с самого неба он взирал на пакет, наполненный рассадой. И там, в небе, быстро собирались тучи. Неожиданно потемнело. Над кладбищем ослепительно сверкнуло. Зловеще захохотал гром. Разразилась гроза. С трудом преодолевая хлынувшие с неба потоки, она пробиралась между могилами к дороге. Сверкали молнии, ветер гнул к могилкам старые седые берёзы, и простоволосые ветви их шумно мотались из стороны в сторону.

Она оглянулась на памятник, и раздался очередной оглушительный раскат грома, в котором почудился его смех, по спине поползли мурашки.

Стало жутко. Проваливаясь в грязь каблучками, задевая за ограды неуклюжим пакетом, из которого высыпалась земля, она ненавидела себя и весь мир...

Она дрожала. По лицу текли струи воды и слёзы... Одна туфелька завязла в размокшей глине, и она, споткнувшись, упала на узкой тропинке. Пакет разорвался, цветы в нём помялись и поломались. Она со злостью швырнула их прочь в густые заросли крапивы. Сильно промокшей, наконец-то, ей удалось выбраться к дороге, где ждала машина.

3

...Обессиленная, она вбежала в квартиру и рухнула на стул в прихожей.

Её разум не покидала его улыбка. Схватив с тумбочки бутылку со спасительной жидкостью, она стала жадно пить. Но его образ не отступал, а, выплывая из памяти, надвигался, как наваждение. Ещё несколько глотков, и вот оно — открылось: она поняла вдруг, что не смогла отнять у него всего. Особенно того, чего теперь никогда не сможет приобрести...

Она обхватила голову руками и, раскачиваясь, громко застонала: у неё было много, чего она желала, кроме одного. Не было счастья...

Она очень хотела забыть его навсегда или быть с ним, как раньше. Но он был недосягаем, и появлялся снова и снова, преследуя и не обещая покоя...

— Голая-а-а! Это я-а-а, я-а-а совсем голая-а-а! — разрыдалась она и, сотрясаясь от плача, повалилась на пол.

...Ангел заботливо распускал над ней большие крылья, а по лицу пробежала тень знакомой улыбки...

подвязал зайчика!

Эта история произошла давно, но каждый раз вспоминается с улыбкой, ведь в медицине более, чем в какой-либо профессии, случается множество курьёзных происшествий.

В тот год я закончила медицинское училище и пришла работать фельдшером на одну из московских подстанций. Моим наставником стал опытный фельдшер Дмитрий Георгиевич Котов. Разница в возрасте у нас была незначительной, и вне вызова я звала его, как и все, просто Дима, Димка...

Он был видный такой, статный, да и специалист грамотный, учился в мединституте, и по всем этим причинам я часто обращалась к нему с разными медицинскими вопросами. Димка не уклонялся от разговоров, напротив, я видела, что ему тоже нравилось учить симпатичного молодого специалиста. Он с видом знатока рассказывал мне случаи из своей уже немаленькой практики, и надо признаться, что много чего ценного для работы я узнала именно от него.

 \dots В тот день мы работали в одну смену, но на разных бригадах. Я — помощницей доктора, а Димка самостоятельно. В субботний день вызовов было немного, так что поговорить возможность имелась.

Поздним вечером мы с Димкой пересеклись в промежутке между вызовами, и я спросила у него:

- Дим, что был за вызов у тебя? Расскажи! Что интересного?
- Да, так, ничего, неохотно ответил Димка, зайчика подвязал, да и всё...
- Как это? Какого зайчика? удивлённо спросила я, заподозрив, что Димка шутит.
- Ну, ты, что, не понимаешь? важно улыбнулся он. Жмурику челюсть подвязал, а кончики бинта на голове торчат, как ушки. Вот тебе и зайчик! А ты что не знала ещё?

Нет, – откровенно призналась я, и разговор на этом закончился.

...Утром в диспетчерской зазвонил телефон, и по громкой связи срочно вызвали Димку Котова к телефону. Спустя несколько минут заразительный хохот раздался сначала у диспетчерской, а потом, нарастая, покатился по коридору и по всему зданию подстанции.

А причиной был вчерашний Димкин вызов, тот, где он «зайчика подвязал».

...Усопшая — почтенного возраста старушка проживала с мужем-старичком также почтенных лет. Вдруг муж вошёл в комнату и увидел, что супруга лежит недвижимо, не отвечает ему, потормошил — никакой реакции: «Батюшки, померла... Вот так-то». Он, как полагается, вызвал «скорую». Приехал Димка, осмотрел тело, посочувствовал дедуле и, «подвязав зайчика», несколько раз объяснил, куда и с какими документами надо идти утром. На том и распрощался. Глуховатый супруг усопшей на всё кивал головой в знак согласия, но так, видимо, ничего и не понял. А, в дверях, как бы оправдываясь, уточнил:

- Дети... Дети завтра приедут, они и разберутся. Вот так-то.
- Ну, и ладненько, махнул рукой Димка и удалился.

Но, когда наутро в диспетчерской зазвонил телефон, оказалось, что звонит этот самый супруг. «Не понял что-то дедуля», – пронеслось в голове у Димки. А из трубки, как гром среди ясного неба:

– Сынок, ты уж прости меня, не всё я вчера расслышал, глухой совсем. А детей пока нет. Скажи, сыночек, ей рот-то можно развязать? Она, вроде, есть просит....»

Димка на секунду замер, а потом оживился:

– Конечно, конечно! – прокричал он в трубку. – Теперь можно! Развязывайте!

И все, кто были рядом, дружно покатились со смеху.

ЛЕНКИНО СЧАСТЬЕ

1

Свадьба не оправдала ожиданий. И, как не убеждал будущий муж, что после штампа в паспорте жизнь пойдёт по-другому, счастливой жизни не получилось. Он продолжал пить ещё больше. Ленка уговаривала, плакала, просила, грозила — ничего не помогало. Водку он любил больше, чем её, Ленку. После года мучений семья всё же распалась. Ленка осталась одна и тяжело переживала расставание.

Одиночество угнетало, съедало её с каждым днём всё больше. Подруг у неё не было, родители жили далеко, поэтому и поплакаться-то ей, бедолаге, было некому. Одна подружка-подушка, она-то и принимала все девичьи слёзы и страдания.

Хорошо, что была работа, которую Ленка любила. Домоседка по характеру, она с детства увлекалась математикой и надолго забывалась, окунаясь в мир цифр и расчётов, таким образом, могла отвлекаться, и это обстоятельство хорошо выручало её. Но, приходя домой, Ленка опять вспоминала о несчастье и снова погружалась в переживания. Казалось, выхода не будет никогда, если бы однажды коллега по работе не пригласила весь отдел на празднование своего юбилея в кафе, и как-то так случилось, что вся компания сразу после работы загрузилась в «Газель», оказалась вместе со всеми и Ленка.

В кафе было шумно, играла музыка. Гости веселились, говорили тосты, читали стихи, пели под «караоке» и танцевали. Ленка, поздравив юбиляршу, посидев немного для приличия, хотела незаметно удалиться, как к ней подсел Андрей – специалист из компьютерного отдела. Ленка знала его, он слыл опытным работником. Ходили слухи, что он разведён, и многие женщины были бы непротив завести с ним знакомство поближе...Но достоверных фактов о его личной жизни никто не знал.

- Лен, что скучаешь? по-дружески спросил он.
- Так, неохотно отвечала Ленка, повернув к нему веснушчатое лицо, подняв близорукие глаза, и через модные очки удивлённо посмотрела на него. Удивлённо от того, что в свои двадцать семь она давно отвыкла от мужского внимания, а, может, и не привыкала к нему вообще.

...Ну, не смотрели на неё мужики, и всё тут. Вроде и не дурнушка, и умненькая, (институт всё-таки закончила на бюджетном отделении), зарабатывала хорошо, одевалась модно, к тому же дорогая косметика тоже делала своё дело, — но не смотрели мужики, хоть убей. Как заколдованные. Вроде, всё при ней, а чего-то всё-таки не хватало.

Вот и сейчас она выглядела совсем неплохо. Яркий сарафан непринуждённо струился по высокой худой фигуре, щедро открывая зону «декольте» и спину. Правда, этот её рост, как у модели, давно играл не в её пользу, заставляя сутулиться, чтоб казаться не такой уж долговязой дылдой. А, сутулясь, привязалась привычка сводить плечи вперёд, что скрывало напрочь и без того маленькую грудь.

— Пойдём танцевать! — подал ей руку Андрей, и Ленка не стала отказываться, легко поднялась из-за столика. А он в это время успел сфотографировать Ленку взглядом, точно увидел впервые: отметил кудрявые каштановые волосы, густо обрамляющие овал лица, увидел полуоткрытое тело, длинные ноги, обутые в узкие блестящие босоножки на высокой «шпильке», изгибы изящных рук, опустившихся на его плечи. «Вот так девка!» — ахнул он от мысли, заставившей его вздрогнуть. — А никто и не замечает, какая она красавица!

Ленка давно знала Андрея, но общалась с ним исключительно по работе. А после развода с любимым человеком, мужчины вообще перестали существовать в её жизни. Под музыку танца они разговаривали ни о чём, Андрей расспрашивал о предстоящем отчёте и больше старался слушать её, чем говорил сам.

А Ленка что-то лепетала, но больше чувствовала его руки на своём теле, которые казались слишком горячими, и прожигали насквозь тонкий шелк сарафана. Это чувство было для неё настолько далёким, что, можно сказать, никогда его и не было. Что-то происходило в ней, и, словно, впервые...

«Настоящая модель, — надо же! А сидит серой мышкой, и не замечает её никто, — продолжал думать Андрей. «Изящная какая, точно лань! Хорошо танцует! Волосы густющие! А улыбка нежная, как у ребёнка. А духи!» — едва переводил дух Андрей и прижимал Ленку всё крепче, точно боясь, что ктото кроме него вдруг заметит неожиданную красавицу, и она выскользнет, как Золушка, и исчезнет.

А Ленка была на седьмом небе от счастья. Не рассчитывая на многое и не строя планов, в доверчивой головке пульсировала одна мысль: «Оказывается, жизнь не кончается. Оказывается, и она, Ленка, может нравиться мужчинам. И, кажется, уже нравится...»

Вернувшись домой, Ленка долго ворочалась в своей кровати и не могла уснуть, всё думала. Андрей весь вечер был с ней. Красивый, внимательный... Вдруг, наконец-то, пришло и её, Ленкино, счастье?! Ну, вдруг?! И нарастающая радость всё громче стучалась в её открытое для любви сердце.

2

...Они начали встречаться: Ленка и Андрей. Не часто – ведь по вечерам у Андрея много работы. И не афишируя свои отношения на людях – зачем лишняя болтовня?

Но у него была машина, и они объездили все живописные окрестности города. Июнь стоял тёплый, насыщенный запахом зацветающих лип. Они как друзья просто гуляли по лесным тропинкам и озёрным берегам, и Ленке казалось, что они созданы друг для друга: они понимали друг друга с полуслова,

смеялись без причин, потому, что им было просто хорошо вместе. А самым главным достоинством Андрея было равнодушие к спиртному. Только за одно это Ленка готова была на многое закрывать глаза. К тому же он не был нахальным: конечно, они целовались, но определённой черты не переступали, и это совсем по-детски радовало взрослую Ленку. В один из дней, встретившись в коридоре, Андрей шепнул:

- А у тебя сегодня день рождения! быстро чмокнул в щёчку и исчез за дверью своего кабинета.
- Да, ответила она, но его уже не было. Вообще, Ленка удивлялась его способности быстро появляться и быстро незаметно исчезать. Никто, нигде, никогда его подолгу не видел. Вроде, и был, а, вроде, и нет...

«Вот шустрый какой», — умилялась она, не переставая улыбаться своей милой улыбкой. Ленка сняла очки и слеповатыми глазами поглядела вслед, не понимая, откуда он добыл эти сведения. Но щёки, сплошь покрытые веснушками, не на шутку запылали. Сердце забилось чаще в предчувствии нового счастья...

Ленка всегда уходила с работы одна, а Андрей внезапно появлялся на машине откуда-то из-за поворота или нагонял её в совершенно неожиданном месте и распахивал дверцу: «Садись, королева!» Так было и сегодня. Недалеко от Ленкиного дома Андрей догнал её и, едва она устроилась на сиденье, вручил букет роз и, не дав ей опомниться, озадачил:

- Куда едем, королева? Шампанское стынет! пошутил он.
- Ну, давай ко мне! Здесь рядом! немного смутилась Ленка и подумала: «Как красиво ухаживает! Неужели это всё со мной? Неужели это не сон?! А я ведь, как знала, пирог испекла!» напомнила она сама себе. Надо же!

...Ночи в июне светлые, почти белые, да большая луна остановилась прямо напротив Ленкиного окна. Вся комната заполнилась слабо мерцающим космическим светом. Через открытую форточку струился ветерок с запахом цветущей во дворе дома сирени. Едва качалась невесомо-прозрачная штора. Ленка сидела на кровати, прислонившись щекой к прохладной стене. Всё её существо горело. Конечно, то, что произошло сегодня, она представляла совсем не так, ведь ей представлялось, что они с Андреем подходят друг другу, как ключ к замку, чувствуют на подсознательном уровне каждую мысль, каждый взгляд и движение друг друга... Только что-то пошло не так. Но Ленка не обиделась. Она с нежностью разглядывала уснувшего сразу же Андрея и ощущала себя вполне счастливой. Она слегка прикасалась к его жёстким волосам кончиками пальцев, разглядывала его греческий профиль, и он всё больше казался ей «принцем на белом коне». Ей нравилось даже то, что он посапывал, как ребёнок, и в ней нарастало чувство благодарности и заботы.

«Хорошо, – думала Ленка, – что всё определилось. Теперь мы не будем таиться на работе, можем приходить и уходить вместе», – и радовалась своим мыслям. – Везучая я всё-таки!

...Андрей чуть зашевелился во сне и сразу же вскочил. В лунном свете ему бросилось в глаза Ленкино усыпанное рыжими веснушками лицо, взлохмаченные тяжёлые кудри над маленькими глазками, её широкая улыбка, зачем-то именно сейчас выдающая щербинку...

- Что, Андрей? она податливо качнулась навстречу, но он уклонился.
- Который час? Андрей, не слушая её, хватался за вещи. Почему ты меня не разбудила? он спешно одевался, торопясь и нервничая.

- Хочешь, кофе сварю, Андрюшенька? потянулась к нему Ленка, но Андрей решительно отстранился от её длинных субтильных рук. Что-то случилось? Ты что-то забыл? Может, я помогу? готовая на всё, пыталась уговорить его Ленка. Но он не отвечал. Ленка, сутулясь больше обычного, поспешила на кухню варить кофе. «Наверное, он волнуется так же, как и я....» искала она ему оправдание.
- Пойдём пить кофе, Андрей! позвала Ленка, вернувшись в комнату, но увидела, что он сидит, крепко обхватив голову руками и, раскачиваясь из стороны в сторону, твердит одно и то же:
- Что я теперь жене скажу? Что теперь будет? он смотрел в пол, не замечая Ленку. Ну, почему ты не разбудила меня? глаза его, всегда спокойные, сверкали нескрываемой раздражительностью.
- Андрей, какая жена? Ты ничего не говорил...— была готова разреветься от неожиданного откровения Ленка. Ты о чём, Андрюшенька? но он зашагал по комнате, не обращая внимания на неё, потом хлопнул себя со всей силы по коленям и направился к выходу. Ленка, видя, что остановить Андрея нельзя, растерянно стояла посреди комнаты в новой шелковой сорочке, перебирая кружева на шелковом белье, которое серебристо переливалось при свете луны...

Потом она услышала пронзительный стон двери и быстрые шаги убегающего человека.

ВЫЗОВ С ПОВОДОМ ИЛИ ХОДЯТ ТУТ ВСЯКИЕ

Людмила Леонидовна много лет трудилась врачом на скорой помощи и слыла работником не только высокого профессионализма, но и необыкновенной доброты и отзывчивости. Правды ради, надо сказать, что эти качества выходили иногда ей боком.

В этот день, как всегда, вызовов случилось много. Как нарочно, заболел фельдшер, и она на выезде была одна. Хорошо, что иногда водитель помогал донести тяжёлый медицинский ящик, который по мере того, как уставала Людмила Леонидовна, становился всё тяжелее и тяжелее. И вот очередной вызов с поводом: нападение на квартиру. К таким известиям страха у Людмилы Леонидовны не было, потому как сталкиваясь с подобной ситуацией почти ежедневно, то ли она привыкла к ней, то ли терпела её и принимала как неизбежность.

«Сколько же хулиганов развелось», — думала она, выходя из машины и спеша к подъезду, на ходу ещё раз вчитываясь в адрес. «Так, четвёртый этаж, квартира номер двадцать», — выдохнула Людмила Леонидовна, перекладывая отяжелевший ящик из одной руки в другую и одновременно соображая: «Что-то тут не так. Двадцатая квартира не на четвёртом, а на пятом этаже.! Ничего, это бывает. И не то в панике бывает. Не только номера квартир и этажей, но даже фамилии свои люди забывают».

Людмила Леонидовна поднялась выше. Пятый этаж, квартира двадцать. Звонит — молчок. Никто не открывает. Давит кнопку звонка и долго не отпускает — за дверью тишина. Стучит в дверь — никого.

– Сюда! Сюда... Скорей! – услышала она женский голос. С лестничной площадки четвёртого этажа кричала худенькая женщина, которую можно было назвать старушкой.

— Это — я, я вызывала! Приехали всё-таки! — почти взвизгнула она — Я-то из шестнадцатой, а она, горемычная моя, прямёхонько — надо мной! В двадцатой! Вот беда-то! Ни милости, ни жалости! — Встретив Людмилу Леонидовну, старушка тараторила взахлёб, стараясь, как можно больше успеть сказать, заходя то с левой, то с правой стороны, то забегая вперёд, то немного отставая, тем самым преграждая Людмиле Леонидовне путь к отступлению, фактически загоняя её в свою квартиру.

Ничего не понимая, Людмила Леонидовна стремительно вошла в комнату, но комната была пуста. Прошла на кухню – тоже никого. Тишина.

- Что случилось? спросила Людмила Леонидовна испуганную женщину. Та, широко открыв беззубый рот, глотая воздух, заплакала: «Мою-у, мою-у-у-у...», завывая на последнем звуке.
- Не плачьте же, говорите!

Женщина высморкалась в кулачок.

— Мою-у соседку, подругу мою-у-... убивают, — наконец, выпалила она, вытирая ладони о ситец халатика. — Одна она. Нет у неё никого, а желающих на квартиру знаете сколько? — заговорщески понизила старушка голос, прищурив бесцветные глазки, и снова — навзрыд.

Людмила Леонидовна всегда жалела старых и особенно одиноких. «Вот, и плачет-то, будто дитя хнычет. Без слёз. Наверное, все за жизнь выплакала...» — вздохнула про себя молодая женщина и, поняв, что убивают соседку из-за квартиры, спросила:

- А вас как зовут?
- Меня?.. А зачем вам? насторожилась старушка, быстро перестав плакать. «Вот попала,» подумала Людмила Леонидовна. Однако вслух сказала:
- Не хотите не говорите. И всё же, где ваша соседка?

- Надо мной живёт. Зинаидой Порфирьевной зовут подруженьку мою. Всё утро, бедолажная, кричала. Я сама слышала. Квартиру отымают у неё. Да... А чем я помогу ей я ведь тоже одна живу... Вашим звонила вызов не принимают. Ни милости, ни жалости . И опять заплакала, но тихонько и ненадолго. Перестав, деловито осведомилась:
- A вы-то поможете? Сделаете что-нибудь? Ведь клятву давали
- Поможем. Где ваша Зинаида Порфирьевна? начала раздражаться Людмила Леонидовна.
- Пойдёмте. Старушка оживилась и повела её в ванную. Осторожно, в коридоре света нет. В ванной есть. Не бойтесь.
 Зашли в ванную. Свет там действительно был.
- Зинаида Порфирьевна, это я! изо всех сил закричала старушка, запрокинув голову.
- Зи-на-и-да Пор-фирь-ев-на-а-а! старательно распевала она по слогам , но ответа сверху не было. Женщины, задрав вверх головы, напряжённо вслушивались . Вот только перед вами переговаривались, только перед вами, оправдываясь, снова затарахтела старушка, сверля острыми глазками Людмилу Леонидовну, словно оценивая, сгодится ли она на задуманное.
- Неужели что сделали с подруженькой? Горе, ох горе-е-е... Она ведь, болезная моя, заслуженная. Медалей много у неё. Да-а...— Старушка перевела дух, на секунду примолкла и резко шагнула к Людмиле Леонидовне: Может, вы покричите? Вдруг у вас громче получится?

«Беда с этими заслуженными,» – рассердилась Людмила Леонидовна: «Очень любят жалобы писать.»

Однако крикнула в потолок:

- Женщина! Вы слышите нас? Отзовитесь!

Сверху ответа не было. Хозяйка квартиры неожиданно оживилась:

 Надо ей по трубе постучать. Я так завсегда делаю. Мы так разговариваем.

В подтверждение своих слов, она достала из угла ванной швабру и, стряхнув со щётки пыль, передала несложный инструмент Людмиле Леонидовне.

– Вот!

Та поднялась на цыпочки и постучала по трубе. Тишина.

– Встаньте сюда! – закричала старушка, опуская крышку унитаза.

Людмила Леонидовна сняла туфли, задрала повыше халат, юбку и, облокотившись на швабру, полезла на указанное место. Для большей устойчивости она переместила одну ногу на край ванны и при этом тут же почувствовала, как с треском отлетела нижняя пуговица халата.

- Вот так. Хорошо выходит! Высоко! радовалась старушка.– Так она точно услышит.
- Женщина! кричала Людмила Леонидовна, стоя напротив вытяжного отверствия, заросшего словно бы мхом и покрытого от времени плесенью. Отзовитесь! С вами всё в порядке? Вы можете открыть дверь? Я скорая помощь! Ответьте!
- В дырку кричите, в дырку! командовала хозяйка квартиры. Ах, беда-то! Ведь надо открыть дырку-то! Слышнее будет! Сейчас найду отвёртку .Где же, где же она.... Стойте! Не слезайте!

Людмила Леонидовна еле держалась, и, чтобы не упасть, упёрлась локтем в сырую побелку.

— Не нашла отвёртку-то , — суетилась хозяйка, — не нашла. Вот беда-то — И неожиданно скомандовала: «А давайте вместе покричим! Так будет громче! Да вы стучите, не переставайте. Так она точно услышит!»

Стали кричать вместе. Получилось громко.

– Ну, что, Анна Акимовна – раздался сзади грубый мужской голос.

Обе женщины растерянно обернулись: перед ними стоял капитан милиции, а за его спиной люди в униформе с автоматами на груди.

Опять за старое? Скорую беспокоишь. В дом престарелых хочешь?

Твоя, как там её, Перфильевна, вроде, переехала лет десять назад, а квартира пустует. Ты ж ей вещи помогала носить. А?

- ...Людмила Леонидовна на дрожащих от напряжения ногах, обходя людей, медленно пробиралась к выходу, кое-как запахивая порванный халат и оттирая с рук побелку.
- Ну, зачем ты скорую вызывала? продолжал стыдить хозяйку шестнадцатой участковый.
- Вот эту, что ли? старушка недружелюбно в упор уставилась на Людмилу Леонидовну и, не моргая бесцветными глазками, искренне удивилась:
- Не знаю, не вызывала я никого. А эта… сама говорила, что в двадцатую ей надо. Ходют тут всякие…

посмотри, какие звёзды!

(фрагмент из повести «Редкое имя – Ева»)

Они шли по узкой тропочке вдоль опушки леса. Они шли по тем местам, которые Еве были знакомы с детства. Им было хорошо, и они молчали. И только мысли кусочками счастья беспорядочно, обрывками, крутились в Евиной голове.

Это были воспоминания детства, но не мысленные, а чувственные.

Именно сейчас, как никогда, она жила чувствами, сильной плотской памятью ощущала дорогие ей места, именно сейчас быстро вспоминала смолистый запах почек на молодых сосенках, вкус первой земляники, ощущение первой летней жары, горечь опавшей промокшей от дождей листвы и ещё много всего, в чём разобраться в этот миг было не просто. Но всё это переполняло Еву взрослым счастьем и детской беззаботностью.

Они крепко держались за горячие руки, которые, несмотря на мороз, выдавали то высокое напряжение чувств, которое бывает не часто. Они так настрадались, так понимали друг друга, что каждое неуловимое движение одного вызывало такое же ответное – другого.

Они молчали, хотя им было что сказать. И, видимо, поэтому, боясь не суметь выговориться, не решались нарушить молчание.

От чистоты снежного покрова воздух, наполняющий опушку леса, источал беспокойное белое сияние и казался дрожащим. Даже мир вокруг не казался спокойным. Деревья, вытянувшись в струну, поскрипывали от напряжения, встречая юную пару большого мира, ставшую заложницей предстоящего чуда...

– Посмотри, какие звёзды! – вырвалось у Евы, и она остановилась у крайней сосны.

Она прижалась щекой к шершавой коре и запрокинула голову вверх. Посыпались снежинки. Её губ коснулись его губы, настойчивые и желанные...

В лицо брызнули звёзды. Они были словно живыми. Они, откликаясь, заглянули Еве в глаза и вдруг, приближаясь всё ближе, неожиданно одна за другой становились крупнее и крупнее, взрывались вспышками, от которых страшно было ослепнуть и умереть; то, удаляясь, медленно описывали круги, всё скорее уносились вверх, уменьшались, превращаясь в маленькие плавающие искорки...

И всё это чудо вокруг, не переставая, огромно закружилось. Высокий лес устремлялся далеко ввысь. А там, на пограничье земного и небесного, прямые сосны, невзирая на аксиомы и теоремы, всё очевидней истончаясь, вытягиваясь, – пересекались, сливались в единый мир счастья и света. Их снеговые вершины в гуще звёзд округлялись в одну белую шапку, уходящую в космос, чтобы в следующий миг новым взрывом вернуться к земле и осветить в очередной раз бесконечным светом любви две юные жизни. А, осветив, вновь и вновь вспыхнуть, завихрить, закрутить в одну гигантскую спираль и блестящую снегом поляну, и стволы деревьев, и хрустящую тишину, и опять, унося далеко-далеко, влиться в усыпанное звёздами небо и там соединиться с ним в единую бесконечность...

А совсем рядом, над непокрытой головой Евы чешуйками сосновой коры играл ветерок, изредка их отрывая. Они, плавно падали вниз и, подхваченные дыханием сумерек, легко и спокойно скользили по зеркальному насту...

ЛАМПОЧКА

Моим друзьям – Ольге и Сергею Дюкановым

Сергей Владимирович много лет работал на заводе инженером-электриком, имел высшее специальное образование, чем очень гордился. Он заслуженно слыл специалистом высокой квалификации, имел ряд рационализаторских предложений, и ни один технический вопрос на заводе не решался без его участия. С ним считались, его слушали, ему доверяли.

Сергей Владимирович очень гордился таким своим положением. Дома Сергей Владимирович тоже постоянно что-нибудь совершенствовал, а, так называемые, женские дела принципиально игнорировал, считая их не достойными своего внимания.

Он был уверен, что все домашние дела существуют исключительно для женщин. А женщины, в свою очередь – для того, чтобы облегчать и без того нелёгкую жизнь мужчины, да ещё рационализатора.

Но вот один случай, связанный с выключателем и, как ни странно, с женщиной, Сергей Владимирович не может вспоминать без смеха.

Пережив первый шок, потом он любил рассказывать эту историю, от души громко смеялся и повторял, недоумевая: «Я! Инженер — электрик! И повёлся! Ах-ха-ха-ха!» — Рассказ прерывался приступами судорожного смеха: «И как повёлся! Это же надо! На поводу у женщины пошёл! А-а-ах-ха-а! Надо же! Ха-ха-ха!» — сокрушался он и опять закатывался от смеха, повторяя: «У женщины-и-и! Я — у женщины! А-а-ах!Ха-а-ха-ха!»

А дело было вот как.

– Сергей, может, сходишь к Танюшке? Ты уж, наверняка починишь ей выключатель или новый поставишь: она купила красивый, под цвет обоев.

- А что с выключателем? важно поинтересовался муж.
- Да кто ж его знает? Заедает чего-то, то включается, то нет. Живёт с настольной лампой. Брат к ней приходил, не разобрался. Ещё кого-то она просила, не сделали. Так и мается, приговаривала просительно Тамара мужа, ловко и быстро выкладывая на стол перед ним приборы. На плите дымился ужин.
- Сегодня что ли? Ладно, схожу, снисходительно согласился Сергей Владимирович.

Ведь это ещё одна возможность показать своё мастерство.

После ужина, пропущенной «с устатку» рюмашки, он подхватил дежурный чемоданчик, на всякий случай положил в него запасной выключатель и отправился к подруге жены.

Танюшка ждала его и очень надеялась, что сегодня-то у неё в комнате точно появится свет. Сергей – хороший специалист в электрике, уж он-то обязательно починит!

- Привет, Сергей! приветствовала она электрика, проходи сразу в комнату, а я сейчас на кухне полы домываю.
- Эх, ты, посочувствовал Сергей женщине, направляясь в комнату. Он устроил чемоданчик на приготовленном табурете, раскрыл его, а Танюшка, вся возбуждённая от работы уже бежала из кухни.
- Слава Богу, что всё в порядке, я боялась, что труба протекла! А то менять трубы сейчас денег нет. Маринке и Наташке к Новому году в школу отдала сколько!
- Ну, ладно, бедолага, рассказывай, что у тебя тут? уставился на женщину Сергей.

Маленького роста, шустрая такая, с коротенькой стрижкой, да ещё в домашних шортах и футболке, она вовсе не походила на мать двоих девочек-подростков, а лишь на взъерошенного мальчишку. И только небольшие выпуклости на груди, да зелёные глаза с поволокой выдавали в ней женщину. «Хорошая девка, работящая, что же ей так не повезло?» – думал между прочим Сергей, слушая рассказ о выключателе.

- Вот смотри, деловито тыкала она тонким пальчиком в выключатель. Видишь, то работает, то нет. Танюшка для достоверности пощёлкала туда-сюда широкой клавишей выключателя. Видишь? Сейчас вот совсем не работает. Как-то он туго ходит. Я уже новый купила, может, поменять и дело с концом? Да?
- H-да, оторвался Сергей от мыслей. Поменять, конечно, можно, но сначала мы этот посмотрим. Где у тебя электричество отключается?
- А это я сейчас, я быстро...– выбежала Танюшка из комнаты в коридор.
- Всё! отозвалась Танюшка, заглядывая к Сергею в комнату. Всё! Отключила! Ты пока занимайся, а я сейчас! и снова скрылась на кухне.
- H-да, дела! подумал Сергей, почесав затылок, и принялся разбирать предполагаемую неисправность.

Когда Танюшка вернулась в комнату, в стене, на том месте, где недавно был выключатель, зияла дырка, а части, из которых недавно состоял выключатель, были аккуратно разложены на газете.

Сергей, надев очки, сидел рядом и сосредоточенно перебирал каждую часть. Он снова и снова вставал, проверял напряжение, недоумевая, пожимал плечами, поправлял очки и, наконец, собрал выключатель. А Танюшка, не дав ему опомниться, с женской ловкостью руководила ходом его рационализаторских мыслей:

- Сергей, знаешь, я думаю, возможно, в люстре контакты отошли. У меня так было года два назад. Тогда тоже не горел свет, предположила Танюшка и выпорхнула из комнаты.
- Н-да, посмотрел ей вслед поверх очков Сергей. И опять подумал: «Не повезло девке! Надо помочь ей. Кто поможет-то?» И, как приворожённый, поднял глаза туда, куда указывала Танюшка на люстру.

Она, видимо, доделав на кухне ещё что-то, вбежала в комнату и, уставшая, опустилась на краешек дивана.

– В люстре, говоришь, контакты отходят? Ну, давай люстру смотреть... А с выключателем, вроде, всё в порядке, – пожал он плечами.

Танюшка задрала голову вверх, Сергей — тоже. «Такая маленькая, как со всем справляется?» — не переставал думать Сергей Владимирович. Он растерянно переводил взгляд с люстры на разрумяненную Танюшку: маленький подбородок, маленький носик, губки, упрямые, волевые, как у ребёнка непослушного... — И Сергей невольно сравнивал её со своей пышкой Тамарой, и разные мысли не давали покоя: «Птенец какой-то, а не женщина. Бывает же так!» И вдруг ему очень захотелось пожалеть эту маленькую женщину, сделать для неё что-нибудь хорошее... Но вслух произнёс:

- На диван надо что-нибудь поставить, а то потолки у тебя высокие, не достану, и поучительно добавил:
- Это тебе не лампочку вворачивать, тут разбираться надо! Неси что-нибудь ещё для верности, – приказал Сергей.
- Пойдёт детский столик? Он на балконе!
- Пойдёт! и Танюшка уже тащила с балкона столик. Поставили на диван. Сергей попытался встать на него ногами, взобравшись сначала на диван. Диван промялся, столик качнулся.
- Нет, не пойдёт так.
- В коридоре есть щит деревянный за дверью! Сейчас! и Танюшка уже затаскивала из коридора щит чуть ли не с себя ростом. Положили его на диван, сверху взгромоздили столик, потом аккуратно на всё это сооружение взобрался Сергей. Танюшка изо всех сил вцепившись маленькими, но сильными ручками в щит, придерживала и его и табурет, чтоб Сергей не упал. Не хватало ещё мужа подруги покалечить!
- На, Тань, держи-ка, подал он Танюшке люстру, балансируя между диваном и потолком.

- Ой, вскрикнула Танюшка. Пылища-то! Вымою быстренько, заодно уж, пока сняли...
- Давай! А я пока помудрую, мозгой пошевелю...— Сергей нашёл точку опоры, и сам взобрался снова на импровизированное возвышение, удерживая равновесие, и начал перебирать проводки, уныло торчащие в разные стороны из отверстия в потолке.

А Танюшка с удовольствием перемывала цветки, из множества которых состояла красота люстры. И вдруг она чуть не выронила люстру из рук. Пронзительный крик донёсся из комнаты:

- Та-а-нь! Таня-а-а! - недомыв несколько лепестков, Танюш-ка испуганно бежала в комнату, с бряцающими на люстре цветками. «Упал! Убился!»

С этой мыслью она влетела в комнату. Сергей стоял на возвышении, цел и невредим, покрасневший от напряжения, выпучив глаза и твердил, как заика:

- Л-л-лампочка! Ла-а-ампочка!
- Что? не понимала она.
- Лампочка-а-а-а! почти ревел сверху Сергей.
- Да что лампочка-то? совсем растерялась Танюшка. Перегорела что-ли?
- Ла-а-мпочка!!! Γ -где-е-е? возбуждённо тыкал пальцем инженер-электрик в направлении патрона, одиноко болтающегося среди проводков. Врубай пробки!

Он быстро соскочил вниз, достал из чемоданчика лампочку, запрыгнул обратно на сооружение, ввернул её, и загорелся свет.

ОН ВЕРИЛ, ЧТО БУДЕТ ЖИТЬ

(фрагмент из книги «Протоиерей Александр Сайгушев. Жизнь»)

Отец передал мне часть своей плоти, часть своей души. Когда это произошло, я не знаю. Не помню. Полагаю, что давно. Но само осознание передачи влилось в меня мучительной телесной и такой же мучительной душевной болью буквально за считанные дни, часы, минуты. Я чётко услышала, что его боль — это моя боль. Навсегда. До последнего вздоха.

Он лежал в кардиологическом блоке реанимационного отделения нашей Первой городской больницы со случившимся третьим инфарктом и гангреной левой стопы. Зная, что я — фельдшер, завотделением разрешил мне постоянно находиться рядом с отцом.

Состояние его было настолько тяжелым, что он почти всё время молчал. Не было сил. Теперь он чаще лежал и смотрел мимо всех, куда-то вдаль, в свой, одному ему ведомый мир. Я по незнанию предполагала, что он разгадывал мир страданий.

На очередной перевязке врач, осмотрев ногу, сделал необходимые манипуляции, наложил новую повязку и ушел, оставив нас вдвоём. Когда мы остались одни, отец перевел на меня слепые глаза и, чуть волнуясь, но ровным голосом произнес:

– Ольга, ну, что там?

Я промолчала, не зная, что ответить.

Мне показалось, что он вздрогнул от реального чувства обреченности и не менее реальной, но достойной надежды на чудо: на спасение. И эти чувства, вспыхнув сейчас, жили в нём одновременно. Он хотел жить! Он верил в спасение!

Ая?

В эту секунду я вздрогнула тоже, вздрогнула, ещё сильнее, чем он. Дрожь объяла меня с ног до головы, пронзила, больше, чем его: от жалости, от приближения исхода, неминуемой беды...

Я только потом поняла, что в нём было больше веры! А я... духовно слишком слаба, и вера моя в Господа не настолько сильна и крепка, как у моего отца.

Мы какое-то время смотрели друг другу в глаза. От его спокойствия, от покорного и терпеливого молчания человека, чья жизнь висит на волоске, чья жизнь вот-вот уже кончается, мне стало страшно.

Он словно проверял меня, ждал, что я скажу, чем утешу, хотя ответ сам знал лучше меня. А я всё молчала, взглядом умоляла, чтобы он избавил меня от необходимости отвечать... Но молчание не могло длиться вечно. А что мне было ответить, когда гангрена с каждым днём неумолимо продвигалась на четверть выше вчерашнего уровня. «Господи, помоги мне быть сильной», — не слышно выдохнула я и произнесла, будто бы вынесла приговор:

– Плохо, папа.

В ответ-молчание и тишина такая, что казалось, она раздавит стены в маленькой больничной палате.

Я, не зная сама, но испытывала одновременно и его боль, и чувство жалости к моему самому близкому человеку, и чувство острой вины перед его неизлечимой болезнью, которая ниспослана ему как испытание веры в Отца, Сына и Святого Духа.

Мне не хотелось произносить стандартных фраз и утешений. Не их он ждал, а ждал он уверенности и поддержки от своей дочери в трудную минуту. Мы поняли друг друга. И не было в ответ ни стона, ни вздоха.

Я выдержала его взгляд, словно бы бесконечный экзамен. Он опять перевел глаза выше меня, но не в потолок — он опять ушёл в свой мир, уединился в нем.

Что там, в его необъятном мире? Не знаю. Наверное, всё в нём есть, кроме обиды, жалости к себе, малодушия. Его мир спасает его... Гангрена с упорством и настойчивостью делала свое черное дело. За несколько дней от стопы она добралась до колена. Барахлило сердце. От непомерного количества вводимых лекарственных препаратов открылось язвенное кровотечение. Артериальное давление то падало, то подскакивало до кризовых цифр.

Сахар в крови колебался от гипогликемии по утрам до прекоматозных состояний в ночное время. Прогрессировала слепота. Поднималась температура. Нарастала интоксикация. Чтобы стабилизировать состояние, врачи вводили лекарства почти всех групп, кроме...обезболивающих. На каждом обходе первый вопрос был о боли: «Не болит», — отвечал отец. Я видела удивленные глаза врачей — не может не быть в таком состоянии боли! Однако, — может.

Отец, совсем ослабший, готовился к операции. Ещё несколько дней назад, когда приходили посетители, он приближался к окошку, всматриваясь в силуэты, теперь же, лежа в постели, мог только повыше приподнять руку и, держа её над собой, осенить крестом: «С Богом!»

И снова продолжал терпеливо жить в тихом, не надоевшем ему мире. О чем думалось отцу? Об исходе предстоящей операции по ампутации ноги? О её необходимости? О последствиях? Или, может быть, о прожитых годах, о лучших днях своей горячо любимой жизни, за которую все-таки надо бороться. Он так её любил! Он так хотел жить!

Ая?

В этой же крохотной палате я вновь испытала состояние болезненного стыда, не выдержав ещё одного сверхсложное испытания... Да и можно ли было его выдержать?

Надо сказать, что стояла удивительно радостная погода последних дней февраля. Всё наше с отцом маленькое замкнутое пространство было залито ярким солнечным светом и теплом.

И так хотелось отвлечься от горьких дум, забыть о боли, о том, что самое страшное ещё впереди. Небольшое окошко выходило в больничный сад в сторону леса. Слежались меж деревьев старые насупленные сугробы, серые и неуклюжие. Вдоль больничного здания поблескивала на солнышке начинающая оттаивать тропинка, усердно протоптанная частыми посетителями.

Валялись рядом разномастные ящики, брёвнышки и другие приспособления для более удобного доступа к высоким больничным окнам первого этажа. Хотя и не надо бы заглядывать и подсматривать в эти окна, но люди есть люди, и ничего с этим не поделаешь. Все хотят видеть — ведь каждый визит сюда может быть последним...

На деревьях каким-то чудом ещё удерживались снежные растрёпанные шапки, но уже во всем чувствовалось приближение весны, слышалось её смелое дыхание. Какое небо! Кажется, не зимнее: низкое, давящее и серое – а весеннее: синее и глубокое! Засмотришься и утонешь в этом море красоты и забвения!

И как будто нет обшарпанных стен палаты, этой страшной силы упрямой болезни, маминых слез, собственных безутешных ночных рыданий и недоступно-великого мира моего больного отца. Нет ничего, кроме ласковой приближающейся весны!

Я думала, глядя на улицу о том, что знала сама, а ещё о том, что говорили врачи и предрекали медсестры — всё БЕЗНА-ДЁЖНО.

Нежданно за больничным садом, через дорогу, высоко на сосне быстро мелькнул пушистый беличий хвост. Белки часто здесь бывают, эти маленькие красивые зверьки. Наверное, подумалось: это хороший знак!

Жить! Господи, помоги моему отцу! Соверши чудо! Он так старается жить!

Спеша и путаясь, я читаю молитвы, сочиняю сама, снова и снова прошу милости Всевышнего о продлении дней и избавлении от мучений. Невольные слёзы. И уже за их влажной пеленой не вижу беличьего хвоста и бездонного неба...

Как уставший от долгой игры ребенок, отец тихо посапывает. Спит. Во сне он отдыхает, во сне он ЖИВЁТ. Что он видит? Может ту же белку, что и я? Я стою над ним и вижу его белое худое, но красивое своим величием и спокойствием лицо. Сейчас он далеко в себе...

Но надо прервать сон – пора вводить лекарства. Я тихонько, чтоб не испугать, глажу его спутанные волосы, вытираю влажный лоб и говорю, улыбаясь и растягивая слова:

– Па-а-па, просып-а-айся!

Как же сладко он спал! Как не нужно было ему это пробуждение! Он медленно, пока ещё ничего не понимая, открыл глаза, некоторое время не шевелясь, смотрел куда-то вдаль, опять чуть выше меня, теперь уже почти совсем ослепшими глазами и разочарованно протянул тяжелым вздохом: «А-а-а-х...! Это я в больнице?.. А я и забыл... Приснилось, что я вышел во двор скотину кормить...»

Сказав это, он опять ушел в свой мир, а на лице – нет, не слёзы обманутого ребенка! – на лице горечь разочарования только что вполне счастливого человека.

Я вернула его в реальность. Он молчал. Мне хотелось его утешить, но было нечем — а глупости он терпеть не мог. Я вышла и разрыдалась...

Вернувшись, присела рядом, взяла его похудевшую с резко очерченными венами руку. В глазах моих стояли слёзы. В груди застыла боль и не хотела отпускать. Я опять поняла, что всё, что будет с отцом сегодня, завтра, потом — будет и со мной.

Я уже никогда не смогу оставить его переживания без моего присутствия. У нас болит одинаково – я нужна ему. Ему нужна жизнь!

...А несколькими неделями позже в один из самых болезненных дней моего отца, искренне желая его поддержать и утешить, меня поджидал очередной экзамен

За один этот месяц папа перенес третий инфаркт миокарда, операцию по ампутации ноги и ослеп окончательно. Но милостивый Господь, видя сильную жажду жизни, сохранил ему жизнь!

Казалось, всё страшное – позади, но зловеще подкрадывалась гангрена к здоровой ноге, развивалась почечная и сердечная недостаточность, одышка не давала покоя, спать приходилось сидя. Не хватало воздуха. Дышать было нечем.

В тот год, вдобавок, стояло душное и знойное лето, по всей округе горели торфяники.

А отец мой жил, не уставая благодарить Небеса за каждый прожитый день. Он сохранил верность Церкви, свято верил в Бога, любил в жизни всё, любил саму жизнь, ценил каждый миг и не уставал с удивлением и скорбью повторять: «За что Бог так любит меня?»

Живя в городе, отчий дом в посёлке я навещала почти каждый день. Придя однажды, я увидела, что ему особенно плохо: он сидит, обложенный подушками, тяжело дышит, болят сердце и ноги... И опять этот взгляд слепого человека, устремлённый вдаль... И показался отец мне несчастным.

Ая?

Я присела рядом. Он не видел, но знал, что я рядом. Он всё знал. А я хотела пожалеть его, подыграть ему в его несчастье. И начала, поглаживая его обессиленную руку:

 $-\Pi$ ап, а ведь, правду говорят, что люди приходят на этот свет для мучений?

Хотелось продолжить, что у всех свои горести, беды... Не сразу я поняла, что сильно обидела его: он жил, сопротивлялся унынию, а я жалостью, как пригвоздила, — вынесла приговор. Он же боялся минутной слабостью прогневить Господа.

Отец сразу весь оживился, вышел из своего мира, быстрым взглядом обвел комнату, как бы восклицая: «Вот же я, жив-здоров, сыт и ухожен! Я живу!» Потом задумался, и ответил, как на исповеди:

— Почему для мучений? Нет! — потом добавил: — Бог любит меня! — И задумчиво произнёс, оставаясь сидеть неподвижным: — За что Бог любит меня?

Сколько скорбных складок явилось на его лице! Сколько чистоты, силы и уверенности хранилось в его голосе! Он верил, что будет жить всегда. Он не может умереть...

Ая?

Я готова была разреветься. Я смотрела на него через пелену слёз: огорчила я его, моего самого дорогого, самого болящего, самого мудрого, терпеливого и любящего нас человека.

Да простит он меня и заступится перед Господом!

ОЗИК

-1

Ваня нетерпеливо оставил бабушку далеко позади и бежал во всю прыть по скользкой от морозца тропинке через двор, неловко размахивая руками, скользя, и стараясь не упасть. Одновременно он успевал крутить головой по сторонам и громко звать:

– Озик! Озик! – Ваня бежал в сторону детской площадки, где ещё полгода назад любил гулять со своим пёсиком.

Бабушка издалека наблюдала за внуком. Сначала с надеждой, а потом всё более растерянно оглядывая детскую площадку, Ваня приседал, заглядывал под густо растущие, хотя и безлистые кустарники и выкрикивал умоляюще:

– Озик! Озик! Ну, Озик!

А Озик не отзывался. Тогда мальчик остановился посреди двора, видимо, размышлял, что ему делать дальше.

Вдруг его осенило, и он бросился обратно к бабушке, быстро твердя на ходу:

- Бабуль, я знаю, знаю, где найти Озика. Он любил убегать в соседний двор, он там, я знаю! Подожди меня здесь, бабуль, я быстро сбегаю...
- Ваня, давай не пойдём туда. Я уверена, что Озика там нет, его взяли хорошие люди...
- Нет, бабушка, он ждёт меня. Вдруг ждёт? А я не приду. Я быстро. Ты постой здесь!

И, не дожидаясь ответа, он со всех ног бросился вниз по тропинке, которая вела в соседний двор.

...Не знал Ваня, что его маленький четвероногий друг очень переживал измену людей, как он долгое время жил на ступеньках у подъезда, преданно ожидая хозяев и сторожа своё жильё, как он отказывался от еды, которую выносили заботливые соседи, скулил по ночам, царапал входную дверь, лаял от отчаяния. Но всё было напрасно. А потом лето закончилось, и с наступлением холодов Озик пропал...

)

Бабушка медленно пошла вслед за внуком, боясь поскользнуться на обледенелой дорожке. Но, пройдя несколько шагов, остановилась, чтобы перевести дух....

Полгода назад расстались Ванины родители. Каждый из них перебрался на новое место жительства, оставив съёмную квартиру, в которой Ваня провёл всё своё шестилетнее детство.

А Озик – собачка, которую они завели незадолго до развода, за ненужностью была отпущена на волю.

Вспомнился бабушке и тот день, когда прошлой зимой Ваня нарисовал к Новому Году рисунок: большую ёлку с бусами и

хлопушками, деда Мороза со Снегурочкой, маму с папой, кота Зефира с собачкой Озиком. Бабушка помогла приклеить к рисунку красную ленточку петелькой, чтобы можно было повесить на стенку. Так задумал Ваня. Когда картина была готова, Ваня внезапно расплакался:

- Бабушка, а где же я-то? Меня-то нет! Я же себя забыл нарисовать...
- Ну, вот, нашёл о чём плакать, больно уж близко слёзы-то у тебя...Сейчас всё исправим. Всё можно всегда исправить. Так ведь? Ну? уговаривала внука бабушка. А вытирай-ка слёзы и вот сюда, где мама и папа подрисуй себя, как будто они тебя за руки держат, а ты посерёдке, как раз места хватит. Рисуй, а я помогу.

Ваня вытер слёзы, немного успокоился, осмотрел ещё раз своё творение и неожиданно спросил:

- Бабуль, а можно я себя лучше рядом с Озиком нарисую? но встретив удивлённый взгляд бабушки, опустил глаза, объяснил тихо, как бы оправдываясь: Там места больше...
- Ну, с Озиком, так с Озиком, ласково погладила она белокурую головку внука. Почему нельзя? Конечно, можно. Рисуй, а я пойду таблетку приму...
- Бабуль, а он всегда играет со мной, не умолкал развеселившийся Ваня, для верности и яркости рисунка живо облизывая карандаш, И никогда не кусает и не царапает. А знаешь, когда я прихожу, как он радуется, бабуль? Он прыгает на меня и лижет в щёки, он меня так целует! Правда! и Ваня весело и беспечно рассмеялся и добавил:— Бабуль, а я ещё рамочку нарисовал, посмотри, как красиво! доделывал он работу, высунув от старания разноцветный кончик языка.

- Не нашёл, бабуль, прервал бабушкины мысли Ваня. Он стоял рядом, маленький, ссутулившийся, готовый разреветься и отводил в сторону слезящиеся на ветру глаза. Нет его нигде.
- Пойдём домой, милок! Чаю напьёмся с пирожками, что утром напекли. А Озик, я уверена, греется сейчас в тепле и косточку грызёт вкусную. Я же говорила, что его сразу кто-то взял.
- Но, бабуль, как ты не поймёшь, он же с о-шей-ни-ком! Кто возьмёт?
- Тем более, не унималась бабушка, увидели люди добрые, что пёс домашний, умный, и забрали к себе.
- А ты откуда всё знаешь? прищуриваясь, стал допрашивать Ваня.
- Сон видела, уверенно сочиняла бабушка.
- А что, сны, правда, сбываются? с надеждой продолжал внук, крепко держа бабушку за руку. Они не спеша брели по украшенной разноцветными огоньками улице.
- А как же? Если хорошие обязательно сбываются.
- Бабуль, а если я сегодня перед сном буду долго-долго думать про Озика, про то, какой он хороший, он мне приснится?
- Наверное, да.
- А если мне приснится, что я нашёл Озика, я, что, и взаправду могу найти его? забегая вперёд, чтобы заглянуть бабушке в глаза, и очень веря ей, продолжал расспрашивать мальчик.
- Может, и найдёшь. Сны бывают вещие...

Ваня задумался, улыбаясь, потом спросил:

- А мы скоро домой придём, бабуль? Замёрз я уже.
- Да, вот уже и пришли, не узнаёшь разве?

Узнаю-ю-у! — весело закричал Ваня, выдернул руку из бабушкиной и вприпрыжку помчался в сторону качелей.

ПИСАТЕЛИ, ЯСНОВИДЯЩИЕ И ШАРЛАТАНЫ

«...Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья, Да брат мой от меня не примет осужденья, И дух смирения, терпения, любви И целомудрия мне сердце оживи».

А. С. Пушкин 1836 г.

1

Шла третья неделя Великого поста – Крестопоклонная.

Это время – воздержания от всякого рода излишеств и очищения души искренним покаянием.

...Священник, обратившись лицом к Алтарю, читал самую главную великопостную молитву Ефрема Сирина, состоящую из трёх проникновенных прошений, после каждого опускаясь на колени и творя земные поклоны:

«Господи и Владыка жизни моей! Дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не дай мне», – просил он Господа, и все молящиеся вслед за ним опустились на колени и замерли. Слышалось только едва уловимое мерцание лампад и свечей. «Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй мне», – продолжал он, снова опускаясь на колени, и трепетную тишину тревожили лишь глубокие вздохи. «Господи, даруй мне видеть мои прегрешения и не осуждать брата моего...». Молитва завершалась двенадцатью земными поклонами. Не оставалось сомнений, что в эти минуты рыдала о грехах всякая душа, и каждое слово этого стиха божественным светом проникало в самую суть её, и чистило, чистило от всякого загрязнения, оставляя лишь кроткое сияние.

...Анфиса Павловна поднялась с колен, выпрямляя затёкшую спину, мельком взглянула на часы и, не дожидаясь окончания службы, поспешила к выходу.

Выйдя из храма на улицу, быстро перекрестилась, и дорожка повела её в знакомую школу на встречу с учениками. В лицо дул сырой ветер, под ногами чавкал талый снег, а настроение играло: день обещал быть насыщенным...

...В классе царило оживление: ученики громко разговаривали, смеялись, и всё напоминало о том, что они устали и хотят по домам. Учительница успокаивала ребят.

– Всё-всё! Тише, ребята! Сегодня, накануне Всемирного дня писателя, у нас в гостях православная писательница Копейникова Анфиса Павловна. Она – наша землячка, прошу любить и жаловать!

Дети притихли, захлопали. Анфиса Павловна вышла к доске и начала выступление. Одета она была, как всегда, более, чем скромно: серый невзрачный костюм да тёплая шаль на плечах. Никаких изящных украшений, которые обычно любят творческие люди, не было.

На круглом лице блестели круглые очёчки на тонких дужках, за ними прятались такие же маленькие кругленькие глазки, а в их глубине — точечные зрачки.

Анфиса Павловна говорила много и поучительно об истинной вере, о соблюдении религиозных постов и о том, как не поддаться влиянию шарлатанов, которых развелось великое множество. Ведь они только и думают, как заманить душу человеческую в дьявольские сети и погубить её ...

Ученики позёвывали, с нетерпением ожидая звонка.

– Дети, читайте молитвы Христу и Богородице. Вот посмотрите, в этой книжке...— она подняла высоко над собой небольшую книжицу, — молитвы к Богородице! Вы их должны знать — мы ведь с вами православные! Правда? — задорно тряхнув редкими кудряшками на голове, обвела она взглядом детей.

...Прозвенел долгожданный звонок. Учительница поблагодарила Анфису Павловну за беседу. Ребята оживлённо расходились.

Только один мальчик подошёл поближе, рассматривая разложенные на столе книжки:

- A вопрос можно? обратился он, перелистывая страницы тонкой бумаги.
- Да, конечно, Анфиса Павловна прищурилась.
- Скажите, пожалуйста, а вы настоящая писательница?
- -Да! она наморщила маленький носик, который сразу углубился в рыхлые щёки.
- Но ведь не вы сочинили эти молитвы?
- Нет, деточка, конечно, не я. Я их оформила в книгу...
- А кто сочинил? допытывался мальчик.
- Разные люди, монахи, священники...
- А сами вы что сочинили?
- Игорь, одёрнула его учительница, подталкивая к выходу,
 иди-иди домой! но мальчик оказался дотошным и хотел выяснить непонятное.
- Деточка, меня батюшка благословил, натянуто улыбнулась Анфиса Павловна и покрылась нервным румянцем.
 Вот я и собираю молитвы в разные книжечки. Вот так-то, деточка.
- До свидания, Анфиса Павловна! Спасибо вам большое, спасибо, – суетилась учительница. – Приходите к нам ещё.
 Осенью будет юбилей нашей школы, и мы вас обязательно пригласим!
- Спасибо, конечно, конечно, кивала головой писательница.
- Мы разошлём приглашения, большой праздник будет! Всё-таки семьдесят лет школе! О нас даже книгу напишут! выпалила учительница, но осеклась, заметив недобрую перемену в лице Анфисы Павловны.
- Кто напишет? медленно переспросила гостья.
- Да Лена Журавлёва. Вы ж её знаете, она с вашим Гошей училась. Помните? Хорошенькая такая, медалистка наша, гордость школы!

— Да помню, помню, как не помнить...— писательница раздражённо сунула под мышку книги, не поместившиеся в сумку, и, не простившись, зашаркала в сторону двери растоптанными ботинками.

2

Анфиса Павловна ввалилась домой, не разуваясь и не снимая одежды, брякнулась в кресло.

Что за день сегодня? И сама себе ответила: полнолуние! Всегда что-нибудь не так пойдёт. Опять Леночка Журавлёва... Да если бы эта красотка, эта выскочка не отвергла моего Гошку, не пошла бы у нас вся жизнь наперекосяк...

А теперь вот у неё всё хорошо, а Гошка чуть не спился, – благо, что добрые люди вовремя встретились. Да и то подумать: трижды женился, и всё неудачно, бабы только и ждали от него денег да квартиру.

Как бы не так — пусть дураков ищут! Жаль, конечно, что и внуки есть, да проходят по улице — не здороваются. Эх, во всём эта Леночка виновата! А Гошка так страдал по ней, так страдал... Несправедливо всё в жизни. Ох, как несправедливо.

Да этот мальчишка сегодня завел: писатель-не писатель. Тоже, небось, отличник, выскочка...

...Сама Фиска, так её всегда звали, особой ласки не видела ни в детстве, ни потом. В школе училась посредственно, и по жизни всегда складывалось так, что хвалили и любили тех, кто рядом с ней.

Но не её. Карма, говорят, такая. Вот и сыну, видно, досталось за других, нерадивых, карму отрабатывать. А в душе-то ей всегда очень хотелось справедливости, и рука вдруг непроизвольно потянулась к телефонной трубке.

- Здравствуйте, Михаил Анатольевич!
- А, добрый день, Анфиса Павловна!

- Михаил Анатольевич, как же так? В нашей школе юбилей намечается, а я и не знаю? набросилась она на директора школы.
- Да ещё полгода впереди! А что такое? удивился он.
- Знаете, Михаил Анатольевич, я вас считала умным и образованным человеком, я вас очень уважала, а вы?! Как вы могли доверить писать книгу о школе этой девчонке?! Что она сможет написать?!
- Архивные документы и фотографии мы ей передали, почему не сможет? удивился директор.

Но Анфиса Павловна грубо перебила его:

Я вас перестала уважать, так и знайте! Теперь вы для меня
 никто! – гневно выкрикнула она и бросила трубку.

Но через 10 мин в кабинете директора раздался звонок от неё же.

– Михаил Анатольевич, – продолжил неприятный голос. – Хочу извиниться, я покипятилась. Знаете ли, давление у меня, магнитные бури, видимо... Но всё-таки вы мне объясните, почему Журавлёвой, этой девчонке?! Нет, женщине..., нет, непутной женщине?! Почему – ей?! – она подбирала более обидное определение, голос дрожал.

Директор пробовал остановить её, но тщетно. Анфиса Павловна не терпела, когда её ограничивают, и спешила договорить:

- Почему именно ей вы доверили написание важного произведения? Объясните мне! По-че-му?! злобно допытывалась она.
- Значит, так, директор старался говорить спокойно. Во-первых, Елена Александровна успешный журналист. Во-вторых, она проявила инициативу, и уже несколько лет занималась подборкой материала. А в-третьих, Елена Александровна выпускница нашей школы и прекрасный человек.
- -Хватит! Хватит! закричала Анфиса Павловна. Ничего мне

не говорите про неё! Я всё знаю! И вам за это не поздоровится! Имейте в виду! — ни с того, ни с сего посыпались угрозы.

- До свидания, Анфиса Павловна, у меня урок, директор дал понять, что разговор окончен.
- Да вы просто... вы знаете, кто вы после этого?! Подонок! В трубке заныли гудки. Несколько секунд Михаил Анатольевич молча крутил трубку в руках, затем, шумно выдохнув, хлопнул себя по коленкам и отправился в класс.

3

Анфиса Павловна почувствовала, как сильно пересохло в горле. Ну и ну! Что её так понесло? Может, не надо было заводиться? И тут же отвечала себе: нет, надо. Молодых надо учить. Директор тоже молодой, а гонору, не телеге не увезёшь! Пусть знают, пусть считаются с теми, кто поумнее. А потом вспомнила, как учит наставница Катька: ничего не держи в себе, всё выплёскивай, выплёскивай, иначе все каналы забьются энергетические, и уж тогда недалеко до болезней. Вспомнила и успокоилась. Значит, всё сделала правильно. А сейчас — время перекусить и ехать на занятие. Пропускать нельзя. Распахнув пальто, она жевала бутерброд. Крошки падали на бессменный серый костюм, но её это не волновало. Она решительно отгоняла мысли о посещении Храма, о беседе с учениками, да и о скандале с директором школы. Подумаешь — не в первый и не в последний раз приходится ей правду отстаивать!

Анфиса Павловна настраивалась на вечернее событие, которое придаст ей и настроения, и жизненных сил...

Она сидела в своей комнате, неприбранной и пыльной. Книги находились повсюду и неаккуратно. Поверх — стакан с недопитым чаем, блюдце с засохшим лимоном, расчёска, резинки для волос, свечные огарки... На всём, куда можно было что-то положить и повесить — всё лежало и висело.

Одежда – на спинках стульев и на дверцах шкафа. Различные кресты и лампадки – на тумбочке, в буфете среди посуды.

Иконы и иконки окружали её со всех сторон, но мысли Анфисы Павловны витали очень далеко от них...

4

...Катька суетилась перед приездом учеников. Так она теперь их называла. В двухэтажном загородном особняке имелась огромная терраса с выходом в сауну и бассейн. Она была просторной и могла вместить большое количество гостей, которые здесь и собирались.

Заканчивая приготовления, она погасила свет, в четырёх углах зажгла большие лампады, а возле икон, расставленных на широких подоконниках и развешенных на стенах, укрепила свечи в подсвечники. Вся комната погрузилась в темноту, и лишь тусклые огоньки освещали комнату по периметру. Наводя порядок, Катька убирала подальше всё ненужное. Ведь главное не в том, что показать, а в том, чего не показывать! Вот на днях купила подарки к Пасхе: Кириллу кроссовки и костюм спортивный, — всё в комнату, в шкаф. И себя не обделила: в маленькой бархатной коробочке серьги с колечком — срочно убрать! Это не для чужих глаз!

...Да, дела сейчас у Катьки шли неплохо. Не то, что раньше в животноводческом цеху, где она ухаживала за поросятами. С детства ленивая до учёбы, она еле-еле закончила школу и была рада любой работе. Говорят в народе, что не было бы счастья, да несчастье помогло. Так и случилось: сократили её с работы, а потом с мужем развелась. И осталась Катька одна с маленьким Кириллом на руках.

Как жить? Вот тогда-то и открылись у неё незаурядные способности к ясновидению и целительству людей: полистала кой-какие книжки, и дело пошло. Сначала открывала и закрывала чакры своим подружкам. Потом опредсказывала будущее, определяла болезни, сама же лечила их подружкам своих подружек. Потом разгадывала сны, снимала порчу и сглаз, — да много чего другого делала, лишь бы клиенты благодарны были.

Первые сеансы Катька проводила в подвале своего дома, потом, почуяв, что люди верят во всё, да ещё и деньги платят, гораздо большие, чем её зарплата, кабинет приёма переместила в более комфортные условия: на кухоньку в хрущёвке...

А лет через десять мать с сыном выстроили дом за городом для себя, а врачевали всё в той же хрущёвке, только мать — на кухне, а её одарённый отпрыск, с трудом окончив восьмилетку, — в комнате.

В начале нового трудового пути Катька, возомнив себя и вправду великой, поехала к священнику за благословением, но тот благословения не дал и, отругав, выгнал со словами возмущения: «Кому поклоняешься? Бесам поклоняешься!»

Только Катьку этот эпизод не остановил, и как уж она дальше преподносила свою деятельность, одной ей ведомо.

5

Анфиса Павловна познакомилась с Катькой не случайно. Когда беспросветно запил Гошка, Анфиса Павловна в отчаянье взяла его фотографию и отправилась к известной в городе ясновилящей.

Та за деньги определила и рассказала бедной Фиске всё её прошлое, настоящее и будущее: обречена, мол, ты, голубушка, и помощи тебе ждать неоткуда, – порчу на тебя и сына женщина навела, молодая и красивая... Но выход есть. Помогу.

Вот до сих пор и помогает: то чакры почистит, то энергией подзарядит, то о соседях всё расскажет, кого стороной обойти, кому плюнуть вослед...

Но самое главное, что и Гошка стал другим, пить перестал, мать слушается, Катькины занятия посещает и в Храм Божий ходит...А Катька через пару месяцев, увидев преданность новых знакомых, смекнула и оказала им честь — перевела из разряда клиентов в разряд учеников, позволяя приходить на общие медитации.

Конечно, не бесплатно, но Катькины дела упорно шли в гору, и она знала, кого выбирать...

6

...К назначенному времени все были в сборе: Катька, она же учитель, Кирилл, Анфиса Павловна с сыном, несколько постоянных учеников и двое новых мужчин, которые держались вместе и поначалу удивлённо оглядывались по сторонам.

Терраса отапливалась, и поэтому даже зимой здесь было очень тепло.

Темнота крепко пахла жасмином, ладаном и ещё чем-то головокружительно приятным. Мрак, таинственный до дрожи, одновременно и пугал и притягивал, вводя в состояние отрешённости. Гости не спеша по глоточку пили собственноручно приготовленный Катькой чай, от которого путались в голове мысли...Прошло немного времени, и хозяйка поднявшись первой, шагнула в мрачный центр помещения, приглашая остальных: «Давайте плавать!» Она опустилась на шелковистый ковёр и заработала руками и ногами. За ней потянулись остальные, выходя в круг, они ложились на пол и плыли на спине, на животе, непринуждённо перекатываясь с боку на бок. Даже новички вскоре, забыв о первоначальном недоверии, повторяли за Катькой движения.

Через некоторое время из темноты послышались возгласы:

- Тепло!
- Вода тёплая!

- Горячий песок!
- Чайки кричат!
- Я высоко! Я облако!
- Дельфины плывут!

...Вечер был в разгаре, когда Кирилл потихоньку удалился в сторону сауны, и оттуда потянуло жаром и ещё чем-то обволакивающим разум и тело...

Анфиса Павловна плыла и всё дальше, небрежно шевеля руками и ногами. Ей становилось всё легче на сердце, обиды всей жизни, казалось, отступали сегодня раз и навсегда. Волнами накатывала неизвестная радость, и было хорошо до сладострастия, и безразлично, что будет завтра...

И никого не смущали устремлённые со всех сторон на происходящее безобразие лики святых, угодников и мучеников... Шла третья неделя Великого поста – Крестопоклонная...

ПРИСНИЛАСЬ УЛИЦА САДОВАЯ

«Всё простится мне, всё забудется, Только пой, мама, только пой, Пусть Садовая снится улица, Да пусть слышится голос твой...»

1

К маме её не пустили.

Двери реанимации захлопнулись, оставив Тоню наедине с горем. Она немного посидела ещё в коридоре, затем медленно, как во сне, побрела к гардеробу. Сняв белый халат, шапочку и переодевшись, она, не помня себя, шагнула прямо в январский мороз. Не замечая колючего ветра, больно бьющего в лицо, шла по занесённой снегом тропинке вдоль больничного корпуса, а перед глазами несносно всплывало самодовольное лицо заведующего, сверлящее её маленькими нахальными глазками.

- Доктор, я много лет работаю в медицине. Пожалуйста, пропустите меня к маме.
- Я же сказал, нет. Ваша мама без сознания. Она не выходит из наркоза...
- Тем более, доктор, взмолилась Тоня. Я каждый день вижу таких пациентов, мне очень надо... На одну минутку. Прошу вас!
- Повторяю: вам нечего там делать, отвечал он, цинично, сверху вниз рассматривая девушку.
- Мне надо, доктор, сами же говорите, что состояние тяжёлое... Я только посмотрю на неё...
- Завтра приходите! A, если что, вам позвонят, не беспокойтесь, последовал ответ...

- A состояние стабильное? напряжённо допытывалась Тоня. Но глазки на круглом лице только ещё более оживились:
- А вы знаете разницу? насмешливо переспросил он. Ну, стабильное. И дальше что? Сейчас стабильное, через минуту нестабильное... Вам это о чём-то говорит? «Господи! Что же это? Он смеётся надо мной? Почему он улыбается, когда я готова разреветься, упрашивать, упасть перед ним на колени, лишь бы только увидеть маму?»

2

...Не замечая, Тоня свернула с узкой тропки и пробиралась, глубоко проваливаясь в снег, к тому окну, за которым между жизнью и смертью находилась её мама.

Со слов заведующего, маму не удавалось вывести из наркоза. Тоня очень спешила, точно боялась не успеть, опоздать, — вдруг самое страшное свершится до того, как она доберётся до нужного окна...

А в голове звоном ледышек бряцали слова укора:

- Вы же сами решились на сложную операцию в таком преклонном возрасте? Так чего же вы хотите? Чего хотите? Чего хотите....
- Но, доктор, это был единственный шанс выжить. Единственный... Единственный... оправдывалась Тоня.
- ...Вот и окно, неровно замазанное белой краской, от вида которого Тоня ощутила нарастающую дрожь.

Она выронила прямо в снег сумку из рук, остановилась напротив окна по колено в сугробе и, не зная для чего она сюда шла и что делать дальше, горько, в голос, разрыдалась.

— Мама, ты слышишь меня? — приговаривала она. — Мама, пожалуйста, проснись! Просыпайся, прошу тебя! — после бессонного дежурства на «Скорой» она едва держалась на ногах, всё тело ломало от усталости и переживаний последних дней.

— Мамочка, ты ведь слышишь меня? Дыши сама! Дыши! — уговаривала Тоня, едва переводя дыхание на обжигающем ветру. — Ты мне нужна! Не уходи, прошу тебя! Не уходи навсегда! Не уходи...», — просила она и не замечала ни слёз, замерзающих на обветренных щеках, ни заледенелых кончиков волос, царапающих лицо, ни снега, набившегося в сапоги.

Прохожие сочувственно замедляли шаг, глядя на плачущую девушку.

Вдруг она утёрла озябшей рукой глаза: — «А, вдруг, мама меня слышит? Не буду плакать», — и без сил опустилась на большой камень, занесённый снегом. Как в тумане маячил перед ней слабый свет в окне, а она всё твердила, едва шевеля потрескавшимися до крови губами: — «Мама, ты меня слышишь? Проснись! Я рядом...».

Наконец, чувствуя, что совсем окоченела, Тоня поднялась, последний раз оглянулась на окно, перекрестила его и, ничего не видя перед собой, поплелась домой. Теперь ей оставалось только молить Бога, и она шла и повторяла:

– Отче напі!

Иже еси на небеси!

Да святится имя Твоё...

Да будет воля Твоя, да будет воля Твоя, да будет воля Твоя...

3

...Как дошла до дома и уснула, Тоня не помнила, только приснилась ей улица Садовая, родительский дом, её детство.

Ей виделся день, когда знойное лето явило людям сухую, до трещин, землю, пожелтевшие до времени листья на деревьях, поникшие без дождей густые заросли травы.

Бежит она, загоревшая, в лёгком платьице и сандаликах на босу ногу, – весело бежит по дорожке. Русые волосы, выгоревшие на солнце и ставшие совсем светлыми, распушились,

обрамляя лицо золотистыми завитушками. Вот — синий забор, а вот и папа поливает деревья и цветы у дома. Тоня наблюдает, как он в светлой шляпе и рабочем пиджаке управляется с тяжёлым шлангом, а тот, чёрной змеёй блестел на солнце, сворачиваясь кольцами на влажной земле и нехотя направляясь то в одну, то в другую сторону, извивался между грядками.

Тоня слышит, как дрожат листья, как с них падают на её голову и плечи увесистые капли воды, остужая разгорячённое тело. Под ногами становилось сыро и холодно, а папин образ, всё светлея и светлея, растворялся радужным сиянием, пока не сошёл на нет.

...Растерянно оглядываясь по сторонам, Тоня ещё раз обвела взглядом убегающую вдаль от неё улицу, такую же длинную, как её детство. Она увидела старую берёзу у соседского забора, стожок сена, заботливо покрытый цветной клеёнкой и окружённый сплошь ромашками, а у самой калитки, за кустом акации, — свою бабушку в длинном тёмном платье, на котором сиял цветной ситцевый фартук.

Бабушка сидела на маленьком чурбачке, постукивая перед собой деревянной палкой. Здесь, в тени, она скрывалась от пекущего солнца, морщинистое лицо её улыбалось. Тоня хотела подбежать к ней, но ноги завязли в холодной жиже, и цепкая акация, сдвигаясь, преградила ей дорогу...

Только сейчас Тоня вспомнила, что и папы, и бабушки давно нет, они умерли, однако радость нежданного свидания накрыла её гигантской теплой волной.

«Ка-ак я со-оскучи-ила-ась по ва-ам!» — раскинув навстречу руки, крикнула она громко, но от жары слова пересыхали в горле и не выходили наружу. И всё увиденное полностью исчезло, оставляя лишь безмерное ощущение присутствия...

...По маленьким ступенькам Тоня поднималась в дом, оглядывая резные балкончики перед входом. На балкончике брата Серёжи — заводная моторная лодочка, пружинки, куски

ХИРУРГ

«По вере вашей да будет вам» (Матф. 9:29)

(матф. 9:29

Старичок лежал в маленькой больничной палате. Один.

Дни стояли праздничные новогодние, работы у врачей в такое время много, а коварная болезнь жадно выкачивала из безропотного пациента последние силы.

Ему обещали консультацию хирурга. Но прошла неделя, а хирург всё не появлялся. На вопрос: «Будет сегодня хирург?» — медсёстры разводили руками: «Мы подали заявку. Ждите!»

Гангрена, как чёрная змея, туго обвивая ногу, с каждым днём заползала всё выше и бесцеремонно вносила в организм всё новые порции смертельного яда.

С каждым днём ему становилось всё хуже, и всё яснее, что справиться с болезнью не получится. Помощь, которая могла изменить ход событий, не спешила. Он умирал...

На маленькой прикроватной тумбочке стояли иконка Спасителя и Богородицы, и он много молился.

- Доченька, когда же будет хирург? стараясь не стонать, спросил он в очередной раз у медсестры.
- Дедушка, я сама схожу за ним и обязательно приведу его, вот с уколами разделаюсь... – сжалилась молоденькая сестричка.
- ...Худощавый, измученный болями, он лежал с прикрытыми глазами, когда скрипнула дверь, и в небольшой проём спасительным херувимом впорхнул хирург, в длинном халате и высоком накрахмаленном колпаке, окружённый аурой изысканного запаха одеколона и свежести.

Старичок приподнялся на кровати.

цветной проволоки, заплетённые в причудливые зигзаги; на её — любимая пластмассовая кукла в горошковом платьице...Тоня медленно шла через террасу, приметив на маленьком столике банку с молоком, накрытую марлей... Значит, всё хорошо. В доме тихо, вкусно пахло чем-то щемяще знакомым, и свет из окна падал на полосатые половики, ведущие в комнаты.

Тоня легко и бесшумно двигалась по ним дальше. От счастья громко стучало сердце. Вот и мамина комната. Тоня потянулась к двери, но та плавно поплыла прочь от неё, ускользая изпод рук всё дальше и дальше, не пуская Тоню приблизиться. Она, вытянув руки вперёд, тщетно пыталась открыть неподатливую дверь...

– То-ня! – вдруг отчётливо услышала она. И через некоторое время опять – То-неч-ка! – мама ласково позвала её.

...Тоня очнулась. На часах — полдень. Спала она всего три часа. Память мгновенно воскресила события сегодняшнего утра, и они вихрем закружились в голове. И, вдруг, точно ктото подтолкнул её: надо звонить, не надо ждать завтра, надо звонить в реанимацию сейчас. Мама звала её!

Спеша, она дрожащими пальцами набрала номер телефона и быстро услышала ответ:

- Реанимация.
- Простите, я медработник...Скажите, как состояние моей мамы, Сусловой Марии Андреевны? Ей вчера операцию сделали. Она...— голос Тони прерывался, она хотела ещё что-то добавить, но женщина на другом конце трубки перебила:
- У неё всё хорошо, раздышалась вовремя, сама. Осложнений нет. Сейчас водичку попила. Спрашивала про вас. А вы к вечеру приходите, принесите немного куриного бульона и поильник, сами покормите её.
- Спасибо, еле выговорила Тоня непослушным от волнения языком, затем, приподнявшись на цыпочки, сняла со стены икону Спасителя и, жадно обняв её, прижалась к Лику горячим лбом.

- Показывайте! громогласно протрубил хирург прямо от двери, не проходя в палату. Медсестра торопливо развязала бинты, и взорам присутствующих предстала страшная картина: нога была чёрной почти до паха, хотя всего несколько дней назад был поражён лишь мизинчик.
- Вот! громко выдохнула медсестра. Мы лечили, чем могли, но у нас не хирургия, поэтому вызывали вас несколько раз...— оправдывалась она. Может быть, можно... Но хирург, не дав ей закончить, грубо прервал:
- Нельзя! У нас операций полно, а вы с этим, поморщился он в сторону несчастного, разобраться не можете.
- А что делать-то? тихо спросила она.
- Да выкидывать надо ногу, и всё тут! Не видите? вынес приговор хирург .
- Что? Что надо выкидывать? старичок растерянно глядел в ту сторону, откуда раздавался голос. Доктор, скажите, чем это лечить? Что меня ждёт? он устремил на доктора вопросительный взгляд. А тот уже отвернулся, готовый уйти, но с раздражением оглянулся:
- Что ждёт, что ждёт? По вере вашей да воздастся вам! выпалил хирург, кивнув головой на тумбочку с иконками, и зашагал прочь по коридору.
- A-a-a? только и успел переспросить старичок, но, не услышав ответа, понял, что хирург ушёл.

И промолчал.

Затем снова прилёг, проваливаясь как в люльку, и старые пружины жалобно скрипнули под ним. Медсестра заботливо бинтовала ногу.

— Да...Молодой, а негодный, — вымолвил дрожащим голосом старичок. — Вот время и пришло. И у него, видно, дела плохие. Спаси нас, Господи! — он беззвучно заплакал, сотрясаясь маленьким, почти детским, тельцем. О своей ли беде он плакал, или об общей людской беде, знал только он.

Слёзы, стекая по щекам, терялись в совершенно седой старческой бородке, капали на белую рубашку.

...Только лики Спасителя и Богородицы взирали печально и милосердно, да тонкие лучи январского солнца легко проникали сквозь замороженное стекло, лаская и навсегда убаюкивая маленького человечка...

ВАРЕНЬКА

«Будьте как дети, ибо таковых есть Царствие Небесное» (Матф. 19:14)

1

Причастники, крестообразно сложив руки на груди, с благоговением ожидали причастия, внимательно слушали священника, некоторые прикрыв глаза, беззвучно шевелили губами, каясь в своих грехах, другие закатывали глаза высоко, и никого не видя вокруг, находились на самом деле глубоко в себе...

И только мамаши, пришедшие с детишками, не принадлежали себе и не могли стоять спокойно. Они-то брали малышей на руки, и те развлекались, разглядывая происходящее сверху, тыкали пальчиками в глаза, развязывали узлы на платках. Когда же мамы опускали их вниз, чтобы поправить спадающие платки и пригладить растрёпанные волосы, непоседы утыкаясь головками им в колени, перебирали оборки платьев, крутили пуговицы и дёргали вверх-вниз «молнии».

И всегда приходила им на выручку только Варенька, старушка очень маленького роста. Возможно, отчасти именно рост и привлекал внимание ребятишек, ведь она отличалась от больших взрослых и была ближе к ним, но обладала ещё и другими способностями отвлекать малышей от рёва и ненужной в храме возни, умела молча занять ребятишек безмолвной игрой. Ни фамилии, ни отчества её никто не знал, а, может, кто и знал, но дело не в этом.

Все от мала до велика здесь называли её просто Варенькой.

Жила Варенька одна, по гостям ходить не любила, да и у себя никого не принимала. Периодически навещал её племянник из города, привозил ей продукты, помогал по хозяйству, а своих деток нянчить ей в жизни не довелось...

В деревенском храме службы бывали не каждый день, по воскресеньям и по праздникам, да перед ними — всенощные бдения. Варенька жила недалеко от храма и службы никогда не пропускала. Приходила всегда радостная, опрятненькая, в цветастом платочке, покрывающем головку с совершенно белыми волосами, опрятно заплетёнными в две тоненькие косицы, связанные между собой на затылке узкой ленточкой.

Она почти прибегала в храм одной из первых, стелила свой небольшой чистенький коврик, связанный ею крючком из разноцветных полос ткани. Она покупала и зажигала свечи с радостью увлечённого ребёнка. И вся-то Варенька была до того складна и миниатюрна, что походила на большую куклу, и даже каждый предмет её небогатого гардероба был тоже чем-нибудь привлекателен: неизменная тёплая кофточка с бахромой и пояском с бубенчиками, из-под которой выглядывало длинное чёрное платье, усыпанное ромашками и маками, да порхающими над ними бабочками.

Но самое главное, чем отличалась Варенька — были глаза! Немного косоватые, почти не имеющие цвета, но бесконечно ласковые, они всегда светились особенным светом добра и непонятно откуда исходившей радости, и на кругленьком белом личике с розовыми щёчками они казались слишком большими и выразительными.

Со сверстницами Варенька мало общалась, а вот дети с особенной детской проницательностью сразу выделяли Вареньку из толпы и не сводили с неё глаз.

Знали они также, что после причастия, Варенька обязательно им раздаст угощение: конфеты, яблоки, печеньки...

А Варенька любила детей и тоже не сводила с них глаз. Точнее сказать, не давала им баловаться и как бы не выпускала их из поля своего внимания. Только кто-то захнычет: «Я устал!» Варенька снимает с подсвечника догорающую свечу и подносит к нему, показывая взглядом: «Туши!» Малыш дует изо всех сил.... Получилось! И он улыбается и рассматривает маленькую проворную старушку в маленьких тапочках с вышитыми кружочками.

Только запищит другое дитё — Варенька тут как тут! Она поворачивается к нему и тоже подаёт огарочек: «На-ка, милая, затуши!» Девочка улыбается, тушит маленькую свечку, и уже не сводит глаз с её цветного платка.

А Варенька-то как радуется! И улыбка у неё светлая-светлая, как у ребёнка, даже задорная немножко. Варенька может и подмигнуть озорному мальчугану, или зажмурить глаза и открывать их не вместе, а поочередно или просто вращать ими. Ах, как забавно получается! Но всегда потом подносила маленький пальчик к губам: «Тс-с-с! Не шуметь!» Конечно, детей это занимало, они во все глаза смотрели на Вареньку, ожидая, чем она удивит их сегодня.

А она, действительно, каждый раз могла придумать что-то новое: то округлит и без того круглые глазки и уставится ими в одну точку на иконе, словно увидела вдруг что-то необыкновенное, и вся детвора замолкает и смотрит на ту икону, которую с таким интересом рассматривает Варенька. И всё это действо происходило без единого звука. Глазами. Иногда едва заметными жестами.

Конечно, мамы были благодарны Вареньке, а вот старушки-подружки не всегда.

Следя за её гримасами, Мария Фёдоровна, бывшая учительница из города, знавшая церковный устав, подпевавшая певчим своим низким, шепелявым голосом, всякий раз презрительно вздыхала:

– В храме ведь, прости, Господи. Что творит? Чисто клоун, – и осеняла себя широким крестом, низко кланяясь при этом и искоса следя за Варенькой и добавляя по привычке – Признаться сказать...

— Да это с детками она. Пусть.! — склонив голову на бок и сложив губки бантиком, отвечала свистящим шепотом из-за недавно вставленных зубов Наталья Ивановна, худенькая завмаг из соседнего села. — Бог простит! — добавила она, действительно умиляясь на играющую Вареньку, тяжело вздохнула и быстро-быстро несколько раз пере крестилась.

— В храме о Боге надо думать и о душе, а не веселиться, — не унималась Мария Фёдоровна, заводясь всё больше. — Для игры вон улица есть, признаться сказать... — Гудела она, как шмель, медленно и поучительно выгговаривая каждое слово так, что люди стали оборачиваться в их сторону.

А Наталья Ивановна часто крестилась и тяжело вздыхала, и больше думала о своей завмаговской душе, чем о Варенькиной, тем более, что считала Вареньку, как часто про таких говорят в народе Богом обиженной...

А Варенька, казалось, даже и не догадывалась, что это о ней идёт речь, хоть и стояла рядом. Не проронив ни слова во время Богослужения, она, как немая, жила в мире другом, одном ей близком, но непонятном для других. Варенька искренне молилась, с умилением целовала иконы, слушала церковное пение, заворожённо смотрела на батюшку, жадно ловила слова из Евангелия, с благодарностью принимая каждое слово батюшки и беспрестанно благодарно кланялась, казалось, благодаря всех и за всё.

Варенька задувала свечи, зажигала новые, рассматривала маленьких красивых детишек, их живые глазёнки, «строила им глазки» в ответ, лишь бы они не плакали, так как не переносила и боялась детского плача до такой степени, что могла расплакаться сама. Такие случаи бывали иногда.

... Воскресная служба проходила как обычно. В храме было тихо и торжественно, горели лампады и свечи. Иконы были украшены букетами и венками из живых цветов.

Уже пропели «Отче наш» и «Верую», и у амвона выстроилась большая очередь причастников. Вперед, как всегда, пропускали родителей с детьми. Дети, устав, теребили родителей, то задавали вопросы, то помалкивали, переминаясь с ноги на ногу, маленькие хныкали, как никогда громко. Мамаши вздыхали, поправляли волосы и платки, то уговаривая, то цыкая на них. Потом опять поднимали на руки и опускали на пол...

И вдруг Марию Фёдоровну осенило:

- А где же Варенька-то? прошепелявила она неожиданно громко и огляделась. Действительно, то место, которое всегда занимала Варенька, было пусто.
- Проспала, наверно, оглянулась завмаг и просвистела тихонько, Может, и приболела, старая уж....
- Померла Варенька, вмешалась в разговор обычно неразговорчивая Елена Петровна, местная почтальон и перекрестилась. Царство ей Небесное!
- Как померла? Без причастия! Не пособоровалась! Вот где грех-то! Ну, к этому всё и шло, признаться сказать... Доигралась, шепелявила, качая головой Мария Фёдоровна.
- Бог простит её! Царство ей небесное! Поджав тонкие губки процедила Наталья Ивановн и несколько раз подряд, точно скороговоркой, перекрестилась.
- И похоронили как бусурманку, небось, не замолкая, гудела Мария Фёдоровна, оглядываясь по сторонам. А как же ещё, признаться сказать?
- Почему же? Племянник был при ней, как помирать собралась И невестка. За батюшкой посылали. Всё успела она...– вступилась за почившую почтальонка.

— Со страхом Божиим и Верою приступите! — громко и торжественно, чеканя каждое слово, провозгласил батюшка, выходя с Дарами. У некоторых от этих слов мурашки побежали по спине. Прихожане низко поклонились и притихли...

СИТУАЦИЯ

Фельдшер Людмила Леонидовна приехала на очередной вызов. Вошла в небольшую прихожую. Огляделась. Чистенько. Зеркало завешено белой простынёй.

Опытному глазу было понятно без слов, что за событие произошло в квартире. «Вот оно – горе. Как близко...», – подумала Людмила Леонидовна. И, хотя видела людские несчастья много раз, привыкнуть к ним не могла, впрочем, как и её многочисленные коллеги. Всякий раз она сопереживала, подсознательно «примеряя на себя» случившееся.

Две миниатюрные женщины, похожие друг на дружку, как две капли воды, представились дочками усопшей. «Близняшки, наверное. Немолодые, а красивые...» — отметила про себя Людмила Леонидовна. Достаточно подтянутые, в одинаковых платьицах, они суетились по квартире, шмыгая носами, подставляли к маленькому столику табуретку, смахивали ажурной салфеткой невидимую пыль.

- Спасибо-спасибо, не беспокойтесь, ощущая неловкость от избытка внимания, Людмила Леонидовна прошла в комнату....
- Вот, мама наша и померла, всхлипнула одна, качнув ухоженной головкой в сторону дивана. Как мы теперь без неё? Такая ситуация у нас...
- Померла мамочка наша... А ещё в обед жива была, лампадочку своими тёпленькими ручками зажгла... – подхватила

сестра, показывая в красный угол, где перед иконами горела лампадка. И обе сестры тихонько заплакали.

— Очень соболезную. Но вы же понимаете, всё когда-то случается, — в тон им, тоже тихонько отвечала Людмила Леонидовна, заглядывая в карту вызова, — ей девяносто лет?! Вот молодец, пожила! — посочувствовала она. — Кому сколько — всё там решается! — с видом знатока подняла она указательный палец вверх. — Царство ей небесное!

Людмила Леонидовна вернулась в прихожую к маленькому журнальному столику (не сидеть же рядом с покойником!), чтобы сделать записи в карте, а дочки, годами явно старше Людмилы Леонидовны, развернули наманикюренными ручками носовые платочки и стали сморкаться, наперебой всхлипывая:

- Да, да, конечно, мы всё понимаем. Конечно девяносто это много, но у нас впервые такая ситуация, – растерянно лепетали они, бессмысленно перекладывая вещи с места на место.
- В квартире есть люди кроме вас? осведомилась на всякий случай Людмила Леонидовна и, услышав, что помощи им ждать неоткуда, решила немного задержаться и хоть советом помочь сёстрам.

«Видно, что ничего-то они не знают, а у меня – опыт: много лет на «скорой» отпахала», – мысли сами собой проносились в голове Людмилы Леонидовны, находя горячий отклик в её сердобольном сердце. – Ничего, вдвоём управитесь, – успокоила она сестёр. – В первую очередь выньте у неё из-под головы подушку, чтобы тело лежало ровно, – начала объяснять Людмила Леонидовна. – Через два часа можно обмывать.

- Да, да, спасибо вам, кивнула одна.
- Ой, а почему без подушки-то? уточнила другая, переставая плакать.
- А обмывать как? А кто? Мы? Сами? изумилась одна.

– У нас ванна сидячая...На полу? Ой, а шампунем или мылом? Губкой? – переспросила другая.

Вопросы посыпались градом, повторяясь по несколько раз. Людмила Леонидовна начала жалеть, что не ограничилась короткими формальностями и не ушла сразу.

- Слушайте внимательно дальше, перебила она их. Завтра с утра пойдёте в поликлинику с её паспортом. Она здесь прописана?
- Да, да, здесь конечно. А что же не сегодня-то? удивилась одна.
- Хочется поскорее бумажные дела оформить. Такая вот ситуация у нас... закончила мысль другая.

Людмила Леонидовна настойчиво повторила:

- Завтра, говорю вам. Сегодня поздно! Не работает поликлиника! А завтра с утра... не успела Людмила Леонидовна закончить фразу, как снова застрекотали два голоса, обгоняя друг друга:
- А паспорт надо? Вы сказали, что надо? Мы приготовили уже. А ещё? Ещё что надо? одна из них шагнула навстречу поднявшейся Людмиле Леонидовне, закрывая собой путь к выходу.
- А наши паспорта нужны? Да? Нет? встала рядом с ней другая.
- Повторяю: нужен её паспорт, теряла самообладание Людмила Леонидовна, только её! И, если есть, удостоверение участника Великой Отечественной войны. Всё!
- Как же? Конечно! Да, есть! Взгляните! воскликнула одна и начала перебирать стопку бумаг на столике.
- А куда это всё, простите, в милицию, вы сказали? Или нет, в поликлинику? прервала сестру другая. Вот какая ситуация у нас...

У Людмилы Леонидовны закружилась голова, и ей очень хотелось одного: как можно быстрее выйти из этой ситуации на свежий воздух.

Она взялась за ручку двери, как вдруг совсем близко, из комнаты донёсся тяжёлый надрывный кашель и затем хриплый старческий голос произнёс:

– Доктор, доктор, кха-кха! Зайди сюда, ко мне, поближе, кхе-кхе-е! Мне, мне растолкуй, куда завтра идти-то? О-ох, и бестолковые они у меня...

...Все три женщины, вздрогнув, с ужасом уставились друг на друга...

НОЧНАЯ МИСТЕРИЯ

Опять бессонница, из которой, как из ямы, никак не выбраться.

Настенные часы пробили два раза.

...Она вынула из нагрудного кармана мужского пиджака сложенный вчетверо лист белой бумаги, развернула его и чернильной ручкой ставила жирные галки, отмечая участников предстоящего действа.

Действие первое. В храме.

Слышится церковное пение.

Во время службы в толпе она встречает сестру, передаёт ей заготовленную записку, в которой всего три строки:

– Обязательно выучи эти слова.

Они очень нужны твоей матери.

Она просит помощи.

Действие второе. У дома.

Брат молодой и красивый, каким остался в памяти, выходит из родительского дома.

Она убеждает его не выправлять главного документа.

- Пожалуйста, не ходи никуда. Тебе там ничего не дадут.
- Но у меня справки есть, их надо только обновить, настаивает он.
- Не поменяешь, они давно просрочены.

Жаль...

Действие третье. В парикмахерской.

Резко пахнет одеколоном и шампунем. Она пришла в назначенное время, обслуживают всех, но не её.

Ни один мастер не смотрит в её сторону.

Она подходит к зеркалу, смотрится в него, берёт чужую расчёску, и начинает сама себе делать причёску.

Вдруг из темноты длинного коридора гулко раздаются шаги, появляются люди в униформе.

Они громко обвиняют её, и она не может оправдаться...

Действие четвёртое. У приятельницы.

Она хвалит приятельницу, восхищаясь успехами её сына:

- Он молодец у тебя, всё-таки поступил, куда хотел...
- Да, но я его поступление давным-давно купила, не без гордости сообщает приятельница. А она-то не догадалась купить. И теперь испытывает тяжёлое чувство вины...

Действие пятое. В омуте.

Тёплая вода, зыбь на поверхности, вокруг много водорослей. Движения людей рождают круги на воде.

Рядом – давняя подруга. Они болтают ни о чём...

Но ей очень хочется выбраться из этого засасывающего тепла, и не получается. Она должна быть не здесь, а где-то в другом месте, и надо спешить.

Она чувствует, что не успевает, суетится, цепляется руками за выступающие над водой растения и ранит руки.

Боль...

Действие шестое. Финал.

На пыльной дороге останавливается блестящая красная машина.

Выходит человек и грубо отнимает её родное...

Маленький ребёнок оглядывается издалека, хочет подбежать к ней, но его не пускают даже проститься.

С ним она навсегда теряет самое дорогое.

...Опускается занавес.

Громко стучит сердце.

При свете луны едва виден циферблат: прошло всего пять минут.

Снова бессоница...

ТОЧКА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

(стихотворение в прозе)

Две параллельные прямые никогда не пересекаются. Аксиома

Я родилась немного позже тебя. Поэтому ты старше. Но я узнала тебя молодым и вдохновлённым. Ты всегда был рядом и был мне очень нужен. Ещё маленькой девочкой я неосознанно тянулась к тебе, и в разлуке сильно скучала. Не знаю, скучал ли ты? ... А в жёлтых кустах твоих акаций пряталось моё счастливое детство...

Я не задумывалась о том, за что полюбила тебя. Просто за то, что ты есть. Знала, что есть лучшие, но к тебе была привязана крепко, точно материнской пуповиной. И всё моё радостное было связано с тобой. Возвращаясь, я всякий раз очень спешила к тебе и принимала тебя по-новому, с восхищением. А ты тем временем становился всё красивее, мужественнее и желаннее. Возможно, ты не очень-то замечал меня. Я же просто хотела знать, что ты у меня есть. Не знаю, радовался ли ты? А в июньском запахе твоих лип витали мои школьные годы...

Нам приходилось чаще расставаться, но я возвращалась снова и снова. Я видела твои успехи и гордилась ими, я очень хотела сделать для тебя что-то полезное, принять участие в твоей судьбе. Видел ли ты меня? Не знаю. Но позволял. Ведь и хорошее и печальное, всё, что происходило в моей жизни, так или иначе, происходило в связи с тобой. И я находила в этом и упоение и успокоение. Ты был статным, мудрым, неотразимым. И мне ты был необходим, как воздух... Тогда я впервые задумалась о том, что наши судьбы очень похожи и удивительно параллельны... Они, как рельсы, долгие и ослепительные на солнце, бегущие рядом, далеко -далеко, к самому краю земли. Не знаю, думал ли ты об этом... ...А с белым пухом твоих тополей кружилась моя юность...

Бывали и у тебя неудачи, и я переживала их вместе с тобой и ещё больше стремилась к тебе. Не знаю, думал ли ты, как я, или жил своей жизнью? И снова мне это было не важно. Главное — рядом. Главное — знать тебя необыкновенным, дорогим сердцу. И порою мне начинало казаться, что ты обратил на меня внимание... Не знаю, был ли ты счастлив?

...А под сенью твоих рябин мелькала моя молодость...

И вдруг я стала другой: взрослее, смелее.
И теперь могла быть с тобой столько, сколько хотела.
И ты отвечал взаимностью.
Не молодой, но искрений, уверенный!
Мы часто смеялись вместе и плакали, оставаясь наедине.
Не знаю, любил ли ты?
...А твои зимние метели
заметали всё, что было после...

А после — я перестала сомневаться насчёт того, почему схожи наши судьбы. Я знала, что когда-нибудь, Вопреки всем законам геометрии, они непременно пересекутся в одном единственном месте, где земля касается неба. И тогда у нас будет общая точка пересечения. Одна на двоих, Мой любимый, мой родной город Воскресенск. И никуда...

ОЧЕРКИ

Л.А. Дудин

А.В. Сальников

А.М. Супруненко

Е.А. Слободянюк

В.И. Самарцев

В.И. Лысенков

ТУМАНИЛАСЬ ТЁПЛАЯ ВЕСНА

Члену Союза писателей России Елене Слободянюк

Елена Александровна не знала меня, но мы были с ней знакомы. У нас состоялось заочное знакомство и очное прощание.

Я пришла в ЛИТО в конце 2007 года. Нельзя сказать, что я в литературном деле была совсем «новичком»: периодически публиковались мои стихи в газете «Коммунист» («Наше слово»), и знания мои о творчестве многих воскресенских поэтах и прозаиках были достаточно объёмны. Естественно, произведения одних авторов мне были более близки и понятны, других – менее.

Стихотворения Елены Александровны мне как раз казались не очень понятными, но то, что они резко отличались образностью, исполнением и тематикой, — было очевидно. И эта очевидность волновала меня, не давая покоя.

Помню, зимой 2008-2009 года после очередного собрания литераторов, когда все уже расходились, я, осмелившись, задала вопрос руководителю ЛИТО Леониду Дудину, что не могу понять, о чём стихи, но чувствую, – в них сокрыто нечто для меня недосягаемое... Речь шла о стихотворении:

Тёмный город затаил дыхание В ожидании твоих шагов. Натянули линии трамвайные Струны на распятия мостов. Где Москва каналами расколота И от ветра клонит фонари, Небо гневно горизонты комкает И дождями мятыми сорит. А в краю, где не живут трамваи, На далёком перепутье снов Я стою и, затаив дыхание, Слушаю чечётку поездов...

Эти строфы незадолго до разговора публиковались в газете.

Руководитель ЛИТО молчал, смотрел в одну точку, явно мимо меня, и, наверное, думал, стоит рассказывать или нет. На какое-то время воцарилась тишина, только Анатолий Васильевич Сальников — выпускающий редактор газеты, по своей скромности, не обращая на нас внимания, шуршал листами бумаг, перекладывая их на столе. «А ты знаешь историю этой девушки?» — наконец, решившись, спросил Леонид Анфиногенович. «Нет», — ответила я. «Так слушай», — и он очень коротко поведал биографию Елены Александровны. «В следующий раз я принесу тебе сборник её стихов... На время, конечно», — уточнил он и добавил: «Тогда и поговорим»...

...Я с радостью и любопытством несла домой небольшую книгу с названием «Я вижу каждый твой шаг».

Сразу же, сходу, меня поразило название, над которым нужно думать и думать. И, конечно же, сборник был прочитан залпом, потом я перечитывала и перечитывала его много раз, размышляя над каждой страницей, каждым стихотворением, фразой, словом, сочетанием слов. Я откладывала книгу в сторону и мысленно повторяла прочитанное, пытаясь представить целостность силы духа молодой женщины, объятой тяжёлой болезнью, но, независимо от обстоятельств, так тонко и нежно чувствующей мир.

Елена Александровна, принимая болезнь, через непомерные страдания души поднялась на новый уровень восприятия мира, к чему прикоснуться Господь позволяет только избранным. Очень немногим при жизни приоткрывается то, что зовётся ВЕЧНОСТЬЮ...

Я вижу все её произведения как «КНИГУ – ИСПОВЕДИ», недаром она сама назвала её «страницами, выпавшими из личного дневника». Хотя надо помнить и понимать, что переживания любого лирического героя, даже во всей его искренности, навсегда останутся вечной тайной. Тайной души одиночества.

Избавь меня, Боже, от боли — Скажи мне, откуда я? Кто я? Куда мне идти, далеко ли? Вослед или рядом? Одной ли? Отмерь испытаний на долю: Слезами и кровью наполни Протянутые ладони — До самого края — не боле.

Я вижу её произведения и как «КНИГУ – ПРОЩЕНИЯ»:

Твой сон храним и оттого он светел, И оттого дыхание ровнее, И даже смерть очередного дня Не кажется значительной потерей, А лишь свидетельством того, что ты живёшь. Да будет жив и этот свет в тебе, Да будет он замечен и прощён...

И вижу как – «КНИГУ – ПРОЩАНИЯ», где Елена Александровна осознанно, без претензий, обиды и ропота обращается к любимым людям, посвящая им стихи, обращая к ним свои последние слова признания:

…Я сегодня отворяю дверь – опять, Чтобы крылья белые тебе – отдать.

Так я узнала необыкновенного человека Елену Александровну, поэта Елену Слободянюк.

Так произошло моё с ней знакомство.

...Прощание было очным 8 апреля 2009 года в храме Рождества Христова села Михалёва, битком наполненным людьми: родственниками, друзьями, коллегами, поэтами и прозаиками.

Из-за тесноты в храм войти было трудно, и многие пришедшие толпились на паперти, а некоторые — на улице, вслушиваясь в пронзительно-печальное церковное пение, принимая тепло от свечей и лампад, волнами выплёскивающимися наружу через небольшой дверной проём вместе с неповторимыми запахами лампадного масла, воска, ладана и живых цветов.

Шло отпевание. Повторяясь, пение прерывалось чтением молитв. На улице слова слышались плохо, прерываемые то тяжёлым вздохом, то всхлипыванием. Скорбно ожидали своего часа ритуальные венки, прислонённые к церковной стене. Мыслями, действиями людей, короткими вопросами и такими же короткими ответами руководило, казалось, что-то неестественное. Может, это была та тяжёлая тишина, которая появляется невесть откуда только на похоронах.

Провожали Елену тихо, как она и завещала в своих стихах.

Я помню кроткое, доверительно — детское выражение её лица. Она безропотно и умиротворённо уходила в царство покоя и вечной радости.

Я уже никогда не усну, Эта ночь продлится века.

2009 год

СПЕШУ НА ВСТРЕЧУ С ПОЭТОМ

Светлой памяти члена Союза писателей России Александра Мефодьевича Супруненко

...Владимир Назаров, сотрудник газеты «Наше слово» повёл меня по коридору в сторону небольшого кабинета.

Но в это время из него нам навстречу вышел энергичной походкой невысокий интеллигентного вида мужчина.

- А вот на ловца и зверь бежит! Здравствуйте Александр Мефодьевич!— известил на всю редакцию Назаров. Поэта вам веду нового. Стихи с собой. Хорошие стихи.
- Здравствуйте, сдержанно ответил на наше приветствие Александр Супруненко. А стихи напечатаны? Деловито расспрашивал он, возвращаясь в кабинет.
- Нет, от руки написаны, но почерк читабельный, ответил за меня Владимир Назаров. Работайте! дружески кивнул он мне и удалился.

Александр Мефодьевич быстро занял своё рабочее место за столом, заваленным рукописями, жестом предложил мне присесть:

- Ну, показывайте! - Я протянула листок со стихами и следила за его реакцией. Он вдумчиво, не спеша, читал, потом произнёс, как будто не мне, а, беседуя с самим собой: «Да, неплохо, неплохо...Немного лучше....»

Не скрою, мне было приятно слышать его похвалу и хотелось верить, что относилась она к моим творениям.

- А ещё стихи есть у вас? спросил он, глядя в мои стихи.
- Есть.
- Штук пять найдёте? машинально, не поднимая головы, продолжал спрашивать он.

- Найду.
- -A десять? уточнял он как бы мимолётно, перебирая записи на столе.
- Найду.
- А больше? тут наконец-то он поднял на меня глаза, не то, чтобы строгие, но сосредоточенные, целенаправленные и, наконец-то, увидел меня, заговорил легко и охотно.
- Тогда принесите штук десять-пятнадцать, но самых достойных, на ваш взгляд. А я сделаю подборку в газету. Сможете сами написать небольшую биографию: где родились, учились, где работаете, о чём любите писать?
- Конечно, смогу.
- Вот и хорошо, довольно заключил он. Только постарайтесь напечатать, хоть почерк у вас и красивый, но удобнее работать с напечатанным материалом. До свидания. Да надолго не откладывайте, в ближайшую литературную страницу поместим!

Я летела домой без оглядки, радостная. Ведь любому человеку, а тем более поэту приятна даже малая похвала, даже небольшая удача. А тут! Стихи Александра Супруненко я читала регулярно в нашей газете «Коммунист», затем в «Нашем слове», знала, что он — член Союза писателей России, и, конечно, его доброе слово много значило для меня. Вспомнилось:

День синевой Вот-вот наполнится, Но с самого начала дня В весенней роще За околицей Над гнёздами Грачей возня. И тропка вдаль, В объятья солнца, За песней вновь Зовёт меня.

К следующей нашей встрече с Александром Супруненко я готовилась тщательно: во-первых, перечитала его стихотворения, которые у меня были, затем отобрала свои лучшие стихи, попросила подругу Марину напечатать их на компьютере. Даже биографию не очень богатую, но напечатала. Но отнести не успела. Александр Мефодьевич позвонил сам:

— Ольга Александровна! Сможете подойти сегодня? Я вас жду! — и уже однажды окрылённая, опять, как на крыльях, снова спешу на встречу с поэтом. Он встретил меня, как и в первый раз сдержанно, но очень вежливо.

Потом я поняла, что это были черты его характера, обозначающие основы его общения с людьми. А общение с людьми было основой его жизни. Быть на виду – значит быть на виду достойно.

Ведь есть на земле люди, которые вроде бы рождены не для самих себя, а для людей. И принадлежат людям не только при жизни, но всегда. Они вечны. Это – священники, врачи, учителя. У них нет профессии в узком и конкретном смысле слова. У них есть особенная жизнь – жизнь избранных: без каникул, праздников и выходных.

Александр Мефодьевич – учитель по профессии и поэт по жизни – был таким.

«У меня здесь и травы, и росы, И в полнеба заря у меня, А какие невесты-берёзы — Бубенцами серёжки звенят. Зацветают лесные лужайки, А до леса рукою подать. Приезжайте, друзья, приезжайте, У меня здесь, в селе, благодать».

Он не запомнился мне очень улыбчивым, но очень уважительным.

- Я вот тут поправил вам одно стихотворение. Вы не против? осведомился он деловито.
- Да нет, что вы. Спасибо, я обязательно приму к сведению.
- Вот смотрите: это ваши стихи:

«Первым лес дождём умылся На полянке ловко, Нежно лютики склонили Жёлтые головки».

Неплохо, но здесь у вас ритм нарушен, да и порядок слов: «Первым лес дождём умылся...» Мы же с вами русские люди и русский язык должны уважать. Правильно должны говорить, не коверкая. Слушайте:

«Лес дождём умылся ловко... На полянке на лесной, Нежных лютиков головки Загорелись желтизной».

Ну, что, лучше? Видите разницу? А по смыслу – всё ваше. Ничего не изменилось. Только вот лес ловко умылся... Так ли?

У меня дух захватило, и стало немного стыдно: как же я сама-то не смогла сделать более удачную расстановку слов!

Конечно, я хорошо помню, как по первости очень боялась испортить сочинённую фразу, и хотелось сохранить её, как единственно рождённую и возможную. Казалось, вычеркни её – и стихотворение развалится, не сложившись.

Александр Мефодьевич очень деликатно, ненавязчиво показал мне на одном примере, как надо работать, а не лелеять первое, что пришло в голову. Ведь и сам он по жизни был большим тружеником. На прощанье он дал мне наказ:

- А вы пишите! Пишите как можно больше! И будет получаться всё лучше и лучше!

Лицо его светилось добротой. Мне кажется, что он был рад нашей встрече, рад тому, что он может научить ещё одного начинающего поэта. А, возможно, мне так казалось, потому что сама была рада этому знакомству.

Через два месяца в газете «Наше слово» на литературной странице была опубликована подборка моих стихов, подготовленная Александром Мефодьевичем Супруненко.

И снова на крыльях радости я летела к телефону, чтобы сказать слова благодарности поэту, не случайно встретившемуся на моём пути.

...Но в мире живых его уже не было.

Остались его стихи и добрая память о нём.

ОН – СВИДЕТЕЛЬ ПРОСТОГО И НЕОБЪЯСНИМОГО СЧАСТЬЯ...

Члену Союза журналистов СССР, старосте ЛИТО Анатолию Васильевичу Сальникову

1

Как сейчас вижу небольшой двор по улице Победы, заставленный машинами и необыкновенно щедро залитый весенним светом.

– Идёшь, солнышко? – заметив, что я приближаюсь, негромко приветствовал меня Анатолий Васильевич Сальников, худощавый, невысокого роста, в пиджаке, из-под которого выглядывал ворот неброского цвета свитера. Это – выпускающий редактор газеты «Наше слово».

Он неторопливо покуривал на апрельском обманчивом ветерке, вроде бы и тёплом, но в то же время пронизывающем. Лицо его было спокойным, не выражало никаких особых эмоций. Только вот в глазах сияла радость. Казалось, — он просто отдыхал, жадно наслаждаясь полуденным солнцем, нетерпеливо стучащей капелью, падающей с козырька соседнего подъезда, юркими ручейками стекающей вниз, порождая во дворе крохотные лужицы.

Прищурив глаза, он наблюдал за голубями, зависающими над голубятней, то время от времени подлетающими к нему совсем близко. Они безбоязненно опускались в лужи с островками тонкого льда и, наслаждаясь, очень бережно, по капелькам, пили прозрачную воду, высоко запрокидывая маленькие головки.

- Здравствуйте, Анатолий Васильевич! Иду! Газету несу! радостно отвечаю ему, замедляя шаг.
- Ну, проходи, Оленька, проходи, сейчас поговорим. Покурю вот немного...

Он не вырывается из своих дум и опять, кажется, ещё глубже в них погружается, предаваясь чириканью пташек, журчанью ручейков, настроению апреля и огромной жизни. А новая жизнь, не смотря ни на что, с приходом весны рождается на глазах, и он – свидетель этого самого простого и самого необъяснимого счастья.

Радуясь светлым мыслям и не в силах оторваться от них, он щурится на солнышке, таком огромном, что оно едва вмещается на бесконечном небосклоне...

Через минуту я была в редакции.

2

...В одно из первых моих посещений ЛИТО (2007 год) я читала стихи из своей сокровенной общей тетради. Прослушав их, коллеги разбирали мои произведения, отмечая удачно употреблённые образы, делали замечания по сбою ритмического рисунка стихотворения, по неточной рифме. Царила обычная рабочая атмосфера. Анатолий Васильевич – староста ЛИТО, стоял в дверном проёме своего кабинета (стульев и диванчиков не хватало на всех в маленьком помещении редакции), внимательно слушая всех, но в общем обсуждении участия не принимал. Когда же народ стал расходиться, он подошёл ко мне и попросил посмотреть стихи, наиболее запомнившиеся ему.

Не поспеет зимою вишня, И калина не зацветёт, Так и буду чужой и лишней Я стоять у твоих ворот.

Не посмею в них постучаться, Да и ты не спешишь открыть. Простою до ночного часа... А потом как быть? Я протянула тетрадь, он вдумчиво и не спеша прочитал:

- Хорошие стихи…– помолчав, возвратил мне. Приносите, напечатаем!
- Да они, вроде, не очень понравились... растерялась я от неожиданности.
- Кому не понравились? перебил меня староста.
- Ну, были же замечания, значит, не всем понравились, неуверенно кивнула я в сторону литераторов.
- Знаете, милочка, скорее в шутку, чем всерьёз назидательно произнёс Анатолий Васильевич, видимо, очень желая успокоить меня. Нравиться могут только женщины и лошади. Так-то. Приносите. Разберёмся, добавил он. Да, в следующий раз покажу вам книги наших писателей. Не видели ещё?
- Нет, я отрицательно качнула головой.
- Мне вот дарят иногда. Приходите. Посмотрите, почитаете. Оценка моих стихов, данная Анатолием Васильевичем, очень вдохновила меня, в его словах не было игры, высокопарности, чувствовалось, что говорит он очень искренне.

Через много лет я поняла, что, видимо, этому человеку нравилось поддерживать людей, помогать им, направлять на нужный путь, — просто ему нравилось делать добро, просто это было необходимостью его жизни — делать добро.

3

...Спустя время, работая в ЛИТО с начинающими поэтами, я иногда приводила их в редакцию газеты «Наше слово» сфотографировать для публикации в литературной странице и, конечно же, навещала Анатолия Васильевича, который всегда очень вежливо встречал всех, приходящих к нему. Он снимал очки, откладывал их на стопу бумаг, и, придвигая стул, приглашал к беседе.

- Ну, как дела? Как работа?... Устало выглядишь. Наверное, после суток? Тяжело? всегда одинаково заботливо интересовался он.
- Да, есть немного, отвечаю. Вот к очередной литстранице сфотографироваться товарищей привела. А то сами-то никак не идут... Пожаловалась я, вроде, ища в нём поддержки. Взрослые, а стесняются ...
- Ничего особенного, может, и стесняются, не удивился Анатолий Васильевич. Вот, слушай, продолжил он доверительно. Не поверишь, но я только недавно в маршрутке стал называть остановку, когда мне надо выйти...
- Как это? переспросила я и приготовилась слушать, не понимая, шутит он или говорит всерьёз.
- А так, очень просто. Еду вечером домой после работы, народу много, и всегда кто-то с кем-то разговаривает. А я жду, когда прекратят разговор, чтобы сказать водителю, что пора остановиться. Неудобно перебивать людей как-то. Понимаешь? Да? Он следил за моей реакцией, а я не знала, что лучше делать, смеяться или сочувствовать. А вокруг говорят и говорят, так и проеду мимо, до следующей остановки, если кто-нибудь посмелее не докричится до водителя. Понимаешь? Повелал он мне.

Я невольно улыбнулась, представляя услышанное, и, всё-таки не очень понимая, шутит со мной Анатолий Васильевич или говорит серьёзно. Улыбнулась и подумала:

«Вот странно. Необыкновенно взрослый, необыкновенно умный, грамотный, высокого интеллекта человек, а настолько скромен, почти, как ребёнок, остановку свою может проехать, лишь бы людей не побеспокоить. Странно...»

И, продолжая мысленно рассуждать, ответила сама себе: «Не странно, – скромно».

4

... Анатолий Васильевич, прочитав мою первую книгу стихов «Я любовь назову твоим именем», сделал в ней некоторые замечания, поставив отметки карандашом. И, как всегда, немного стесняясь, боясь обидеть, прокомментировал:

– Посмотри, солнышко. Не согласна – сотри, а, может, с чемто согласишься...

Так и осталась эта книга мне на память с ненавязчивыми карандашными пометками, дружелюбно расставленными Анатолием Васильевичем.

А я, как сейчас, вижу небольшой двор по улице Победы, наполненный машинами и необыкновенно щедро залитый весенним светом.

И вижу у одного из подъездов, под табличкой «Редакция газеты «Наше слово», как Анатолий Васильевич стоит в лёгком пиджаке, курит, не обращая внимания на бодрящий ветерок, о чём-то думает, наблюдая за голубями, клюющими по капельке чистую воду, и вполне счастливо щурится на солнышке.

Л.Л. Чебышева, О.А. Новикова, М.И. Золотова и А.В. Сальников

УДЕЛ ДУШИ – ПРЕОДОЛЕНЬЕ

Светлой памяти члена Союза журналистов России Вячеслава Ивановича Самарцева

1

Начало моего творческого пути напрямую связано, во-первых, со школьными учителями литературы, а, во-вторых, с редакцией газеты «Коммунист» (позднее «Наше слово») и лично с Вячеславом Ивановичем Самарцевым.

Когда я начинала 8 класс средней школы №4, нас троих направили для учёбы в «Школу молодого журналиста» при редакции газеты «Коммунист».

Не знаю, как других, но меня это предложение очень обрадовало. К тому же, я в то время уже пробовала себя в стихотворениях и небольших рассказах, — к ним приучила нас преподаватель литературы Маргарита Алексеевна Баранова, призывая описывать интересные наблюдения, давать им свою оценку. Сроков она не устанавливала, отметок не ставила и не сравнивала, у кого больше или меньше получилось. А вот хвалить — хвалила за удачные речевые обороты и образы ...Этот факт также немало подталкивал к «свободному» творчеству.

Кстати, о Маргарите (так по-родному и красиво её звали в школе все) и о её роли в моём писательском призвании хочется повествовать отдельно. Она умела настолько крепко привязывать своих учеников к литературе, что этому её умению мог позавидовать любой.

Прививая потребность к чтению, она неустанно увлекала нас новыми затеями. Мы заполняли «Читательские дневники», куда вносили названия прочитанных книг с кратким пересказом и рисунками.

Мы вели записные книжки, где во время каникул сочиняли небольшие заметки на пол-странички обо всём интересном: где прошёл грибной дождь, отчего подрались куры, как обожглась крапивой и т.д.. Мы оформляли «Ленинские тетради», куда переписывали любимые стихотворения, посвящённые знаменательным датам, учили их наизусть и проводили открытые уроки. По заданию Маргариты мы готовили плакаты «Ни дня без книги» и помещали их дома в своих комнатах... Это она, Маргарита, постоянно убеждала нас, что в день нужно прочитать хоть что-то, хоть одну страницу журнала или статью из газеты.

Первые мои сочинения, первые стихи Маргарита всячески поощряла, и это являлось также большим стимулом.

...В старших классах эстафету русского языка и литературы приняла Александра Фёдоровна Богатырёва, талантливый учитель и прекрасный человек. Будучи сама неординарной личностью, она не загоняла нас в рамки, определённые школьной программой, а ценила индивидуальность. Вспоминается, как однажды после проверки сочинений по «Вишнёвому саду», она подозвала меня и спросила один на один: «Оля, скажи честно, ты списала откуда-то?» А я никогда не списывала, и как это ни смешно теперь, но мне казалось, что я сама напишу лучше....

Этим двум женщинам, моим учителям, я благодарна всю жизнь.

...Вот почему встретиться воочию с действительными журналистами было значимым событием в моей жизни. Тем более, что реально пишущие люди и поэты мне тогда представлялись почти что «небожителями».

Так я впервые увидела Вячеслава Ивановича Самарцева. К моему удивлению я узнала, что у него не было руки и ноги, но тем не менее сразу же отметила его неутомимый оптимизм, интерес к своему делу, одухотворённость.

Он поведал нам о работе корреспондентов, о планах нашей учёбы, о том, что, к нашей радости, в газете предполагается выход странички о молодых, для молодых и руками молодых с удивительно мечтательным названием «Экспресс ровесников». И в ней мы будем рассказывать о жизни сверстников: о праздничных школьных вечерах и выставках, о ежегодно проводимой военно-патриотической игре «Заринца» и «смотрах строя и песни», о конкурсах чтецов и осенних работах на полях...

Я до сих пор помню, какой была счастливой после этого знакомства, чувствуя, что начинается дело очень для меня близкое и желанное.

2

Но путь совершенствования, как известно, не бывает лёгким и гладким. Движение — это всегда преодоление чего-то, неудач, ошибок, даже обид... Сможешь преодолеть — шаг вперёд, не сможешь — топчешься на месте. Мне же, наряду со множеством добрых эмоций, пришлось пережить и обратные...

Один случай, связанный с Вячеславом Ивановичем и редакторской правкой, остался мне уроком навсегда.

Однажды он предложил всем, кто пишет стихи, показать их ему. А у меня к тому времени стихами была исписана общая тетрадь под названием «Пробую перо». Конечно, мне очень хотелось посоветоваться со знающим человеком, услышать отзыв.

И у меня началась душевная борьба: что показать настоящему поэту, чтобы не разочаровать его? О любви или о природе? О Воскресенске или о Зое Космодемьянской? А вдруг не понравятся? Тогда, может, повременить и не показывать вовсе? Присмотреться сначала...

После долгих мучений выход был найден: я решила показать ему своё сочинение «Репортаж с урока истории» – небольшой, юмористический рассказ, тем более, что за него красовалась жирная «пятёрка». Заручившись поддержкой учителя, мне было спокойней. Передав рукопись Вячеславу Ивановичу, с замиранием души я ожидала его оценки.

И вот, придя в очередной раз, увидела свой рассказ у него на столе, распечатанный, – видимо, его готовили к публикации.

Счастью не было предела, сердце заколотилось, и я спросила, можно ли взглянуть поближе... В это время Вячеслав Иванович громко и нервно разговаривал по телефону, мне же он утвердительно кивнул в ответ. С великой радостью я вчитывалась в своё творение, выглядевшее довольно солидно, и вдруг заметила, что в некоторых местах текст не соответствует моей рукописи... «Конечно же, ошиблись при перепечатывании!» — наивно подумала я и, взяв ручку, быстро исправила, как было у меня в оригинале. Довольная, я протянула листок Вячеславу Ивановичу, а он, как раз закончив разговор, но не остывший ещё от бурных эмоций, выхватил его и, смачно скомкав, ловко метнул в неподалёку стоящую урну. Не могу сказать, что я ощутила в этот момент: удивление, непонимание, обиду...

- Да! Да!!! закричал он, встретив мой растерянный взгляд. Это правка! Понимаешь? лицо его побагровело. Он тряс головой, от чего курчавые тёмные волосы, переходящие в бороду, растрепались, глаза сверкали... Таким я его раньше не видела.
- Всех правят! Пойми ты! Великих правили! Меня правят! тыкал он пальцем в свой вспотевший лоб. А вы только пришли, только начали писать! Как вас не править?! Как?

Обескураженная, я стояла перед ним, не зная, что ответить. На самом-то деле, я была не против того, чтобы мою работу редактировали, просто не поняли мы друг друга, а, что такое «правка», если честно, я и не знала...

Конечно, как большинство вспыльчивых людей, Вячеслав Иванович был отходчив, и доброжелательные отношения наши продолжались. Спустя некоторое время, я осмелилась показать ему своё стихотворение:

ЛЮБЛЮ

Люблю берёзу белую, Зимою – серебристую, И землянику спелую, И ниву золотистую.

Люблю поля широкие, Просторы необъятные, Леса люблю высокие, Следы зверей занятные.

Соломой крыши крытые В деревне нашей маленькой, Сады, дождём умытые, И первые проталинки.

Люблю девчонку русскую С косами рыжеватыми, Весёлую и грустную, На солнце смугловатую.

Люблю я травы горькие, И первые подснежники – Всю русскую природу Неповторимо нежную. ...Не успела придти домой, как зазвонил телефон. Вячеслав Иванович возбуждённо кричал в трубку: «Ольга, отлично! Молодец! Отличное стихотворение! Я и не ожидал, что ты такая молодец! Напечатаем обязательно! Ещё приноси стихи! Умница!» Столько похвал я и не предполагала, а радость у меня на этот раз, конечно, была, но более сдержанная, осторожная ...

Через много лет я задумалась о том, как одно и то же событие, происходящие между двумя людьми, может быть совершенно незначительным для одного и незабываемо-важным для другого... Потом Вячеслав Иванович редактировал многие мои первые стихотворения, какие-то были опубликованы, другие – нет. Но я приучалась работать над любым произведением, а не принимать за шедевр всё, только что написанное.

К горячечности Вячеслава Ивановича привыкали все, знающие его, и уважали за главные качества характера: трудолюбие, искренность, дружбу. Много лет он работал в многотиражной газете совхоза «Воскресенский» и городской газете «Коммунист», возглавлял Воскресенскую районную организацию Всероссийского общества инвалидов... Он – один из авторов альманаха «Воскресенск – моя родина светлая», редактором которого по сей день является писатель, журналист и краевед Виктор Иванович Лысенков.

Вячеслав Иванович был наделён многими талантами: и поэта, и художника, и путешественника, и человека с большой страдающей душой...

...Возможно, в повседневной жизни Вячеслав Иванович относился к категории людей, не различающих полутонов: у таких всё или «чёрно» или «бело», или категорично-неприемлемо или наивно-доверчиво. В этом их слабость, в этом их сила, за это они и страдают. Но совершенно очевидно, что он, как никто другой, умел дорожить каждым сиюминутным мгновением и, сам того не ведая, духовно обогащал идущих рядом с ним.

жить!

Как остриём кинжальной стужи, Вдруг полоснёт из бытия Сюжет простой: «Кому я нужен, Когда тобой отвергнут я?..».

И давят айсберги сомнений Души обугленную светь... Как ей наполниться терпеньем? Как эту боль преодолеть?

Потом настойчиво и смело Пронзит другой сюжет в тиши: «Ведь ампутация полтела — Не ампутация души!..».

Над ней не властно искушенье, Её судьбой не сокрушить. Удел её – преодоленье. И этим жить. И этим – жить!..

ЛЕОНИД ДУДИН. КОСМОС. ПОЭЗИЯ

Каждый философски думающий человек, наверняка, неоднократно задавался вопросом: а что же первично: труд или поэзия? Почему душа человеческая стремится на свободу? Почему мыслям непременно нужен полёт, и не простой, а облечённый в определённую форму, меняющуюся от раза к разу? Не это ли совершенствование, постоянное, скрупулёзное, неустанное, - и есть сам труд? И почему разум человеческий осознаёт необходимость работы ради завтрашнего дня, причём более светлого, чем день сегодняшний? Это ли не поэзия?! Я задумываюсь над этим, когда держу в руках очередную книгу Леонида Дудина, почётного руководителя нашего литературного объединения «Радуга» им. И.И. Лажечникова. Знаю его давно и всякий раз не понимаю, как человек, обладающий исключительно математическим складом ума, может писать задушевные поэтические строки? Интерес не угасал, и однажды я спросила, почему так случилось, что он оставил математику. Леонид Анфиногенович ответил: «Мне иногда бывало страшно от собственных знаний. Но я умел остановиться, доходя до критической черты, за которой начиналось Божие. А туда, твёрдо был убеждён, нельзя соваться... Категорически нельзя. «Всё, хватит!» – говорил сам себе и уходил из мира математических полей в Речное поле Харитонова Починка, а

Тогда я и принял решение уйти в чистую механику, не забыв оставить при себе красоту любви».

дальше через Крутой Бор по течению реки Водопойницы в ре-

ликтовый лес. И становилось легче.

Видимо, сам факт его рождения, время и место сильно повлияли на «закладку» большого таланта, а дальнейшее воспитание в семье, окружение, особенности природы сформировали человека, которого и сейчас друзья и коллеги называют

«магнитом людских сердец», донором нескончаемой работоспособности и поэтического вдохновения.

Очевидно, что нет сложностей в его творчестве, всё ясно и определённо, и любому явлению и событию есть своё издавна намеченное место, и оно не меняется независимо ни от обстоятельств, ни от времени.

«Снова где-то внутри заёкало, Затревожилось неспроста... Что ж вы снитесь, мои далёкие, Опечаленные места?»

Или – «Снится вечностью Дом бревенчатый – Пятистенок с лицом крутым, Наверху Петухом увенчанный, Словно солнышком Золотым».

Если задуматься: «А в чём же суть творчества Леонида Дудина?», то ответ напросится сам: «В отсутствии философии зауми, лишь заметная тонкая материя поэтической атрибутики, которой предостаточно для осмысливания в качестве образцов творческого примера».

«Мои сосны, моя речонка, Сколько лет прошло, сколько зим, Помню, – к вам прибегал мальчонкой, Словно к родственникам своим...»

...Родился Леонид Анфиногенович Дудин в деревне Харитонов Починок, Костромской области, Солигалического района, или на «Совеге», как принято в тех краях называть это место. В самой глухомани, но в очень счастливой стороне, где народ никогда не знал ни помещиков, ни капиталистов, окрест лишь леса да речки, впадающие через Сухону в Северную Двину.

Сейчас, оглядываясь с немалой высоты своих лет на необозримое прошлое, он охотно рассказывает о себе, о школьных годах, пролетевших одним мигом в Солигаличе, и о тех людях, которые искренне помогали ему встать на ноги, встречались однажды и шли рядом по жизни...

В его семье к познанию мира стремились все. Брат Сергей и сестра Серафима, окончив Солигаличское педучилище, стали учителями.

Правда, брат в этой светлой должности не поработал ни одного дня: он геройски погиб, защищая Отечество, при прорыве Рамушевского коридора в 1943 году. Сестра Серафима всю жизнь отдала школам Сусанинского района. Средний брат Александр – труженик, стал слесарем Калининградского механического завода. Родители Анфиноген Михайлович и Мария Николаевна очень хотели, чтобы младший сын Лёня учился...

...«Почитай, Серафима, стихи» — так называется поэтический сборник, за который, кстати, Леонид Дудин удостоился губернаторской литературной премии имени Роберта Рождественского.

Правда и то, что его можно по праву считать кладезем той самой интимной лирики, где душевный разговор настолько откровенен, что хочется не только внимать, но и радоваться счастью высокого звукового восприятия. Видимо, песенность и ритмичность, как говорят, от «сохи», то есть от земли, от самих её пластов...

...В Харитонове Починке проходило его детство, здесь он окончил семилетку, затем за тридцать пять километров от дома учился в средней школе города Солигалича, с которой расстался в 1954 году. А в отрочестве и юности ему приходилось работать и сучкорубом на лесоучастке, и помощником механика, и ходить на сплав.

Только хорошим примером близких людей с самого раннего детства воспитывалось в мальчике умение трудиться, которое с годами перерастало в большую потребность.

...Много стихов поэт посвятил своей родине, где остались, может быть, самые радостные и самые трогательные переживания его жизни. Стихи о маме, родне, об односельчанах, о неброской природе несут в себе столько добра, так исповедальны, что складывается впечатление, будто именно эта тема в его поэтическом творчестве разработана наиболее глубоко. Вот и снова о незабвенных краях:

«Позабуду — и сразу! — где север, где юг, Загляжусь, как над ранней равниной В неоглядную даль облака поплывут — Красотою, ни с чем несравнимой».—

«Скоро бабы придут, подойдут мужики О судьбе, о любви поаукать...Большеглазая клюква, срываясь с руки, Заспешит о ведёрочки стукать».

«Здесь нет на весёлых калитках Тяжёлых и скучных замков. Дома и светлы, и открыты, Как души моих земляков. Мне эти дома с малолетства Понять до конца помогли, Что нет драгоценней наследства, Чем чувство родимой земли».

...Кажется, что из феноменальной памяти автора не ускользала ни одна подробность сельской жизни, ни название обиходной утвари, ни особенности местного наречия, привычек и традиций людей, а закладывалась огромная радость от жизни в единении с лесами и озёрами, увалами и зверьём, богато обитающем в далёком захолустье. И, когда Леонид Дудин пишет о своих чувствах, подбирая простые и ёмкие по смыслу слова, которые присуще истинно русскому наречию, то как может читатель не переживать вместе с ним?! Или, как не заволноваться при описании встречи матери с сыном?!

«Но вот покачнулась легонько, Вздохнула чуть слышно: «Сынок...» Дойник, прозвенев о щебёнку, Скатился в горячий песок».

...Вместе с подрастающими годами, в юноше росло и непоборимое желание пробовать в жизни всё, найти себя самого и своё место в бушующем водовороте жизни.

Осенью 1955 года его призвали в ряды Советской армии, служил он во Владимире. Здесь командиром у него становится капитан Л.Б. Бабаянц, будущий начальник штаба полигона Байконур, а уже в сентябре следующего года он поступил в Рязанское артиллерийское училище. Судьбе было угодно сложиться так, что он сидел за одной партой с курсантом В.Н.Лобовым, будущим начальником Генерального штаба СССР, а

командиром у них был старший лейтенант Н.А. Лопатин, будущий начальник полигона Капустин Яр.

Окончив училище, служил в ГСВГ городе Потсдаме, занимая должности командира взвода управления и старшего офицера батареи. Здесь его воспитывал капитан М.Т. Ващенко – чемпион Киевского военного округа по боксу, который в 1969 году двумя залпами системы «Град» стёр с лица Амура остров Даманский.

...Поэту ничто не чуждо в нашем мире. Он пишет обо всём, что волнует его сердце: дом и работа, дружба и любовь и тема патриотического начала достойного служения Отечеству, что подразумевает и службу в Вооружённых силах страны, и труд на благо Отечества.

Он ярко и открыто освещает свою позицию не только, как Поэта, но и Гражданина. На эту тему им написаны яркие документальные книги «Гвардии генерал Соколов», «Василий Серогодский, Герой Советского Союза, лётчик – истребитель» и большое количество стихов.

«... Я согласен пахать угодья И покосева ворошить. Я согласен быть чем угодно — Только делу бы послужить».

Вообще-то автор книги не пишет в своих произведениях о чём-то узком, изолированном. Он, лаконично выражая свои мысли, не разбрасываясь по мелочам, преподносит их, тем не менее, с большим и глубоким осознанием происходящего. Вся жизнь земная с проблемами человека и природы, с любовью к женщине и бедами, постигшими Родину, – всё одинаково гармонично увязано в его творчестве.

Читая строки, снова и снова убеждаешься, что боль одного человека в своей маленькой беде болит не менее сильно, чем боль людей всей страны за прегрешения правителей; и потому, гражданская лирика — основная в его поэтическом творчестве.

«Закрою глаза – и вижу: за живот схватился сержант. Он, сгибаясь, остаток жизни пытался ладонями удержать».—

«Ну, а жизнь сержанта, беззащитна, чиста, светла, алой оторопью к закату между пальцев, дымясь, текла».

А в стихотворении «Погоны» автор однозначно определил своё гражданское кредо:

«И если придётся мне где-то В боях справедливых не встать, – погоны, прошу, моим детям, в победный салют передать». Только к людям сильным и волевым судьба чаще всего благосклонна.

... Через три года офицерской службы, сдав во Франкфурте-на-Одере вступительные экзамены, Леонид Дудин был зачислен слушателем Военной инженерной академии им. Ф.Э. Дзержинского (ныне Военная академия ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого). Учился на первом факультете по специальности «Конструкция и двигатели летательных аппаратов».

Леонид Анфиногенович рассказывает о тех годах: «Тогда в московской академии преподавали науку учёные мирового уровня: Б.П. Демидович, И.И. Гольденблат, С.М. Тарг и многие другие. Они такие знания привнесли в мои мозги по математики и механике, по движению тела с переменной массой и невесомости, что я этих знаний стал по-настоящему бояться».

После окончания академии инженер-капитан Л.А. Дудин был направлен в ОКБ Н.Д. Кузнецова (г.Самара) в качестве представителя Заказчика Главного управления космических средств (ГУКОС), а затем переведён на Моторостроитедьный завод им. М.В. Фрунзе в цех конечной сборки жидкостных ракетных двигателей (ЖРД).

Этот период жизни заслуживает особого внимания, ведь именно здесь прошла большая часть молодости, появилось много новых друзей, увлечений и, конечно же, не давала покоя её величество крылатая Поэзия.

Совершенно бесспорно, что вся жизнь Леонида Дудина связана с освоением занебесья, и тема космоса, так или иначе,

в разных своих проявлениях, реальностью и мечтой живёт в большинстве произведений поэта.

Листая страницу за страницей, постигая всё новые мысли автора, убеждаешься, что каждое стихотворение — лучшее, что именно оно самое-самое доходчивое, до сердца достающее. А мысли, аккуратно и бережно «упакованные» в стихи, не переставая, льются всё дальше, заставляя наслаждаться красотой языка, неожиданностью рифмы и стихосложения. И опять же этой великой связью Родины, Поэзии, Космоса.

«Если есть у Вселенной кромка, Роковые её края, — Я хотел бы там быть обломком Межпланетного корабля».

Он поднимался снова и снова, не жалея себя, отдавая все свои силы и знания любимому делу на благо Отечества. «Ради нового всё-таки стоит Подниматься хоть раз над собой…»

А, если говорить конкретно, то он участвовал в таких ярких программ как «В» — Венера; «Союз — Аполлон» (стыковка с американцами); в сборке и испытаниях ЖРД для лунного комплекса Н-1 как на основной площадке в ОКБ им. Н. Д. Кузнецова, на Моторостроительном заводе им. М. В. Фрунзе, так и на полигонах Байконур, «Плесецк».

В 1975 году его переводят в ОКБ Химмаш им. А. М. Исаева, И об этой трудной, но необычайно важной работе Леонид Дудин скором времени напишет серию документальных книг: «Испытатели» – двухтомник, «Главный конструктор», «Сын земли русской», «Поехали!..». Конечно же основная роль в этих повествованиях отводится людям, землякам, каждый день совершающим трудовой и гражданский подвиг во благо своей Родины.

Все эти события не являлись случайностью, скорее, они были закономерны. Ведь, как мы знаем, удача не проходит мимо успешных...

«А что же Поэзия?» – спросите вы. И будете правы – ей всегда находилось в распахнутой миру душе достойное место.

Уйдя в запас, Леонид Дудин стал ещё шире и смелее реализовывать творческие планы, работая главным редактором газет «Наши вести», «Вертикаль», «Округа». В это время он писал обо всём и много: очерки, публицистику, эссе, стихи... В то время вышла в свет книга: «На вершине пирамиды», журналистские работы «Н-1, или лунная драма СССР», «Лёд на реках растает...».

И везде, без исключения, Леонид Дудин ведёт рассказ неторопливо, искренне, точно идёт беседа не с незнакомым читателем, а с лучшим другом, и только лишь одному ему автор может поведать о своих тревогах и радостях, поделиться самыми незабвенными воспоминаниями и планами.

Также искренне и с любовью напишет он немного позже книгу «Белоозёрский. Очерки истории» о дорогой его сердцу истории, которую по крупицам создавали пионеры авиакосмического дела, люди большого труда. А мог ли он писать по-другому, впитав «с молоком матери» интеллигентность, проявляющуюся во всём без исключения?

А мог ли он писать по-другому, получив уроки литературы от молоденькой, но очень грамотной учительницы в родной школе Марии Поповой, или, познакомившись с Тамарой Волжиной в литературном кружке во время учёбы в академии им. Петра Великого? Или в ЛИТО при Центральном Доме Советской Армии?

Он просто не мог писать по-другому, познав дружбу с большими поэтами Владимиром Фирсовым, Вячеславом Лукашевичем, Риммой Казаковой, Степаном Щипачёвым, уяснив раз и навсегда, что в поэзии, как и в жизни, самое главное – открытость и честность перед людьми.

В предисловии к первой книге стихов и прозы Леонида Дудина «На вершине пирамиды», Владимир Иванович Фирсов, лауреат Государственной премии России, отметил следующее (привожу текст полностью):

«Обращаясь к любителям российской Словесности, не могу не порадоваться, будучи четверть века преподавателем Литературного института им. М. Горького, что талантливые и совестливые люди всё же есть, но они категорически редки.

К таким редким людям относится и автор книги, которую ты, уважаемый читатель, держишь в своих руках. Эта книга – книга поэта и гражданина, является свидетельством своеобразного его жития.

По стихам Леонида Дудина ты можешь, невзирая на твой возраст и твой жизненный опыт, воссоздать Время, в котором обитает поэт.

Есть такая древняя русская поговорка: «Не где родился, а где сгодился». А родился автор в самой глухомани, в деревне Харитонов Починок, в потаённом местечке под названием Совега, на порубежье Вологодской и Костромской земель. И потому, читая стихи Леонида Дудина, вспоминается мне строфа из произведения Н.А. Некрасова:

«Вскоре ты узнаешь в школе, Как архангельский мужик По своей и Божьей воле Стал разумен и велик»

... Оказавшись, после службы за границей, в Москве «по своей и Божьей воле», молодой офицер поступает в инженерную академию им. Петра Великого и, успешно окончив её, служит и работает в конструкторских бюро, создающих ракетную технику, а также на заводах и полигонах, посвятив себя освоению ближнего и дальнего космоса.

Вся остальная биография, говоря словами С. А. Есенина, в стихах автора настоящей книги».

...Леонид Дудин неустанно покорял новые вершины. По совокупности литературных произведений он был принят в члены Союза писателей России, затем — в Международное сообщество писательских Союзов, получил «за личный вклад в многонациональную отечественную культуру и укрепление российской государственности «Всероссийскую литературную премию имени М.Ю. Лермонтова», одноимённую медаль, а также «Золотую Есенинскую медаль», стал лауреатом конкурса «Поэтическое Подмосковье», награждён дипломом «Золотая строка Московии» и многими другими литературными знаками отличия...

...Став руководителем ЛИТО в Воскресенске, Леонид Дудин легко и охотно делился с начинающими писателями своими знаниями и опытом. Сегодня ЛИТО — единственное в стране, награждённое Международной организацией русскоязычных писателей орденом «Культурное наследие», и, являясь активно работающей творческой организацией, насчитывает в своих рядах более 50 человек, из которых 26 — члены Союза писателей России.

Также ЛИТО сотрудничает с Академией Российской словесности и международными писательскими союзами. В частности, в результате общения с писателями Плевена (Болгария), многие труды воскресенских авторов переведены на болгарский язык, а после одной из творческих встреч у Леонида Дудина вышла в свет новая, для многих весьма неожиданная, книга с лирическим названием «Цветы Болгарии. Венок сонетов».

...Видимо, Космос всё-таки уживается с Поэзией, и не так уж плохо. А ломать голову, что первично, что вторично не обязательно, — ведь даже среди самых сложных звёздных расчётов имеет место простое поэтическое слово.

СВЕТЛЫЙ ГОРОД СВИЩОВ

(из переписки)

Болгарскому поэту и другу Ивану Антонову

Наше посещение Болгарии в этом году было настолько впечатляющим, что потребовалось некоторое время, чтобы успокоиться и разобраться в чувствах.

Это была удивительная поездка, наполненная светлыми эмоциями, теплотой и дружеским общением.

В Плевене я была несколько раз, и каждый раз я воспринимаю как первый: восторженно и благодарно.

В этом году мне впервые пришлось побывать в твоём городе Свищове, поразившим меня красотой, душевностью, я бы даже сказала, отрешённостью от мирской суеты. Мне хочется назвать твой город свидетелем грандиозных исторических событий, достойно сохранившим дух тех далёких времён, патриотичность и высочайшую духовность людей, которые дышат этим воздухом; город, живущий своей тихой жизнью, через века пронёсший свет и печаль былого.

...Я не устаю вспоминать, как 16 мая Стефан Моллов повёз нас из Плевена в Свищов. Предстояло проехать около 80 км, и я немного переживала, как перенесу дорогу. Но, когда нас окружили красивейшие места, где поистине необъятные равнины сменялись холмами, покрытыми густой сочной зеленью; и вековые липы, почти готовые к цветению и, потому, окружённые светоносной аурой, — сменялись огромным живым ковром огненных маков, находящимся в непрестанном трепетном движении...

При виде такой красоты, я напрочь забыла о своей тревоге, сожалея только лишь о том, что дорога, а вместе с ней это чудное представление, вот-вот закончится...

Как же это восхитительно, забыв обо всём на свете, не думая ни о чём, созерцать пригороды Свищова и благодарить Всевышнего о подаренном счастье!

...Мы быстро расселялись в отеле, а нас уже поторапливала хоть и двухдневная, но очень богатая программа пребывания в Свищове. И очень хотелось ничего не пропустить – и город посмотреть, и Дунай сфотографировать, и с людьми поговорить, и братским могилам русских воинов поклониться...

Безусловно, Иван, мы были тронуты тёплым приёмом у кмета города Свищова Генчо Генчова. Понимаем, что ты и твои друзья провели большую работу по организации встречи.

Мы в свою очередь смогли показать и подарить кмету и твоему городу свои книги, переведённые на болгарский язык. Думаю, ему было приятно увидеть мою книгу о болгарской земле «Три дня в Куиловцах», а также венок сонетов Леонида Дудина «Цветы Болгарии» в твоём переводе.

Надеюсь, кмет правильно оценил цели нашего визита: ведь наши встречи — это новый шаг к совместной работе, к созданию новых произведений, объединяющих наши народы, прославляющих нашу дружбу, прошлое и настоящее.

Я хорошо помню, как во время посещения музея Алеко Константинова, нам любезно позволили пройти и потрогать руками экспонаты, которые обычно не открывают. Но нам сделали исключение.

Мы переходили из комнаты в комнату, слушали рассказы о жизни поэта, оказавшейся насыщенной событиями, но короткой... Видимо, это удел великих.

Мы любовались окрестностями дома, очень напоминающими красоту нашей усадьбы Кривякино. Солнце, розы и улыбки встречали нас повсюду. Директор музея, улыбчивая молодая женщина, предложила сделать общую фотографию на память. И наше пребывание здесь было наполнено гостеприимством и уважением.

За совсем короткое время мы успели много увидеть, принять участие в мероприятиях, которые вы тщательно подготовили. Мы смогли познакомиться с новыми людьми, которые, стали нашими друзьями. С большим воодушевлением встречали нашу делегацию в библиотеках города Свищова.

Какие увлечённые люди работают в книжных хранилищах! С каким неподдельным энтузиазмом они показывали нам хранящиеся у них ценнейшие книжные экземпляры и делились с нами своим восхищением и радостью обладателей мира прекрасного! На книжных выставках, организованных в светлых залах, мы увидели книги А. Пушкина, С. Есенина, Л. Толстого, а среди них с радостью встречали свои книги, книги воскресенских авторов, понимая, что и сегодня в Болгарии интересуются русской поэзией, проявляя интерес к русскому слову.

А какую чудесную поездку в Велико Тырново вы нам предложили! Арсений, твой друг, всё время рассказывал, как профессиональный экскурсовод, о достопримечательностях своего края. И так, мы смогли окунуться в историю старинного города.

Увидеть своими глазами крепость Царевец!

И вот удивление: в этот день всё увиденное так ладно переплеталось, что оставалось только принимать эту красоту как данность и благодать: сочетание древнейших каменных построек с красотой настоящего дня; узенькие, мощёные камнем тропы, уводящие высоко в горы; золотое сияние куполов, синева речушки, обвитые пышной зеленью пологие берега; высота, от которой дух захватывает; и раскинувшийся далеко внизу современный город, с незабвенным величием комплекса Мать Болгария...

Всё это сливалось с необыкновенно солнечным днём и наполняло сердца радостью и восхищением!

Иван! Я очень признательна вам за организацию экскурсии в исторический музей и на берег Дуная.

Здесь мы имели возможность полюбоваться удивительными видами реки и прикоснуться к нашей обшей истории, снова и снова понять, насколько родственны наши мысли, наши действия, наши души. Ещё раз прикоснуться к истокам, объединяющим наши народы. Сколько русских солдат и офицеров навсегда остались лежать в земле Болгарии! Каждая щепотка этой земли пропитана их кровью. И победа, и скорбь у нас одна на всех.

Идеология некоторых недалёких политиков такова, что сейчас в освобождённой от фашизма Европе уничтожаются русские памятники, переписывается история, безжалостно и варварски очерняя прошлое и действительность, умаляя вклад России во многие великие и вечные христианские ценности. Но болгарский народ, вопреки всему, бережно хранит память и уважение к нашим предкам, передавая их заветы новым поколениям.

Как красивы и ухожены памятники на берегу Дуная! Моё сердце переполнялось чувствами благодарности и гордости от прикосновения к нашей великой истории.

...Тихие вечера, проведённые вместе с вами, неторопливые белые облака, плывущие над Дунаем, оранжево угасающий закат, дружеские беседы навсегда останутся в моей памяти.

Большим подарком для меня, Иван, оказалась твоя книга «Щедрость». Вы, писатели города Свищов, организовали презентацию этого издания на высочайшем уровне. Я осознаю, что ты, как автор переводов, провёл необыкновенную гигантскую работу, создав такой поэтический сборник. И было видно, что ты — уважаемый человек, — ведь зал был полон людей. А когда я читали свои стихи, чувствовала, с какой теплотой принимают их слушатели, жители Свищова, твои, Иван, друзья и коллеги. Среди них — Кынчо Великов, Лъчезар Селяшки, Стефан Митев, Арсений, Верба, Бисера... И было много музыки, и лица озаряли улыбки, а сердца излучали радость.

Все понимали друг друга, фотографировались на память, дарили цветы.

Хочу сказать тебе, Иван, особые слова благодарности за труды по переводу венка сонетов Леонида Дудина «Цветы Болгарии». Венок сонетов – непростой жанр, и то, что ты решился сделать переводы – большая смелость. И надо признаться, сказать открыто, что тебе удалось глубоко передать колорит и музыкальность стихов. Ты сумел воспроизвести изначально задуманное автором, сумел уловить тончайшую нить красоты и гармонии, что во все века возвышают и осеняют человека. Убеждена, что труды твои, что и труды Леонида Дудина будут по достоинству оценены не только современниками, но и следующими поколениями исследователей и знатоков поэтического мастерства. А пока на сонеты надо посмотреть со стороны, чтобы осознать по существу радость совершенного.

Иван, хочется сказать слова и о твоих друзьях. Ты — счастливый человек. У тебя верные надёжные друзья. По своей скромной немногословности, ты мало говорил о них, да и сами они, как и ты, лишнего не скажут. Но душевная красота — ярче любых слов.

Один из них подарил мне на память небольшой камешек – горный хрусталь, чистый и прозрачный, как свет, как светлый людьми ваш город – Свищов.

Через два дня мы прощались, обменивались подарками, книгами, адресами. Было немного грустно...

...Стефан задумчиво вёл машину, а по обе стороны дороги быстро уплывали от нас необъятные красоты твоей, Иван, земли: далёкие горы, пылающие маками поляны и вблизи сельских домиков, утопающих в зелени – большие гнёзда белых аистов.

Здравствуйте Ольга Александровна,

Ваше пространное письмо сюрпризировало меня очень приятно. Спасибо за добрые слова, которые Вы написали обо мне, и моих друзьях, о городе Свищове и о Болгарии! В письме-эссе очень колоритно Вы описали поездки в Свищов и Велико Тырново. Это говорит мне, что для вас было интересно. Я постарался сделать все точно. А вы, наверно, утомлились. Извините меня за то. Большую помощь мне оказали: руководства города Свищова, мои друзья и моя семья.

Друзья верные — это правда — помогли мне от все сердца и души. Лъчезар Селяшки приехал из Сатовчи, деревне, которое находится почти на границе с Грецией, Кънчо Великов приехал из г. Павликени, Стефан Митев — поет, писатель, художник и музыкант и Диана Стефанова — поэтесса — из г. Горна Оряховица /недалеко В.Тырнова/, а Верба Попова, Бисера Друмева и Арсений Синджирлиев из Свищова. Я тоже 30 лет жил, работал и творил в Свищове. С 1998 года живу в мое родное деревне Алеково, 25 км далеко от Свищов.

Я благодарен всем воскресенским друзьям, которые так радушно приняли меня прошлом году в России. Поэтому просто по-человечески, я был должен создать «Щедрость». Но это мое скромное дело. Венок сонетов Дудина был уже переведен, когда Валя Атанасова решила опубликовать его в отдельной книге.

У меня к Вам просьба: разрешите публиковать Ваше письмо! Спасибо за медаль имени Елены Слободянюк! Желаю Вам и Вашей семье здоровья, улыбок и много цветов!

2018 год

Привет от моих друзей и до новых встреч! С уважением Иван Антонов * * *

Дорогая Ольга Я прочитала письмо, которое Вы написали Ивану, волновалась вместе с ним, слезы выступили на глазах. Вы прекрасно описали поездку в Свиштов, Велико Тырново и окрестностях. Поет есть поет! Я благодарна судьбе и случаю за знакомство с Вами, за сердечную дружбу. Яркий, нежный и так легко ранимый «Маков цвет» я всегда буду связывать с Вами.

Будьте здоровы! От всего сердца обнимаю Bac! Верба Попова

* * *

Дорогие Русские друзья!

Благодарю Вас за прекрасные мгновения! Поезия и музыка часть красоти нашего мира. Пусть все мы вместе сохраним это огромное духовное богатство!

С уважением: Бисера Друмева

На презентации книги И. Антонова «Щедрость», г. Свищов (Болгария)

ТРИ ДНЯ В КОИЛОВЦАХ

1

Стефан ждал нас в холле отеля «Балкан». Нам оставалось лишь взять из номеров собранные чемоданы и спуститься вниз...

И вот уже красота центра Плевена и окрестностей гостиницы сменяются новыми захватывающими сердце пейзажами.

Стефан, всегда очень опрятно одетый, внимательный и разговорчивый, — за рулём ведёт себя сдержанно. Изредка даёт пояснения по тем местам, которые мы проезжаем. Загородная дорога достаточно ровная, ехать комфортно, да и машина удобная. Стефан не подаёт вида, что немного волнуется, стараясь угодить гостям.

Октябрь, а жара такая, — что будто бы самый разгар лета. И только пожелтевшая листва да выгоревшая по обочинам дороги трава напоминают о настоящем времени года. «В этом году цыганский октябрь», — не раз слышала я здесь шутку и не сразу поняла её значение. Только потом сообразила, что очень тёплый октябрь, даже жаркий.

А в Плевене зацвели каштаны. Такой красы я ещё не видела: мне казалось, что весь город залит необыкновенным золотым светом, а каштаны с листвой и зелёной, и жёлто-рыжей, и огненно-красной являли картину всеохватывающего огня. И в этом зареве неожиданно расцвели непростые соцветья, нежные, молочно-белые, устремлённые к небу, как белые свечи.

Не по-октябрьски тёплый ветер срывал одинаково решительно и высохшие листья с деревьев, и только народившиеся хрупкие лепестки, кружа их по пешеходной улице, поднимая далеко ввысь и опуская затем в прохладу фонтанов. А вода в них, каскадами струящаяся вдоль по улице, принимала всё, что попадало в искрящийся на солнце поток, несла их дальше

и дальше, снова кружа, приподнимая в брызгах, пока странники не прибивались к какому-нибудь краю. И огромное количество голубей наблюдали это зрелище, участвуя в нём, купаясь, перелетая от одного фонтана к другому, опускаясь на холод камней, встряхивали белые крылья, чтобы избавиться от лишней воды и снова лететь.

Крупно цвели вокруг диковинные цветы, и вьющиеся плющи обвивали всё, за что можно зацепиться цепкими стебельками и свисали сверху вниз, то тут, то там, образуя зелёные, блестящие брызгами арки, так, казалось бы, неуместные в огненной осени.

- Олга, скоро приедем. Скоро Коиловцы! Стефан отвлёк меня от мыслей, уже почти ставших воспоминаниями.
- Да-да, отвечаю рассеянно. Как здесь красиво! разговариваю я почти сама с собой.

И, действительно, по обеим сторонам дороги необъятная ширь. Куда хватает взгляда — желтеющая и зеленеющая даль, разбросанные среди этой дали приземистые домики с одинаковыми коричневыми крышами, и вдалеке горы, утопающие в той же цветовой гамме, и там так же, как грибки, едва темнеют разбросанные по всему горизонту пологие крыши домиков.

– Вот и поворот. Видите, указатель! Это мои Коиловцы! –с гордостью объявляет Стефан. Он говорит по-болгарски, но мы понимаем.

На развилке среди высохшей почти добела травы красовалась большая табличка с надписью.

И вот мы в деревне.

Стефан, как и подобает гостеприимному хозяину, сам выгружает чемоданы, заботится, устраивая нас на жительство. Мы с Людой Чебышевой быстро разместились в уютной комнате на втором этаже, Леонид Анфиногенвич поселился по соседству. Наскоро переодевшись, мы с Людой почти выбегаем на улицу, чтобы оглядеться.

Стоял тёплый вечер. Было ещё светло, и мы, пошли, что называется, за околицу. Улица вдоль деревни, извиваясь, вдалеке скрывается в зарослях ещё зеленеющих акаций. Телеграфные столбы с краю дороги высоко держат несколько рядов натянутых проводов и уходят вдаль вместе с дорогой. Под лучами заходящего солнца играли светотени, выхватывая самые непредсказуемые световые превращения.

В густой траве доцветали последние цветы: вот белый пушистый одуванчик, дунь — разлетится по ветру белыми пушинками, вот голубые звёзды цикория на вялых стеблях, уже сникших и склонённых над густо переплетённым покровом сухой травы, вот розовые вьюнки — колокольчики, их стебельки-завитки спиралями тянутся вверх. Я не знаю, как в Болгарии называют эти цветы, наверно, совсем по-другому, но они такие же, как и у нас, в России. Рядом по резному листу широко разросшейся акации ползёт жирная красно-черная волосатая гусеница, такая, каких я видела в детстве в папиной деревне Коченяевке. И так светло вокруг, и так далеко видно эту радость земли. А там, где тонкой кромкой она соединяется с небом, медленно плывут белые облака...

Мы с Людой почти не разговариваем, только фотографируем и лазаем, лазаем по колючей траве, пока ещё не зная, что колючки, нацеплявшиеся на носки, обобрать не получится, и носки придётся просто выбросить.

Вот и болгарская деревня! Чудо какое-то! А, в общем, очень похожа на русскую. «Как же давно я не была в деревне», – думала я и жадно вдыхала чистую прохладу воздуха и впитывала все новые или очень забытые ощущения глазами, ушами, руками, сердцем...

После трагедии этого лета я была уверена, что никогда и ничто не сможет обрадовать меня. И вдруг, именно здесь, что-то произошло со мной, словно оттаял маленький кусочек большой льдины...

Пока мы с Людмилой Чебышевой созерцали красоты деревни Коиловцы, собрались наши друзья: Валя Атанасова, Лучезар с Жанной, и на летней кухне, прямо под открытым небом, накрывали стол, собираясь ужинать.

Валя худенькая, светловолосая, в костюмчике василькового цвета, в короткой юбочке, расспрашивала нас обо всём, не скрывая радости, рассказывала о себе, успевала помогать Стефану и в наступающих сумерках казалась порхающей светлой бабочкой. Валя в первый день нашего приезда подошла, улучив момент, к нам перед началом концерта, и вместо слов тихонько запела своим низковатым голосом: «Ой, рябина кудрявая, белые цветы...», — голос её дрогнул, мы поднялись к ней, обнялись, замолчав, и на глазах у всех стояли слёзы...

А потом она исчезла. И вообще мы за время нашего пребывания в Плевене с Валей и Стефаном виделись лишь мельком, после мероприятий, да по утрам и вечерам, когда они навещали нас в отеле.

Лучезар был рад встрече, но вёл себя с мужской сдержанностью. Жанна, его жена, смугловатая, с коротко подстриженными тёмными волосами и выразительными тёмными глазами поддерживала любой разговор, говорила тихо и ровно и оказалась очень общительной и милой женщиной. Вообще-то её настоящее имя, кажется, Жанет, но для простоты она разрешила называть себя Жанной, так, мол, проще. Стефан в спортивных шортах и футболке по-хозяйски распоряжался, и всё у него ладилось аккуратно и быстро.

В центре небольшого стола, накрытого белой скатёркой, красовалось большое блюдо со свежесобранным виноградом. Наливные грозди настриг Стефан прямо над своей верандой, куда они свисали, радуя глаз и пробуждая аппетит. На крупных ягодах блестели капельки воды.

Стефан лично ухаживал за гостями, угощал собственноручно приготовленным блюдом из мяса и овощей.

Текли полноводным ручьём разговоры... Было уже темно, но очень тепло, и никто не спешил расходиться. А поговорить было о чём. О жизни в Плевене и России, о стихах и книгах, о друзьях и не очень...

Стефан зажёг в саду большой фонарь, и всё вокруг осветилось необычным светом. Хвоя больших деревьев казалась бархатно-медной. Чуть подальше розовые циннии казались совсем необычными, с блестящими, точно восковыми, лепестками и гордо возвышались на упругих ножках. Рядом на стене горели ярко-красным пятном созревшие стручки перца.

А в стороне от стола играли котята, белые и пятнистые, они были сыты, и всё у них было хорошо.

В совсем потемневшем небе светил месяц.

Пролетел самолёт, оставляя тонкую полоску над высокими зарослями акаций.

Воскресенье

Я проснулась и огляделась. Комната свободная. У стены пристроена маленькая печурка. Тихо. Кажется, все спят. Спускаюсь вниз по ступенькам, одновременно рассматривая убранство дома. Полосатые половички. Сразу же вспомнила, что такие же половички давным-давно были и у нас в деревне. На площадке, где лестница делает поворот вниз, у Стефана устроен, я бы назвала, уголок памяти. На небольшом столике чего только нет!

Я застыла от изумления: портреты в рамочках, небольшой подсвечник, чернильница с пером, гжелевский сувенир, расписные глиняные горшочки с цветами из шёлка, бумаги, небольшая греческая амфора, бусы, шариковые ручки...и ещё и ещё много всяких вещиц, которые, видимо, дороги Стефану.

Стараясь не задерживаться здесь, спускаюсь ниже, осматривая на стенах целую галерею портретов...

А вот внизу большая ваза с цветами, привязанными к ним ленточками и другими штучками.

Надо же! Это же не дом! Это настоящий музей! А внизу – новые сюрпризы: на стенах в рамочках фотографии его семьи, детей, внуков, а вот фотографии, подаренные Стефану в Воскресенске. Вот, как он их бережёт! А вот – вырезка из газеты «Наше слово» с нашей общей фотографией на память! Узнаю себя на некоторых. Ну, и Стефан! Ну, и молодец!

Выхожу на улицу прямо под свисающими гроздьями винограда, оплетающими арку над крыльцом, и, спустившись, замечаю вдоль стены дома много цветочных горшков с цветущими розами. Кстати, розы растут и просто в земле. Море роз. Стефан очень любит цветы, особенно розы, и каждая из них носит женское имя. Встречаю Стефана. Он, улыбаясь, идёт навстречу.

- Олга! Доброе утро! Как спали?
- Спасибо, Стефан, Хорошо. А как зовут твои розы? Расскажи!
- Вот эта Валя! показывает он на жёлтую.
- А вот эту красную?
- Это Катя.
- А эту розовую?
- Эту? Здравка! отвечает он, улыбаясь в усы. Они с Петко у меня гостили.

У меня многие бывали в гостях. Я люблю, когда гости, – охотно объясняет Стефан, и глаза его улыбаются тихой, немного застенчивой улыбкой.

Вижу, а на круглом столике под деревьями, он уже начал готовить завтрак. На красной клетчатой скатерти в тарелке большими кусками нарезан белый хлеб. Аппетитный такой!

– Давай, Олга, кушай, что хочешь. Чай будешь или кофе?

Я объясняю, что погуляю немного, подожду, когда встанут все.

На пеньках от деревьев мелькает десяток котят, а Стефан стоит над ними и смотрит, как они, обгоняя друг друга, кусаясь и катаясь по траве, резвятся.

Выходит в сад Дудин, отдохнувший, в хорошем настроении в белой футболке с крупной надписью «ЛИТО РАДУГА»

- А вот и КГБ идёт! - засмеялся ему навстречу Стефан, и они, приветствуя друг друга, как братья, крепко обнялись. Стефан всегда в шутку называет Дудина «КГБ».

Солнце припекало, несмотря на то, что было рано. Решили стол перенести на веранду в тенёк и завтракать там.

Не успели мы допить кофе, как прибыли Лучезар Стаменов с Жанной, и он таинственно сообщил, что сегодня покажет нам рай.

3

Как мы с Людой Чебышевой ни пытали, куда именно и в какой рай мы поедем, Лучезар Стаменов не открыл нам тайну. Поэтому оделись понаряднее: Люда даже туфли на каблуках надела, а я – юбку – в пол, и мы двинулись в путь.

Ехали на машине Лучезара.

Сначала по просьбе Дудина навестили Кайлък-парк, озаривший его когда-то на венок сонетов «Цветы Болгарии». Немного погуляли вокруг обширного озера, насладились уникальными видами водоёма, небольшого островка, густо заросшего осокой, удивлялись белизной высоких скал, окружающих его, нежностью тесно жмущихся к берегам ивовых зарослей, опускающих в тепло воды ветви свои, которые при каждом дуновении ветерка легко взлетали над гладью озера.

Ласточки, распластав крылья, описывали круги, то опускаясь прямо к воде, то стремительно взлетая ввысь.

И над всем этим стояла утренняя тишина, изредка нарушаемая всплесками воды и криком птиц. Красота, да и только! Недаром, Дудин воспел в стихах эти места неповторимой античной стати:

* * *

Восходили громадой леса Над каньоном по имени Кайлька... Мне впервые себя стало жалко, Что живут без меня чудеса.

Еле тлеет белёсым огнём Среди елей за озером будка, Рядом крякнула дикая утка, Сожалея о чём-то своём.

Перед раем стою. Вдалеке
Облака над Гривицким
редутом.
Здесь, сейчас, лучезарное утро...
Белый дом. Словно дом
в молоке.

Двери, окна, терраса, цветы – И в объятия бегущая ты.

Я вдыхала полной грудью влажный воздух и не могла надышаться и нарадоваться простой земной красоте, которая так ненавязчиво лечит душу. Все мои переживания, до того не отпускавшие меня ни на минуту, немного отступали, уступая место для радости.

Сделав несколько снимков на память, мы поехали дальше.

Лучезар вёл машину, и она послушно мчалась вперёд. По сторонам дороги расстилалась необъятная земля с красотой необъятной.

Утро обещало жаркий день. По чистому небу далеко за горизонт плыли облака. Маленькие домики вдалеке, стада овец, коров, желтеющие поля, сложенные ровными рядами копны и стожки, а между ними темнеющие полосы освобождённой от урожая земли, тянулись, уменьшаясь, до самого горизонта. Иногда на полях виднелись лошади, запряжённые в телеги, люди, суетящиеся вокруг, ребятишки. Крестьяне завершали уборку полей, садов. И так утешительно было наблюдать эти картины труда, что хотелось ехать и ехать и, не переставая, любоваться природой и жизнью людей.

Предусмотрительная жена Лучезара Жанна взяла в дорогу бутерброды, сок, — и после нескольких часов езды решено было сделать остановку для отдыха. Перекусив, — через пару часов мы оказались на Крушунских водопадах. Это и был тот рай, который обещал нам Лучезар.

Оказавшись в упоительной красоте, мы, зачарованные, некоторое время сидели на лавочке, у озерца, в которое со всех сторон спешили по ступеням водопады. Так хотелось отдохнуть от долгой дороги, надышаться чистой прохладой заповедника, запечатлеть в памяти неожиданно открывшуюся благодать.

– Пойдёмте, пойдёмте, – подбадривал Лучезар, уже довольный произведённым на нас впечатлением. – Там, – показал он на вершины гор, – ещё красивее!

Дудин расположился в теньке на лавочке на самом берегу голубой красоты и объявил, что будет ждать нас здесь. Он уже расчехлил свой фотоаппарат и вовсю занимался съёмками. А мы с Людой последовали за Стаменовыми – Лучезаром и Жанной. Мы поднимались всё выше по крутым и узким тропкам, переходили узкие журчащие речушки по мосткам,

обходили огромные валуны, а вокруг струилась, булькала, шипела, брызгалась вода, спадающая откуда-то свысока, из густых зарослей колючих кустарников.

Редкие лучи солнца проникали сюда и узкими полосами освещали покрытые мхами камни, окружающие входы в пещеры и гроты, завешанные малахитовой бахромой ползучих трав, по которым скользила и растекалась, рассыпаясь миллионами брызг, многовековая вода.

На открытых солнцу местах суетились голубые стрекозы, ловко перелетая с камня на камень, выпархивали из густых зарослей птицы, пили воду, купались и, встряхнув крылышки, вновь исчезали в туго переплетённых ветвях. На одном из поворотов красовалась табличка «Крушунска скална обител на монаси отшелници (исихасти) 13-14в.»

Не дойдя до самого верха, отправились в обратный путь, и теперь нашим взорам открывались живописные картины долины, расположенной, казалось, далеко внизу, а мы находились очень высоко, почти наряду с облаками, и рядом с нами простиралось великое и очень синее небо...

Уставшие, спустились вниз. Люда еле шла в модельных туфлях на высоких каблуках, я случайно наступила на подол длинной юбки, и большой клок тонкой ткани оторвался, но мы были счастливы, что увидели Лучезаров рай — знаменитые Крушунские водопады.

Возвращались к Стаменовым. Неустанная Жанна приготовила ужин, и мы были окружены заботой и вниманием друзей.

В Коиловцы вернулись глубокой ночью, но Стефан не спал, ждал нас. И опять последовала долгая беседа о том, о сём и обо всём.

Чуть позже я записала в тетради строчки, посвятив их нашему доброму гиду Лучезару:

Льётся с неба вода, синевой истекая, Льётся с неба вода, тишину рассекая, Вниз по холоду трав, вся полна откровенья, Утекает вода нашей жизни мгновенья...

Там, где острые камни, крутые коренья, Миллион ручейков Разбивается звенью, Слышен голос отшельников, голос пророков Из намоленных мест, от библейских истоков.

Слышно пенье псалмов в голосах водопада, В них — мольба против зла, фарисейства и ада. Только жизнь и любовь. Их законы приемля, Льётся чистый поток на священную землю.

Сквозь ущелья и гроты в находках, потерях, Воздыхающей плоти земли очень веря... Все заветы храня, ниспадает лавиной И несётся на встречу С Крушунской долиной.

Ночь распыляла тепло, чуть заметный аромат зелени и цветов. Земля остывала от дневного зноя, а высоко над Коиловцами блестел узенький месяц.

Мы сидели среди этого чуда и не спешили расходиться.

4

Понедельник

Проснувшись, не знаю который час. Где-то пропел петух. «Это тоже было в моём детстве», – подумала я. Встаю и на цыпочках выхожу на маленький балкончик прямо из комнаты.

В Коиловцы пришёл рассвет! Быстро возвращаюсь за фотоаппаратом. Сверху хорошо видны белые дома, пышные, несмотря на осеннюю пору, акации, простор за селом. Иногда в густую зелень врываются яркие цвета краснолистных кустарников, и там, где земля соединяется с небом, цвета становятся лиловыми, красными, жёлтыми и, наконец, растворяясь, превращаются в рассветно-белёсый небосклон.

Потом из-за горизонта показывается солнечный диск, окрашивая кромку земли розовым светом, который становится всё ярче, и вот солнце красным шаром, торжествуя, выплывает над землёй, предвещая начало нового дня. Притихла земля, из гнёзд одна за другой выпархивали пташки, радуясь, солнцу. Жизнь продолжается.

Где-то охнула корова. «Надо же!» — удивляюсь я. «Всё, как в нашей деревне!»

Стефан уже хлопочет по хозяйству.

- Олга! Доброе утро! Я уже привёз вам свежего молока и хлеба!
- Да, ну? удивляюсь я.
- У нас своя пекарня. Каждый день пекут хлеб,- он смотрит на хлеб, на меня, и глаза его светятся добротой.

На столике уже стоял поднос с только что вымытым виноградом и тарелка с нарезанным белым хлебом, таким пористым и воздушным, про который говорят: «Хлеб дышит!»

Завтракали на солнечной веранде. Не успели подняться из-за стола, как пришёл друг Стефана Цветан Колев, писатель. Мы познакомились, оказывается, что его биография тесно связана с Россией.

После завтрака Стефан повёл нас познакомиться с селом, и не отставали от нас котята Стефана.

— Мэр — мой хороший друг, — рассказывал Стефан. А мы слушали и не знали тогда, что совсем скоро, через два с половиной года, познакомимся с Красимиром Ивановым, мэром села Коиловцы (ныне заместителем губернатора Плевенской области), узнаем его красивую и талантливую маму, которая занимается и выступает в фольклорном ансамбле.

Дальше планировалась поездка в город. Валя Атанасова и Катя Николова уже поджидали нас. Вместе мы посетили Собор Святого Николая, Мавзолей, прошли мимо здания театра, успев разглядеть афишу:

Гледайте Комедията Укротяване На Опърничавата От У. Шекспир. От 19. 00 часа.

Мне очень хотелось посетить театр, но понимала, что всего нельзя успеть.

Фотографировались возле фонтанов, взлетающих, кажется, выше зданий и выше цветущих каштанов. На балкончиках домов цвели цветы и свешивались вниз, необычных форм светильники также служили украшением улиц. Рядом, прямо на тротуаре продавались цветы, большое количество цветов.

Пройдя чуть дальше по улице, умылись в источнике, под изображением Девы Марии с младенцем и надписью:

1899-1999. Сто годин БЗНС тази народна чешма е осветена на 29 декември.
1999г. Няма сила, която може да спре устрема на един народ към свобода и независимост.
1949г. Д-р Г. М. Димитров

Здесь же играли дети, пытаясь поймать голубей, которые, привыкшие к людям, совсем ничего не боялись. Забавные, нарядно одетые двойняшки то и дело попадались на глаза.

Жители города, услышав русскую речь, часто останавливались, расспрашивали, откуда мы, как живётся в России, и многие вспоминали, что они сами, или их родственники, когда-то жили, либо учились, либо работали в нашей стране. У многих в России остались их друзья.

Вечером нас ждали Валя Атанасова и её муж Красимир, который входил в состав группы русских художников-баталистов, расписавших под руководством Николая Овечкина Панораму «Плевенская эпопея 1877года». В семье до сих пор хранятся палитры замечательного русского художника.

Собрались у них все: Стефан, Катя Николова, Лучезар, Жанна, и мы. Валя показала нам свою квартиру, показала уголок, где наряду со стихами Сергея Есенина стояли и наши книги, а также воскресенские сувениры. Вечер прошёл празднично, торжественно. В такой дружеской обстановке Леонид Дудин вручил Валентине Атанасовой медаль имени Елены Слободянюк.

Конечно же, Валя была несказанно рада награде. Все поздравляли её, говорили хорошие слова и радовались дружбе. Снова и снова мы говорили о презентации «Созвучия -2», которая с успехом прошла в Плевене и Софии (в Русском Центре), о презентации сборника стихов Леонида Дудина «Венок сонетов», о том, что привезённых им в Болгарию книжек всем желающим не хватило, хорошо, что были ещё и газеты «Воскресенск литературный» (Приложение к газете «Наше слово») с публикацией «Венка...», но и они были разобраны на «ура».

Поздно вечером нас ждали тёплые добрые Коиловцы. Вернулись к Стефану опять всей компанией. Вышли из машин и, остановившись под раскидистым грецким орехом, не сговариваясь, запели: «Ой, рябина кудрявая, белые цветы...», а потом «Белеет ли в поле пороша...», «Эх, дороги, пыль да туман...», «Подмосковные вечера», «Расцветали яблони и груши», и мелодия каждой песни была очень знакома всем, и слова вспоминались сразу, словно были выстраданы каждым...

Коиловцы давно спали, было тепло и тихо, и только мы не спешили расставаться, словно боялись чего-то не допеть, не досказать...

Леонид Дудин, в сторонке, переходя на шёпот, читал:

«Вроде те же деревья, поля... Только русское поле другое. Но и здешнее мне – дорогое, Дорогая до боли земля.

От неё не уйти никуда, Как уйти от неё ни старайся. Вызревает конечная трасса, И событий – своя череда.

Ты, Болгария, – Русь для меня. По прапра, по родителям,

внукам.

Пусть земля мне твоя будет пухом – Будет пухом России земля...»

Вторник

На деревенском воздухе так сладко спится, и едва солнце встаёт, спать уже не хочется. Тёплые дни продолжаются. Выхожу на улицу и рассматриваю снова и снова сад. Цветы весело тянут вверх шёлковые головки, нежатся на солнце, словно чувствуют скорый приход холодов... Стефан каждый раз, проходя мимо, то поправит веточку, то польёт из лейки, и обязательно приласкает взглядом.

А какое чудо его грецкий орех! Здесь я стала свидетелем рождения новых плодов. Толстая зелёная оболочка ореха неровно лопается, как скорлупа у куриного яйца, а там, внутри, совсем невзрачный на вид серовато-коричневый детёнышорех, весь опутанный тонкими волосками от материнской оболочки. Это ли не чудо?! Когда все встали, Стефан пригласил нас с Людой посмотреть его погреб.

Здесь ему было, чем похвалиться. Порядок, царивший у Стефана везде и во всём, царил и в погребе. На ровных полочках расставлены аккуратно укупоренные банки с вареньями, соленьями, и всё заботливо завязано, подписано. Конечно, по хозяйству помогают ему сын и дочь. Но какие же все молодцы!

- Ой, Стефан, что это? воскликнули мы с Людой, одновременно обратив внимание на один и тот же предмет, подвешенный к стене, овальной формы с продолговатым выростом.
- Кротуна это, Олга, кро-ту-на!
- Что это? он снял со стены кротуну, протянул нам. Плотная и тонкая оболочка, а внутри, видимо, пустая, так по звуку определили мы. Оказывается, это овощ такой, теперь он высохший. А раньше, пояснил Стефан, кротуны осторожно обрезали, и получались такие черпаки, ими пользовались в хозяйстве.

Здесь же хранились сухие травы, собранные в пучки и аккуратно развешенные. После экскурсии в погреб нас опять ждала поездка в город...

В уличном кафе нас ждали Валя и Катя. Мы немного посидели под тенью зонтиков и пошли на прогулку по замечательным местам Плевена. Во время прогулки встречаем друзей – литераторов Венету Николову и её мужа Генадия Николова, останавливаемся для беседы.

Недалеко дом – музей «Цар освободител Александър 2» А вот под открытым небом на большом камне высечена памятная налпись:

Музей освобождение то на плевен 1877
В резултат на петмесечни епични боевее
Руката и румънската армия разгромиха и
Плениха турската армия при
Плевен командувана от Осман паша и освободиха
града на 10 декември 1877.
В тази къща на 11 декември 1877
Година руският император Александър 2 при
Пленения Осман Паша Тук се е
Помещавал щабът на генерал М.Д. Скобелев от
11.12. до 22.12.-1877 Година

Не спеша мы обходим экспонаты времён войны.

В каштанах, пылающих под солнцем разноцветной листвой, дымились молочно-розовые соцветья.

Среди них памятники – «Император Александр 2 1818-1881», «Генерал Едуард Иванович Тотлебен», «Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев 1843-1882».

Вспомнилось:

Давно заглохли громы пушек, Но битву тех победных дней Не перестанет сердце слушать И сказы новые о ней.

Какими были генералы — Не нам судить, не судьи мы ... Погибшие не знают срама, Они не ведают вины.

Но знать, что в плевенских каньонах, На Шипке и среди равнин Славянский дух на всех знамёнах — Могуч, высок, непобедим.

Обходим места боевой славы, одинаково преклоняя головы, и мы, и наши плевенские друзья, пронзительно чувствуя нашу общую неразделимость...

Вечером все собрались снова у Стефана на летней кухне: моя «незабравимая подруга» Валя, Лучезар с Жанной, Катя. Все были в хорошем настроении. Стефан сам приготовил прощальный ужин, сам угощал, и, хотя мы старались ему помогать, в основном всё делал он сам. Оказывается, он умеет готовить вкусные блюда!

Ай да Стефан! На все руки мастер!

Мы рассматривали достопримечательности помещения. Стены украшали картины, здесь женские и мужские портреты, диковинные птицы, картины мазками, где можно лишь догадываться об изображениях, чеканка «Мальчик, играющий на дудочке».

На полу — вазы с цветами, капроновыми бантами, лентами, детскими игрушками, старая керосиновая лампа, настоящий паук в настоящей паутине, старая вешалка с различными шляпами и шляпками.

Обилие этих забавных вещей, приятная дружеская компания, тёплый вечер, играющие здесь котята, залетающие с улицы на свет прозрачные мотыльки, — всё создавало необыкновенно светлую атмосферу общения. Мы по очереди читали стихи, произносили тосты, шутили и смеялись. Долго — долго пели песни, общие, одинаково любимые нами и наши болгарскими друзьями. Дудин читал свои стихи о Болгарии, «Венок сонетов». И, несмотря на то, что Люде и мне он подписал свои книги именно здесь и собирался здесь их подарить, но они непонятным образом исчезли.

И не хотелось говорить и думать о политике, хотелось просто знать, что мы очень дороги друг другу.

И слова наши, и взгляды были искренними и говорили только о том, что завтра, уезжая, увезём с собой тепло сердец Стефана, Вали, Лучезара, Кати и Жанны и ещё многих наших друзей из Плевена, навсегда оставляя частицы своих душ здесь, в доме Стефана и незабываемых Коиловцах.

В гостях у Стефана Моллова

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗЕМЛЮ РЯЗАНСКУЮ

1

Погодные метаморфозы этого года удивили не только наших теплолюбивых болгарских друзей, но и всех нас. Середина июня — пора бы и теплу порадоваться, — но празднование Дня России, Дня города, и все намеченные мероприятия прошли — увы! — в обстановке прохлады, ветров и дождливости. Даже сегодня, когда пишутся эти строки, неумолимо приближается «макушка» лета, середина июля, а за окном — всё тот же моросящий дождь, серость и неутихающий шум ветра. Прямо-таки катаклизм какой-то природный!

В один из таких дней 13июня мы с нашими друзьями отправились в интереснейшую поездку в Рязанскую землю, чтобы посетить Рязанский Кремль и село Константиново – родину Сергея Есенина. Упрямо не переставал моросить дождь, но, конечно же, он никак не мог испортить общего радостного настроения.

Не буду скрывать, что я не-мно-го опаздывала... Ну, честно, друзья, мне за это очень стыдно, это плохо, когда «семеро ждут одного», но у меня на каждый случай имеются оч-чень уважительные причины. И я не обижаюсь, когда меня поддразнивают (на болгарский лад) в зависимости от причины: то «Олга – которая спит долго», то «Олга – которая фотографирует долго», то «Олга – которая ходит долго» и т. д..

А сегодня была самая уважительная причина: я до трёх часов ночи искала газеты и книги, которые больше года готовила к приезду болгарских гостей и убрала их в самое хорошее место...

...Маленький автобус был уютен, и, несмотря на дальнюю дорогу, время за разговорами и шутками, обсуждением книг и событий бежало незаметно.

То тут, то там вспыхивал смех, который дружно подхватывали все. Радость ехала вместе с нами...

Стефан не выпускал из рук книгу «Поэты о поэтах» (издательство «Серебро слов»), в которой было опубликовано его длинное письмо, полное слов благодарности и восторга, написанное после первого посещения Воскресенска.

Он был несказанно рад, перелистывал книгу взад и вперёд, громко говорил по-болгарски, показывал пальцем напечатанное своим друзьям, и вместе они восторженно говорили о написанном.

Потом он оглянулся на меня, улыбаясь добрыми глазами, спросил: «Олга! А почему мне две книги?» И уяснив, что точно обе предназначены ему, гордо объявил всем: «Одну в библиотеку отдам! В Коиловцы!» Потом, пониже надвинув на глаза лёгкую шляпу и усевшись в кресле поудобнее, он медленно, с интересом много раз перелистывал книгу, пряча в усах свои неутихающие эмоции.

Удивительно хорошенькая Валечка Атанасова, перебирала газеты и, обнаруживая в них публикации болгарских поэтов, не скрывала восхищения. Её пышные светлые волосы красиво обрамляли лицо с чуть подкрашенными губами, постоянная улыбка сегодня выглядела ещё обворожительней. Бодрая и неунывающая, как всегда, она успевала всем уделить внимание, а её кроткое и частое «не притесняйся» (не стесняйся – болг.) искренне и быстро располагало к себе каждого. Все с удовольствием разглядывали страницы «Воскресенска литературного», наперебой цитируя и комментируя их.

...Марьян был занят съёмками на всём протяжении пути, он мало отвлекался, и только для того, чтобы показать удачный кадр. Особенно ему понравился памятник Огурцу, что на въезде в город Луховицы, от неожиданности он долго смеялся и показывал снимок всем, кто не успел увидеть необычный объект во время движения.

Иван Антонов был сдержан, он у нас впервые, больше слушал, чем говорил, но разговоры поддерживал охотно и дружелюбно.

...А вот и Рязанский Кремль. Выходим из автобуса, открываем зонты и от Соборной площади отправляемся в историю города и кремля.

2

Рязанский кремль встречал нас приветливо и тихо. Посетителей, а с ними и суеты, — не наблюдалось. С утра не переставал моросить мелкий дождь, но это никак не могло испортить благостного настроения.

...Поездка в Рязанский кремль входила в план приёма литераторов из Болгарии по инициативе руководителя ЛИТО Леонида Дудина. «Посетите этот замечательный город, – предложил он, – красота необыкновенная. Сожалеть не будете».

Он там, в трёхстах метрах от кремля, окончил военное училище, а в километре от Константиново, за Окой, был Селецкий полигон, где курсанты в летних и зимних лагерях осваивали боевое мастерство, готовясь к офицерской службе.

...Рязанский кремль — древнейшая часть города, историко-архитектурный музей-заповедник под открытым небом, один из старейших музеев России. Именно на месте кремля в 1095 г. был заложен город Переяславль-Рязанский (в 1778 году в результате административно-территориальных реформ, проводимых Екатериной II, он был переименован в Рязань, а в 1796 году стал центром Рязанской губернии). Расположен на высоком обрывистом холме, окружённым реками Трубеж и Лыбедью.

Интересно было и нашим болгарским гостям, и нам, кто был здесь впервые, и не впервые, – ведь с каждым посещением открывается что-то новое.

Экскурсовод вела нас в глубь Кремля, рассказывая небольшие истории о каждом храме. Мы прошли по Глебовскому мосту, подивились красотой храма Богоявления, величием Спасо-Преображенского и Успенского Соборов, изяществом храма Святого Духа. Существенно отметить, что зодчий Василий Зубов, вопреки обычной чрезмерной скромности русских строителей, надписал на камне свидетельство о своем авторстве на церковь Святого Духа и заложил этот камень над её порталом.

Часть этого камня была недавно найдена, а полная его надпись гласила: «Лета 7150 (1642) совершена была сия церква при архиепископе Моисее Рязанском, при игумене Севастиане. А мастер был Соли Галицкой Василий Харитонов сын Зубов». Читай: из Солигалича!

Храм необычайно украшает панораму города своим нарядным силуэтом. Мы долго фотографировались у Соборной колокольни, любуясь её великолепием: четыре ангела трубят в небо! Жаль, что пасмурно было, в лучах солнца это зрелище красовалось бы ещё эффектнее.

Узнали, что на территории храма в свое время располагалось самое богатое кладбище Рязани. В 30-х годах прошлого века оно варварски было уничтожено, но ряд захоронений все-таки сохранился.

Мы прошли по Галерее ко Дворцу Олега. Он был построен в XV-XVII веках в память самого известного рязанского князя — Олега Ивановича (в схиме Иоаким, княжил с 1350 года, умер в 1402). Здесь располагались палаты рязанских архиереев — жилые палаты, домовая церковь, хозяйственные службы.

...Под аккомпанемент то утихающего, то опять набирающего силу дождя мы всё-таки осмотрели все постройки, предложенные экскурсоводом: гостиницу Знати, Дом Черни, «Солодовенные палаты», Певческий корпус, археологический раскоп, Дом Причта, где располагается библиотека Рязанского кремля,

а также Консисторский корпус — здесь находилась судебная палата, ныне — церковный архив и экспозиции музея.

...Несмотря на мрачную погоду, мы все много фотографировали, чтобы увезти с собой частицу богатой истории кремля. После вкусного обеда, нас ожидало ещё одно путешествие по рязанской земле — в село Константиново, на родину поэта Сергея Есенина.

Теперь уже хлынул проливной дождь и не переставал до самого Константинова, но с приездом в село стало выглядывать солнце, и всё казалось ярким и контрастным. Обозначилась внизу река — Ока, её пойма, засияли леса за поймой, просматривались в левой части открывшейся панорамы прямоугольные пятна серых крыш села Сельцы.

3

...После смерти Сергея Александровича Есенина поклонники его творчества от железнодорожной станции Дивово до села Константиново (14км) добирались чаще всего пешком. Мать поэта — Татьяна Фёдоровна, а затем сёстры Александра Александровна и Екатерина Александровна в есенинском доме встречали многочисленных гостей. Так в завёденных тетрадях для отзывов появились тысячи записей с пожеланиями открыть в Константиново музей поэта.

Музей открылся 2 октября 1965 года как филиал Рязанского областного краеведческого музея, превратившись за годы в один из крупнейших музейных комплексов страны. Сердцем музея-заповедника был и остается дом родителей Сергея Есенина. В прихожей – уголок поэта. У окна – деревянная кровать с одеялом из пёстрых лоскутов. Рядом – сундучок, хранивший книги любимых писателей. На вешалке у постели – шуба матери, которую сын называл шушуном. На стенах – семейные фотографии.

Привлекает внимание «Похвальный лист» «Ученику Константиновского сельского училища Рязанского уезда Есенину Сергею Александровичу за весьма хорошие успехи и отличное поведение, оказанные им в течение 1908 — 1909 учебного года». В 1909-1912 годах Есенин учился в церковно-учительской школе Спас-Клепиков.

В октябре 1969 года в сохранившемся усадебном доме помещицы Л. И. Кашиной была открыта литературная экспозиция, позволяющая более глубоко и подробно вести рассказ о жизни и творчестве С.А.Есенина. Сейчас усадьба Кашиной является частью Государственного музея-заповедника С. А. Есенина, в ней находится музей поэмы «Анна Снегина».

...Восьмидесятые годы отмечены построением новых музейных экспозиций, в том числе и в церкви Казанской иконы Божией Матери (здание храма с начала 1972 года было включено в состав музея). В 1990 году по ходатайству прихожан села Константиново церковь возвратилась Рязанской митрополии. С этого момента храм стал действующим.

...О дорогих сердцу местах Леонид Дудин написал так: «Более полвека назад я впервые оказался в этих радостных для меня местах. Здесь проходила моя курсантская юность. Три лета мы жили на той стороне Оки в Сельцах, напротив села Константинова.

Мы росли романтиками. И вопросы о посещении Константинова были излишними. Мы молча приходили обратно в курсантские палатки и не обсуждали тему похода. Каждый взрослел сам по себе... В те времена в программах средних школ Сергей Есенин как поэт лишь упоминался. А у меня не вылетало из головы:

«Выйду за дорогу, выйду под откосы, — Сколько там нарядных мужиков и баб!» Свободолюбие — подарок от Бога. Пламя любви, драм и трагедий — от матери... Нас, курсантов, в ту пору иногда привлекали на копно- и стогометание.

Тогда вся пойма превращалась в один великий праздник труда, поэзии небес и земли. А лики рязанских красавиц — неотразимы, неописуемы. Это «лики есенинской поэзии», лики самой Руси».

...Мало-помалу распогодилось. Солнечные лучи из-за облаков освещали бесконечную ширь и даль берегов, овражистую местность, делая её более рельефной и выразительной, густо цвели и благоухали травы.

Белые стволы берёз вокруг, казались, побелели ещё больше. Ветер срывал с них капельки дождя, и они слетали вниз, на наши плечи и головы, от прикосновения рассыпаясь веселыми искрами у нас под ногами. Разговаривать не хотелось, каждый думал о своём, стараясь сохранить в памяти частичку обаяния есенинской земли.

4

...Вечерело, когда мы все, немного уставшие, возвращались обратно.

Виктор Иванович что-то рассказывал Стефану Моллову, и тот, сняв шляпу, крутил её в руках и внимательно слушал. По всему видно было, что он очень доволен. Лучезар Стаменов что-то обсуждал с Чавдаром Лукановым, его малоразговорчивая жена Жанна задумчиво глядела в окошко на убегающие цветущие поляны.

Елена Юрова и Галина Васильчук негромко переговариваясь, перебирали газеты, Валентина Атанасова показывала Марине Золотовой приобретённые сувениры и укладывала их аккуратно в сумочку.

Сергей Глебов беседовал с Иваном Антоновым. Мариян Тодоров, не переставал фотографировать всё, мимо чего проезжали, временами он восклицал и показывал Вере Бернат снимки в планшете...

Вдруг неожиданно, как разрядка тишины, прокатилась по автобусу взрывная волна смеха. Это, глядя в окно на мелькающие названия деревень, кто-то припомнил нашу поездку по весям Болгарии и показавшееся тогда смешным название «Опа-нец». Все дружно рассмеялись, оживились, зашумели, а уж когда кто-то воскликнул: « Смотрите-ка: река Во-бля!», — тут уж, точно говорят, что «смешинка в рот попала»...

И, как рукой сняло усталость, и вновь потекли разговоры и воспоминания.

...А у меня под равномерное урчание колёс начинали складываться строки будущего стихотворения:

1

Край — Рязанщина. Константиново. Купол церкви. И неба гладь. Куст сирени. Изба старинная. Божья радость — ни дать, ни взять.

Даль такая, что сердце ёкает, Ширь без края— не обойдёшь, Высь бездонная, высь глубокая, Прикоснёшься— и в теле дрожь...

Что таишь в себе, Константиново? Что таит твой большой покой? И о чём в облаках рубиновых Грай грачиный по-над Окой?

Где, учитель, года бесстрашные, Рукопашный рязанский след?.. ...За рекой – две рябины красные, Да ожоги курсантских лет.

Луговые цветы узорами Рассыпая медовый дым, Растекаются над просторами Восхищением молодым.

То молитва, то песня слышится, Под гармошку весёлый свист... Пляшут бабы в нарядах вышитых, В кепке с маками – гармонист...

С образов глядит грусть бесценная... И волнуется, и зовёт Болевая строка Есенина – Откровенья высокий взлёт.

Константиново. Цветь рязанская. Школа. Липы. И неба гладь. Белый тополь. Изба крестьянская. Божья радость — ни дать, ни взять...

Сегодня, прощаясь с рязанской землёй, каждый из нас восторженно принимал таинственную ауру старинного кремля, а также села Константиново вместе с необъятной панорамой Оки и заокских лесов, не спеша уходящих в припечаленный горизонт.

2017 год

ИНТЕРВЬЮ

МОИ СТИХИ – ЭТО НЕ ДНЕВНИК

(Интервью записал Сергей Глебов)

Ольга Новикова — фельдшер станции скорой и неотложной помощи имени А.С. Пучкова города Москвы Медицину можно смело назвать её призванием. Но даже коллеги порой говорят: «Завтра смена Беллы Ахмадулиной». Ольга — автор нескольких книг стихов. Её перу подвластно увлечь и взрослых, и детей. «Мои стихи — это не дневник, но там немало личного», — признается автор. Может быть, в этом и секрет успеха?

С детства я хотела стать либо учителем, либо врачом. И в школе, начиная с 4 класса, я состояла в санпосту школы. Мы проходили обучение (военная подготовка, первые медицинские навыки, история медицины, лекарственные травы), которые проводила на протяжении многих лет школьный фельдшер Елизавета Степановна Черныш. Мы принимали участие в городских, районных, областных соревнованиях, и наша школа № 4 часто занимала призовые места.

Это было не единственным моим увлечением. Учась в старших классах я была юнкором «Экспресс-ровесника», молодежной странички районной газеты «Коммунист». На первую просьбу к пишущей молодежи откликнулось немало ребят. Только из нашей школы пришло трое девочек, но вскоре я осталась одна. Журналистикой с нами занимался Вячеслав Самарцев. Тогда же при газете «Коммунист» я отучилась на двухгодичных курсах « Молодого журналиста» и получила удостоверение.

Какие темы были востребованы?

Мы писали о школьной жизни. Вячеслав Иванович учил нас, как сделать заметку интересной, редактировал наши работы. А первой моей публикацией было стихотворение.

Едва я вернулась из редакции домой, как раздался звонок и наставник похвалил мою работу: «Ольга, ты молодец!». Для меня это стало приятной неожиданностью. Успех поддержал мое стремление писать еще и еще. Меня поддерживали учителя русского языка: Маргарита Алексеевна Баранова и Александра Федоровна Богатырева. Их помощь помогала моему продвижению.

В те времена было модно читать. Ты тоже читала с увлечением?

Конечно! Философия, рассуждения привлекали далеко не всех, а для меня человеческие взаимотношения были любимой темой. Я очень любила читать прозу. Любила то, что не очень увлекало сверстников: И. Тургенев, М. Горький, А. Куприн, И. Бунин, А. Толстой...

А настольной книгой для меня были стихи Сергея Есенина. Впервые, как и все, я прочитала его произведения еще в начальной школе, но любовь к его стихам не угасала. У меня было подарочное издание, с красивыми иллюстрациями. Эта книга была вне конкуренции.

И все же медицина пересилила.

У меня всегда было желание помогать людям. Медицина здесь подходила идеально. Среди множества медицинских училищ я выбрала фельдшерско-реанимационное, в Останкино. Мне безумно нравилась и теория, и практика.

Сокурсниц нередко удивляло, как мне всё легко давалось: «Как ты всё успеваешь? Тебе только до училища три часа ехать!»

Многие были убеждены, что я зубрю. У меня была прекрасная память: достаточно прочитать утром в электричке лекции, чтобы быть готовой повторить всё слово в слово. А чтобы никто не считал, что я просто механически запоминаю, то в ответах старалась заменять, где возможно, урок своими словами.

A cmuxu?

Стихи я писала все равно. Детские впечатления, первая влюбленность... Потом, когда вышла замуж, и появились дети, собственное творчество отошло на второй план. А, когда ребята подросли, и я почувствовала, что образовалась ниша, появилось свободное время. Я снова стала писать.

Возобновить свое сотрудничество с районной газетой помог случай. Во время ремонта в квартире я почувствовала резкий запах. Газ! Аварийная служба не заставила долго переживать, да и неполадку устранили очень быстро. Чтобы отблагодарить бригаду, я обещала написать про них в газету. Когда заметка была готова, я пришла с ней в редакцию.

Меня встретил Владимир Назаров, который с готовностью взял мою работу: «У нас чаще жалуются. Думаю, что ваша благодарность будет интересна читателям». А еще я поинтересовалась, печатают ли в районке стихи. На следующий день я снова была в редакции. Владимир не только восторженно оценил мои творения, но тут же решил меня познакомить с Александром Супруненко. Александр Мефодьевич прочитал и помимо благожелательной оценки поинтересовался, есть ли еще стихи, можно ли сделать «подборку»?

Через месяц появилась публикация с моими стихами. Его редакторская рука мне была видна.

Это не обидело?

Критику, замечания к рифмам и ритмике я принимала, понимая ценность этих слов. Мне в жизни везло на людей. Которые меня поддерживали, а не «отбивали руки». Очень тепло отнесся ко мне Анатолий Сальников, детальный разбор моих стихов на одном из первых для меня заседаний «лито» сделал Сергей Глебов.

Помню, как слушал мое выступление Леонид Дудин. Я оставила в тетрадке закладки с теми стихами, которые хотела прочесть. Выбор сделала в пользу пейзажной лирики.

О любви публикаций в «Литературной странице» почти не было, и я считала, что это не принято (а ведь таких произведений было много!). Леонид Анфиногенович слушал, закрыв глаза, и только возникала пауза, говорил: «Читайте! Есть еще? Читайте, читайте...». А потом все делились своими мнениями, высказывали пожелания. Я могла не согласиться с замечаниями, но чтобы обидеться — такого не было. Это мои стихи, я их люблю

Помнишь выход первой книги?

Это был большой праздник! Раньше мне казалось, что книги пишут небожители. Мне даже в голову не приходило, что я могу это сделать. Работа оказалась непростой. Редактировал поэтический сборник «Я любовь назову твоим именем» Леонид Дудин. (Так же как и «Маков Цвет» и последующие книги).

Он черкал безжалостно. Хоть я и не обижаюсь, но однажды не выдержала и почти заплакала: «Вы знаете — это мой труд, я над стихами работала!». «Хорошо, что труд. Значит, ещё напишешь», — парировал он. Мне казалось тогда, что второй раз я так хорошо не напишу. Леонид Анфиногенович научил, так что сейчас могу смело вычеркивать строки, строфы, пойти по другому пути, я стала смелее.

Теперь ты и сама нередко выступаешь в роли редактора. Это и работа в газете «Воскресенск литературный», и альманахи «Воскресенск — моя родина светлая...», «Созвучие», издания «Серебра слов»... Хватает на всё времени?

Главное — желание. Время обязательно найдётся. В электричке на работу я еду полтора часа. Редакторская работа мне доставляет удовольствие. Да и время бежит быстрее. А если дома, то работаю ночью.

Днём у меня женские заботы, внуки Дима и Сонечка. Диме — шесть лет, он — помощник, Сонечке — годик и уже прорезалось два зуба.

Теперь читатель вправе ждать стихи о Соне? (Ольга Новикова — автор детской книги «Стихи и картинки для мальчика Димки»).

Возможно.

Работая над переводом детской книги болгарской поэтессы Валентины Атанасовой «Знайко-Познайко» ты пригласила в качестве художника свою одноклассницу...

Татьяну Немову. Я сохранила в памяти впечатления от «воздушности» её школьных рисунков, поэтому и попросила о совместной работе над книгой. Сейчас графика Татьяны стала зрелой, отработанной. Она вдохновилась стихами и работала с удовольствием.

А в этом году у меня большая радость: детишки Болгарии прочитают мою книгу «Стихове и картинки за момчето Димка» в переводе болгарского поэта Валентины Атанасовой.

Ольга Новикова еще и автор нескольких фотовыставок.

Это увлечение тоже родом из детства. Я несколько лет занималась в фотокружке ДК «Химик» у Валерия Титенкова. Мне безумно нравится фотографировать. Момент, схваченный фотографом, никогда не повторится, а на пленке, на фотографии он остается. Но описать словами увиденное, мне нравится больше. Это мне ближе.

Сейчас готовится к изданию особенная книга «Протоиерей Александр Сайгушев. Жизнь». Писать про отца трудно?

Очень трудно. Я даже не ожидала, как это будет трудно. Половина книги писалась легко, быстро (два года! – примечание автора). Это – моё детство, молодые родители, наши мечты, планы, радости.

Дальше – труднее. Ведь и я стала взрослее, стала осознавать, что жизнь – это не только радостные впечатления ребёнка. Взрослые живут в несколько другом мире, дети отгорожены и немного не понимают его.

Осознание того, в какой обстановке приходилось служить отцу приходило и в процессе создания книги. В 70-е годы прошлого века были уже «потепления» в отношении религии, но гонения не прекращались. В книге я привожу немало таких примеров. Нельзя было крестить детей, а с такими просьбами к отцу обращались. Отказать он не мог. А уже завтра могла нагрянуть милиция.

Священнослужителю нужно было соблюдать законы, но не идти наперекор своей совести. Он пришел в этот мир, чтобы нести свет веры людям. Нести веру, чтобы дети крестились, чтобы браки были благословлёнными, чтобы люди уходили по-христиански отпетыми...Работая над второй частью книги я заново переживала всё то, что, казалось, осталось в прошлом. Переживать осознанно, а не как много лет назад. Конечно, были и слёзы...

Я собрала истории священников, отсидевших в тюрьмах и лагерях. Все они находили приют в доме отца. Работая над книгой, я многое уточняла у мамы, но даже она не знала всех событий. Отец не посвящал её в эти темы, жалел.

Думаю, что в этом году читатель увидит мой труд.

Чем сейчас живёт Ольга Новикова?

Каждый творческий человек живёт любовью. Когда кончается любовь, тогда кончается жизнь. У меня самая большая любовь — внуки, дети, мама. Пока мама жива, я чувствую себя защищенной, будто я по-прежнему маленькая девочка.

ДЕНЬ МАЛЕНЬКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

(Интервью записала Анна Зимина)

2 апреля Россия отмечает Международный день детской книги. Эта дата отмечена в честь детского писателя Г.Х. Андерсена Международным советом по детской книге в 1967 году. Основатели праздника подчеркивают, что культура чтения формируется уже с малых лет, поэтому важно, чтобы ребенок читал хорошие книги. В свою очередь задача детских писателей формировать духовный и интеллектуальный облик новых поколений.

В Воскресенске есть много талантливых поэтов и писателей, в том числе детских. В честь праздника мы пообщались с детским поэтом Новиковой Ольгой Александровной.

Член-корреспондент Академии Российской словесности, член Союза писателей России, ответственный секретарь газеты «Воскресенск литературный».

Автор поэтических сборников «Я любовь назову твоим именем», «Маков цвет», книги «Протоиерей Александр Сайгушев. Жизнь».

Печатается в международной, центральной и местной прессе. Многие стихотворения переведены на болгарский язык, многие – положены на музыку и стали песнями.

Правлением Международной федерации русскоязычных писателей награждена медалью «Мастер словесности» и другими государственными и общественными знаками отличия.

По образованию – медик. Трудится на Станции скорой и неотложной медицинской помощи.

Ольга Александровна, кто Вы по профессии и как начали писать стихи? Скажите, поэзия — это ваше хобби? Почему адресатом своих произведений Вы выбрали ребенка?

Стихотворения я начала писать рано, когда училась в младших классах школы № 4. Одно из моих первых стихотворений было посвящено первой учительнице Чернышовой Валентине Петровне. Конечно, оно было далеко не совершенным, но она хранит его до сих пор. В старших классах учителя литературы Баранова Маргарита Алексеевна и Богатырёва Александра Фёдоровна всячески поощряли мои поэтические труды, и мне в этом очень повезло.

Когда занимаешься любимым делом долго и серьёзно, — оно из хобби непременно перерастает в потребность и необходимость.

Иногда хочется отвлечься от взрослых проблем и ненадолго попробовать снова стать ребёнком, вернуться в детские мысли и переживания. Так рождаются стихотворения для детей.

Как пишутся стихи? Это мучительный труд, когда отшлифовывается каждое слово и продумывается каждая обыгрываемая в стихотворении ситуация? Или это легкий процесс, спровоцируемый вдохновением?

Написать стихотворение — это, безусловно, великий труд, но не мучительный, а радостный. Отрадно, начиная с вдохновения, приложив работу мысли (а у поэтов мысли в постоянной работе, поиске), получить желаемый результат. Сразу хочется с кем-нибудь поделиться написанным.

Есть ли запретные темы, на которые детский поэт или писатель, как Вы думаете, не имеет право разговаривать с ребенком?

Для детей можно писать на любые темы. Другое дело: в каком возрасте, как их преподносить, в каком объёме, ракурсе и т. д., хотя, я думаю, для каждого жизненного этапа есть темы наиболее предпочтительные.

А вообще герой детского произведения – какой он, какими качествами обладает? Каков адресат именно Ваших стихов?

Есть детская литература, её создают дети. Есть литература, которая создаётся взрослыми авторами для детей. Конечно, отличия между ними существуют: дети более прямолинейны, непосредственны. Взрослый автор старается проникнуть в жизнь маленького читателя, а юный автор в ней живёт...Это существенная разница.

Герой детского произведения может быть любым, обладать любыми качествами в зависимости от темы произведения, но главное — его духовный мир должен быть понятен читателю.

В чем принципиальное отличие детской литературы от взрослой?

Детская литература отличается от взрослой тем, что, у детей разного возраста по-разному развито логическое мышление, и там, где взрослый читатель может додумать и допонять, ребёнок может не уловить смысла вообще или, что ещё хуже, понять неверно, извращённо. Поэтому, приходится очень аккуратно подбирать каждое слово, бережно относясь к маленькому читателю.

И ещё: от того, как мы преподнесём материал, будет формироваться осознание мира маленьким человечком. Взрослый же читатель уже осознал мир, и может решить самостоятельно, принимать или отвергнуть предложенный ему текст. И, конечно же, произведение должно быть написано искренним доверительным языком. Иначе общение с читателем не состоится.

Кого из современных детских поэтов Вы можете выделить?

Литературное воспитание невозможно без добрых русских народных сказок и потешек, а также сказок А.С.Пушкина, стихотворений А.Барто, К.Чуковского, С.Маршака, далее Пришвин, Бианки, Толстой...

Из современных писателей я бы назвала Наталью Листикову, действительного члена Академии Российской словесности. Её книги – мир сказок, мифов, приключений.

В Воскресенске есть много талантливых писателей и поэтов, да и вообще литературно одаренных людей. Кроме того, есть литературное объединение «Радуга». Но при этом мало воскресенцев знает об их существовании. В то время, как в крупных городах (Москве и Санкт-Петербурге, например) такие люди у всех на слуху, имеют свой уровень популярности и признанности. В чем причина различия в отношении к писателям читателей крупных городов и маленьких?

В Воскресенске много талантливых поэтов и писателей, многие из них — члены Союза писателей России. Наше литературное объединение им. И.И. Лажечникова, которым руководит известный поэт и писатель Л.А. Дудин, решением Президиума Международной Федерации русскоязычных писателей награждено орденом «Культурное наследие» (единственное ЛИТО в России) за весомый вклад в русскую словесность и национальную культуру, а также занимает второе место среди литературных объединений области, развивает международные связи.

При районной газете «Наше слово» ежемесячно выходит приложение «Воскресенск литературный», периодически выпускается альманах «Воскресенск — моя родина светлая», редактором которого является член Союза писателей и журналистов России В. И. Лысенков. Каждый год члены нашего литобъединения выпускают или свои новые книги, или совместные сборники, которые можно увидеть в библиотеках, музеях и школах города.

Если и дальше говорить об известности наших авторов, то могу заметить, что каждый год в школе № 4 (я в ней училась) дети разных возрастных групп под руководством классных

руководителей, учителей литературы пишут сочинения, делают доклады и сообщения о поэтах и писателях своего города и района. Полагаю, что это делается и в других учебных заведениях. Поэтому недостатка известности мы не испытываем. Напротив, в небольшом городе, как Воскресенск, гораздо проще быть известным и узнаваемым. А если нас не знают где-то в Зашугомье, то мы не находим в этом особой печали.

Расскажите о сборнике, в который вошли Ваши произведения? Кому принадлежит идея создания? Произведения каких авторов в него вошли?

Сборник стихотворений для детей, в который вошли мои произведения, скоро увидит свет. В него вошли авторы многих городов России. Замечательно, что находятся люди, готовые проявлять инициативу по выпуску подобных изданий. А о том, насколько сборник интересен, судить маленьким читателям...

И напоследок процитируйте, пожалуйста, какое-нибудь свое произведение нашим читателям...

Дима и Соня в усадьбе Кривякино, 2020

ВНУКУ ДИМЕ

По траве, как по волнам,

Прыгаешь ты ловко,

Белая головка.

Радость в парке заветном

Мельтешит по сторонам

Среди белого дня В сарафанчике летнем

ВНУЧКЕ СОНЕ

Обгоняет меня.

Ты мой цветик луговой, Маленькое солние,

Разыгрались над тобой Света волоконца.

Я соцветья на пути Развожу руками... Ты зовёшь меня: «Найди! \mathcal{A} — за лопухами!»

– Ну, скорее вылезай, Из-под крыши травной! – Погляди, как стрекоза Егозит забавно!

И окутанный легко Беспечальным смехом Голосок твой высоко В догонялках с эхом!

Семенит невеличка, Кари глазки блестят, Две весёлых косички

Вслед за нею летят.

На тропинке неброской Радость песню поёт, Хлопотливой стрекозкой – Всё вперёд и вперёд.

Лето скачет вприпрыжку Вместе с нею смеясь. «Соня! — в зарослях слышно,— Ты куда унеслась?!»

И летят отголоски Тут и там, по пятам... Никаким в мире грозам Радость я не отдам.

ВЫПУСК КНИГИ – ЗАНЯТИЕ ХЛОПОТНОЕ. И ПРИЯТНОЕ

(Интервью ко Дню книги)

Несмотря на приход в нашу жизнь электронных вариантов для чтения книг, людей, предпочитающих не только читать книгу, но и чувствовать её, меньше не становится. Доказывают это, в том числе, и современные авторы. В канун Всемирного дня книги и авторского права (23 апреля) мы побеседовали с заместителем руководители литературного объединения «Радуга», членом Союза писателей России Ольгой Новиковой.

- Ольга Александровна, вы в объединении с самого его основания?

— Нет, я пришла в 2007 году. До этого я писала стихи, окончила школу молодого журналиста, мои произведения печатали тогда ещё в газете «Коммунист». Потом был период, когда я отошла от литературной деятельности, а в 2007 году узнала о существовании объединения «Радуга», посетила одно из собраний и так и осталась.

- Много ли сейчас участников в объединении?

– Можно называть наше объединение большим. В его состав входят 24 члена союза писателей, а также самостоятельные авторы. Всего порядка сорока человек.

- Кого больше: поэтов или прозаиков?

– Больше, конечно, поэтов, но мы пробуем писать и прозу. Это можно объяснить тем, что поначалу автор зачастую хочет быть поэтом, а позже с возрастом возникает желание писать и прозу – какие-то рассказы или очерки.

– Как обстоят дела с выпуском газеты «Воскресенск литературный»?

 Газета выходит один раз в месяц, совсем недавно вышел сорок первый выпуск. Я являюсь секретарём нашей газеты, вхожу в редколлегию. На страницах газеты мы стараемся публиковать не только сложившихся авторов, но и начинающих, поскольку они очень трепетно относятся к своим первым произведениям, публикации для них становятся настоящим праздником.

- Вы являетесь автором трёх книг. Расскажите о них поподробнее.

— Первые две книги — поэтические сборники, которые называются «Я любовь назову твоим именем» и «Маков цвет». Третья книга вышла совсем недавно, её появлению была посвящена целая презентация — это сборник стихов для детей «Стихи и картинки для мальчика Димки».

– Сейчас над чем-то работаете?

– Да, готовится к выходу документальная повесть о моём отце, которая будет называться его именем – «Протоиерей Александр Сайгушев. Житие».

- Выпуск книги в техническом плане - занятие хлопотное?

— Очень даже хлопотное. Произведение проходит серьёзную предпечатную подготовку, коррекцию, редактирование. В то же время хочется книгу более красочно оформить, чтобы она понравилась читателю, её было приятно держать в руках. Когда чувствуешь, что оформление гармонирует с названием и содержанием — получаешь огромное удовольствие.

Но необходимо отметить, что чем изощрённее оформление книги, тем оно дороже. Я столкнулась с этим при выпуске издания «Стихи и картинки для мальчика Димки», сделав его с цветными картинками. Что поделать, не сделаешь же книгу для детей младшего и дошкольного возраста черно-белой – она должна быть привлекательной для них.

— Объединение «Радуга» называют одним из лучших в Подмосковье. На Ваш взгляд, за счёт чего удалось достичь такой высоты? — Считаю, что большая заслуга в этом нашего руководителя, действительного члена Академии российской словесности, Леонида Анфиногеновича Дудина. Он уделяет очень много времени нашим писателям, делится опытом, подсказывает, много редактирует. Объединение также отмечено орденом «За вклад в национальную литературу» Международной федерации русскоязычных писателей. Такой орден есть только у нашего объединения и ещё одной организации.

- Расскажите о сотрудничестве с болгарскими коллегами, на фоне чего оно зародилось?

– С поэтами из города Плевен мы дружим уже давно, в прошлом году они были у нас в гостях на юбилее города. В этом году с 3 по 8 марта у них проходили дни русской литературы и культуры, и уже мы поехали к ним, принимали участие в праздничных мероприятиях.

Помимо этого, 3 марта является днём освобождения Болгарии от Османского владычества, мы от лица нашей делегации возложили цветы к вечному огню храма Георгия Победоносца. К каждой нашей встрече мы стараемся выпустить альманах, также переводим их произведения и публикуем.

– В этом году объединению исполнится 15 лет, как «Раду-га» готовится к юбилею?

– Интересных планов действительно много, подробностей раскрывать я пока не буду. Конечно, выйдут юбилейные альманах и выпуск газеты, пройдёт юбилейное расширенное собрание объединения. Что получится в итоге, посмотрим.

- Собираетесь ли отмечать день книги?

— Совсем недавно мы отмечали день поэзии и даже устраивали конкурс «И просыпается поэзия во мне». С того момента прошёл небольшой промежуток времени, но день книги мы не можем проигнорировать и обязательно его отметим, правда, не так широко.

2014 год

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ О ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Литературное творчество — это не только талант, но и огромный труд. Это выражение чувств, мыслей, воспоминаний и мечтаний литературным языком на бумажном или другом носителе. Можно иметь много интересного в своей памяти, но без творчества, приложения к нему определённых сил, всё так и останется лишь в мыслях отдельного человека, останется не узнанным и не услышанным другими людьми. В процессе творения оживают действа, омолаживаются переживания, и каждый автор хочет поделиться, может быть, самым дорогим и ценным из багажа своей души...

Люди, желающие и умеющие творить, объединяются. Это даёт возможность доверить товарищам написанное, услышать критические замечания или похвалу. И одно, и другое ценно. Только от компетентных коллег можно услышать объективное мнение. И, безусловно, литературное объединение — это учёба, это радостная возможность постоянно совершенствовать своё творчество. Можно привлечь к разбору своего произведения и близкого человека, даже группу близких людей,— но в этом случае оценка будет весьма субъективной...

Написать стихотворение — значит, оголить свою душу. Только искренняя подача материала затронет читателя. Только живое стихотворение, отражающее как зеркало душу поэта, остаётся жить. Даже, иной раз, самая малая деталь небольшого стихотворения может, по своему воздействию, оказаться очень насыщенной эмоциями и взволновать читателя сильнее, чем бездушно зарифмованная поэма...

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ УСАДЬБЕ КРИВЯКИНО

Усадьба «Кривякино» для Воскресенска — удивительное и знаковое место. Я родилась в этом городе и знала с самого детства, что у нас есть парк. В нашей семье он всегда ассоциировался с достопримечательностью, и приезжавшие гости неизменно отправлялись в парк.

Хотя и глядеть-то особенно было не на что, в таком унынии и запустении он существовал всегда, сколько я помню. Неухоженные деревья, заросшие кустарником и крапивой аллеи, замусоренные пруды, не внушающий восхищения старинный дом на берегу....

Но всегда нас радовали разнообразные птички, не боящиеся людей и подлетающие близко к поломанным скамейкам, собирающие крошки хлеба. Мы ходили в парк послушать соловьёв, поющих в пышных зарослях с самой ранней весны до середины лета. Утром в безлюдной тишине над когда-то живым домом неустанно куковала кукушка...

А дивный запах лип! Голова шла кругом от этакой тихой ненавязчивой красоты. Цветущие белые зонтики травы заполоняли всё пространство вокруг прудов, наперебой квакали лягушки, под полуденным солнцем можно было увидеть ужа, проплывающего с гордо поднятой жёлтой головкой или спешащую под сваленное дерево ондатру. А когда сгущалась тьма, над водой проносились летучие мыши (некоторые из них на время реставрации территории поселились на верхних этажах близлежащих домов)...

Парк оживал во время нечастых выступлений духового оркестра. В эти часы парк одухотворялся... А потом опять грустил. В этом году наконец-то парк стал достойной «Усадьбой» и обрёл то, чего ему так не хватало для жизни, — кажется, он обрёл крылья!

* * *

Старая музыка старого парка Трогает крону могучего дуба, И, обвивая ветвистую арку, Тихо звучат и валторны, и трубы...

Ветер осенний разносит, играя, Шорох листвы в посветлевших аллеях, Звуки метая от края до края, То восклицая, а то сожалея...

Музыка встреч и заветных свиданий... Клавишей тонко касаются пальцы, Льётся мелодия первых признаний, Кружится в памяти, кружится в танце.

В бархате лиственниц плакали скрипки И на репризе заметно дрожали...
Только взлетали легко паутинки,
Только осинки себя обнажали.

Холод с реки. Менуэт и мазурка. В парке старинном сегодня – актёры. Трости и шляпки. Ожили фигурки, Даже вот грим трёхвековый не стёрли.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

(Предисловие Л. Дудина к книге О. Новиковой «Протоиерей Александр Сайгушев. Жизнь»)

ПРАВЕДНИКИ И ЦАРСТВИЕ НЕБЕСНОЕ

И отрёт Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет. (Откр. 7.16; 21.4)

Книга Ольги Новиковой «Протоиерей Александр Сайгушев. Жизнь» явилась на свет весьма жданной. Она непременно должна была явиться, ибо автор, талантливый литератор, выросшая в семье священника, духом и сердцем принявшая её православный уклад, не могла не сказать живое слово о своём отце — носителе и хранителе учения Христова.

Написал, что «книга явилась на свет весьма жданной» и остановил себя на мысли: «А может, долгожданной?» — не ведаем. Не будем расспрашивать о том и автора. Нам дано лишь предполагать, сколько времени вынашивалась сама идея «Жизни», как планировалось написание (и планировалось ли?), — поскольку мы видим необычное изложение материала.

А оно идёт от серебряной паутинки резного листа рябины у дома, что на улице Садовой города Воскресенска, где жил протоиерей и его семья, и далее — до тайных отрогов Жигулёвских гор, где родился мальчик Шура (будущий протоиерей), и где от волнения повествования исключается строгая линия сюжета. Она, ломаясь на хрупких зигзагах действия, неожиданных жестах и неразгаданных символах, всё же даёт завидную возможность появиться справкам уточнения, неоспоримым историческим и житейским фактам, которые не терпят быть

забытыми, а просятся непременно сейчас же в строку, чтобы успеть успокоить сердцебиение автора.

Да и само начало книги необычно, поскольку не совсем хронологично — не с первых, а с последних дней жизни о. Александра идёт повествование, то есть фактически с его кончины, которая, как и любая кончина, становится тем рубежом, когда, в силу канонов Всевышнего, мы не можем с человеком побеседовать, зафиксировать его мысли, не говоря уже об их согласовании. Остаётся только память.

И эта память, беспокоясь, начинает тревожно жить в гипотезах, легендах, мифах, передавая от поколения к поколению откровения праведников.

Но разворачивается начало книги (дни кончины) вспять, – и великое свечение прошлого вновь становится яркой явью во всех подробностях и фрагментах становления священника (подросток Шурка, семинарист Александр) и его зрелой жизни (протоиерей Александр Сайгушев).

От первого до последнего слова в благодарных трудах дочери звенит сопрано — неиссякаемый источник любви и печали, идущий к отцу Александру Михайловичу, к матери Марии Андреевне, родным братьям Сергею и Михаилу — ко всему, что окружало, и кто окружал автора. Ольга Новикова, будучи сама фельдшером, находясь рядом с больным отцом, находит такие вот пронзительные слова молитвы, надежды и утешения:

«Нежданно за больничным садом, через дорогу, высоко на сосне быстро мелькнул пушистый беличий хвост. Они часто здесь бывают, эти маленькие красивые зверьки. Наверное, подумалось, послан свыше хороший знак!

Жить! Господи, помоги моему отцу! Соверши чудо! Он так старается жить! Спеша и путаясь, я читаю молитвы, сочиняю сама, снова и снова прошу милости Всевышнего о продлении дней и избавлении от мучений. Невольные слёзы.

И уже заих влажной пеленой не вижу беличьего хвоста и бездонного неба...

Как уставший от долгой игры ребёнок, отец тихо посапывает. Спит. Во сне он отдыхает, во сне он ЖИВЁТ. Что он видит? Может, ту же белку, что и я? Я стою над ним и вижу его белое, худое, но красивое своим величием и спокойствием лиио.

Сейчас он далеко в себе

Но надо прервать сон — пора вводить лекарства. Я тихонько, чтоб не испугать, глажу его спутанные волосы, вытираю влажный лоб и говорю, улыбаясь и растягивая слова: «Папа, просыпайся!»

Разве это не высшая форма выражения чувств дочери к родному отцу? Разве это поддельные слова обращения к Создателю? И так повсюду, по всей книге.

Искренность и чистота.

Высокие эмоции не застили сути повествования, не вышли за пределы духовных и светских рамок, не умалили образ о. Александра, наоборот, сделали его масштабней, рельефней, а потому и держат постоянно читателя в поле зрения основной темы и усиливают желание узнать больше о жизни нашего современника, который шёл по дороге к Богу в сложнейших условиях гулаговской эпохи.

Готовность дочери к написанию столь пронзительной повести об отце пришла в свой час. И не то чтобы решительно и уверенно, но с тем багажом писательского и житейского опыта, который позволил ей осуществить задуманное.

У Ольги Новиковой к тому времени вышло два сборника стихов «Я любовь назову твоим именем» (2008 г.) и «Маков цвет» (2010 г.). Она уже стала членом Союза писателей России, членом-корреспондентом Академии Российской словесности, ответственным секретарём газеты «Воскресенск литературный».

За свои творческие труды получила ряд литературных наград: международный диплом и медаль «Мастер словесности», диплом губернаторской премии им. Роберта Рождественского, медаль А. П. Чехова, Золотую Есенинскую медаль, медаль имени нобелевского лауреата Ивана Бунина, Почётный знак «За заслуги перед Воскресенским районом» и ряд других высоких знаков отличия. Стала лауреатом многих творческих конкурсов. В своём первом сборнике так дочь пишет о своём отце (2008 год):

ОТЦУ

Пылали ярко листья клёнов, Всё шло в природе чередом, На ветках птицы оживлённо О чём-то спорили своём.

Внизу под ивою, как стоик, И почему-то одинок, Уселся небольшой опёнок На развалившийся пенёк.

Лопух тянул большие лапы Всё к небу, к небу — на восток... А в доме умирал мой папа — Мой неразгаданный пророк.

И вот его совсем не стало, Угасшей Боговой звезды ... А осень пела, ликовала, Справляя праздник красоты. Это произведение уже стало хрестоматийным. Оно известно не только в России, но и за её пределами.

А потому, читая тексты «Жизни», повсюду замечаем, что книга написана языком поэта. Написана на одном дыхании, вся наполнена человеколюбием и глубокой заботой о судьбах православия. Фактически всё повествование — болевая исповедь о человеке, познавшем на себе, на своей семье несусветную оголтелость системы, которая обрушилась в прошлом веке на лучшие российские умы.

Жизнеописание истинного пастыря в предлагаемой книге отрицает всякую формалистику, потому, как уже было отмечено, выполнено языком художественной литературы, что отличает его от многих других тематических изданий.

Здесь видна и близка вся родословная протоиерея Александра Сайгушева, которая восходит к таким смелым, таёжным и мало кому понятным местам, как Дятловы горы, застолбившие правый берег великой реки и встретившие на своём резком изгибе такие же непонятные Жигули.

Горы и леса. «В лесах», «На горах».

Достаточно открыть эти незабвенные произведения П.И. Мельникова-Печерского, чтобы убедиться в невозможности нездешнего человека постичь здешний, упрятанный за неровным горизонтом, неторопливый таёжный мир. Он, как глухой колокол великого раскола, продолжает будоражить души и молчаливых прихожан этих мест, и священнослужителей, где ещё до сих пор не остынет в оврагах эхо расстрельного грохота.

Но, как сказал поэт, «ни цари их дух не сокрушили, ни наган, ни штык большевиков». Также ничто не могло поколебать и дух, и православное вероисповедание будущего протоиерея, родившегося и выросшего в этих местах. И никто из служителей других идей и конфессий не смог убедить юношу в «неправильности» избранного им пути.

Вся сущность книги, каждое слово её подтверждают, что протоиерей Александр Сайгушев — личность высокого ряда, занявшая достойное место в иерархической лестнице российского священства.

Ольга Новикова проделывает громадную работу по поиску праведников, с которыми встречался её отец (скорей, они шли к нему на встречу), беседовал, а некоторых и укрывал от преследования. Это известные богослужители схииеромонах Сампсон (граф Сиверс), схииеродиакон

Ипполит, митрофорный протоиерей Николай Одинаркин, митрофорный протоиерей Дмитрий Фролов, протоиерей Дмитрий Брысаев, протоиерей Василий Бащук, протоиерей Александр Захаров, протоиерей Александр Коробейников, протоиерей Владимир Маркин, священник Алексей Евдокимов, протоиерей Наум Куратчук, иеромонах Виссарион, о. Дмитрий Болящий и многие другие.

Автор почти не говорит о жестокости системы – Ольга Новикова всего лишь приводит цифры и факты тех беспредельных лет (1937 год – рождение о. Александра). Они ошеломляют.

«Ко второй половине 1937 года представителями НКВД только на территории Ульяновской области (родина о. Александра), только за один год, было расстреляно более 1500 человек, а репрессировано более 8000».

А теперь можно подсчитать, сколько областей в России, да и заняться несложной арифметикой. А сколько застенков, подвалов, оврагов?..

Далее, по тексту: «Согласно тому же «плану» все православные всех существующих на тот момент течений, все старообрядцы и сектанты были объединены в одну группу — некую «фашистско-повстанческую церковно-монархическую контрреволюционную организацию». Главой этой организации объявили Куйбышевского архиепископа Иринея (Шульмина). Эта операция готовилась тщательно и заранее.

На всех и за всех «действующих лиц» были составлены показания – их будущие «признания».Сначала арестовали архиепископа Иринея.

В Ульяновске был арестован обновленческий архиепископ Иоанн (Никольский), потом арестованы григорианские архиереи — митрополит Иоанникий (Соколовский) и архиепископ Феодор (Борисов-Григорович), затем вернувшийся из заключения бывший Ульяновский епископ патриаршей Церкви Митрофан (Гринев).

В Мелекессе – Владимир (Горьковский) и находившийся там в ссылке епископ Вениамин (Троицкий). В Карсуне – находящийся на покое епископ от ВВЦС Иринарх (Павлов).

Все эти аресты закончились бойней. В 1937 году только в Ульяновске по обвинению в участии в этой «фашистско-повстанческой» организации было расстреляно шесть архиереев, 126 священников, 30 монашествующих и 60 мирян.

В концлагеря сроком на десять лет отправились 23 священника, пять монахов и 99 мирян, а сроком на восемь лет — один архиерей, 11 священников и 19 мирян. Никто из этих людей из концлагерей не вернулся.

По разным другим «церковным» делам было репрессировано 400 человек, всего за два дня — 17 и 18 февраля 1938 года — в подвале Ульяновского горотдела НКВД было расстреляно более 100 человек. Ульяновская епархия, хотя и неофициально, но просто прекратила своё существование».

Пусть не все цифры, но сами события до боли были известны и юноше Александру Сайгушеву, родившемуся и выросшему в селе Коченяевка Ульяновской области. Потому-то по приезде в город Воскресенск он резко отличался от весёлых сверстников глубиной познания жизни, ранней взрослостью. Хотя ничто житейское ему не было чуждо.

В книге представлен большой ряд помощников о. Александра по службе в Маврине, Марчугах, Коломне, Шарапове, Карпове.

Их, обычных и необычных прихожан, но всех любивших своего батюшку за светлый ум и высокие божественно-человеческие проповеди, доходчивые и понятные, – их всех объединяло православие – общее дело не в безликих схемах, а в живых личностях.

С какой трогательностью Ольга Новикова рассказывает о людях, преданных учению Христа! Вот, например, краткая запись о Наталье Григорьевне Сазоновой: «Человек надёжный, большой доброты и отзывчивости, со светлой душой и очень сложной судьбой, статная, крепкого телосложения, она являла образец русской женской красоты.

Большие глаза, всегда живые и ласковые, говорили о её добром и весёлом характере. В состоянии застенчивой улыбки чаще всего находились её тонкие губы.

Округлый лоб, круглые щёки, можно назвать — щёчки, слегка румяные, глубоко обрамлённые платком, делали её похожей на ту самую Ярославну из древнего Путивля, что ждёт князя с битвы. Наша семья очень любила её, мы, дети, — особенно. В храме Наталья Григорьевна была человеком незаменимым: и псаломщицей, и певчей, и регентом хора. Бог дал ей очень красивый голос: высокий, чистый, выразительный, душевный.

Она знала нотную грамоту и множество различных распевов. Помню её игривый напев: «Веселитесь и ликуйте, Люди-братии, со мной И с восторгом облекитесь В ризу радости святой...»

Понимая масштаб повествования, его всестороннее проникновение к духовному и внешнему образу своего отца, автор смело передаёт перо людям, которые хорошо знали (или помнили), прямо скажем, выдающегося протоиерея.

В книге нашли место воспоминания матушки Марии Андреевны, протоиерея Николая Одинаркина, священника Алексея Крылова, священника Ивана Брайко, юриста Михаила Булекова, инженера-технолога Марины Ушаковой, крестницы

Антонины Кочегаровой, племянницы Любови Мускатиновой, начальника поезда Дениса Пушнова, врача-невролога Ольги Дюкановой и других. Они добавили те слова оценки значимости деяний о. Александра, которые в силу скромности автора «Жизни» не были им произнесены.

В состав книги также вошли собственные сочинения о. Александра и другие ценные письменные и фотографические документы. Работая над рукописью как редактор, чем глубже я вчитывался в текст, содеянный Ольгой Новиковой, в девичестве Сайгушевой, тем очевидней осознавалась и утверждалась во мне мысль о совершении автором воистину не только литературно-гражданского, но и дочернего подвига.

На примере жизни своего отца и его сподвижников она, сотворив неподражаемую духовно-светскую повесть, внесла вполне достойный вклад в историю Русской Православной Церкви, подтвердив тем самым, что великие праведники, указывающие дорогу к Создателю, всегда были, есть и будут рядом с нами в качестве ярких светочей как на Земле, так и в Царствии Небесном.

Вот в чём неоспоримая заслуга автора.

Действительный член Академии Российской словесности, лауреат Всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова Леонид Дудин

ПИСЬМА СТЕФАНА МОЛЛОВА

президента Ассоциации писателей г. Плевен, Болгария

(Перевод с болгарского языка Леонида Дудина)

Дорогая Ольга Новикова,

Дни от нашего прощания на Киевском вокзале в Москве один за другим ложатся в строки и накапливаются в вечном человеческом календаре как земное, телесное и духовное сокровище.

И так как я люблю не только прекрасные весны красоты, но и осени, которые нам щедро дарят различные цвета и плодородия, и которые после возвращения через несколько дней из Вскресенска были отделены от меня и провели время в одиночестве, отражая печаль и радость в моём скромном сельском доме, находящемся в 15 км от Плевена, в компании моих нескольких взрослых кошек и десятков маленьких котят.

Они встретили меня с неописуемой радостью и счастьем, что мы снова вместе. Эмоции выражались по своему усмотрению: животные очень трудились в желто-коричневых листьях, которые засыпали всю землю магическим ковром. Они вскакивали, валялись и хоронились в нём, проявляя замечательные гимнастические навыки.

Затем я выделил несколько дней в рамках подготовки к нашим литературным будущим событиям и дал информацию в некоторые газеты, которые уже вышли, о нашем визите в город Воскресенск. Я ездил в Софию, встретился с поэтом Иваном Дочевым, Здравкой Шейретовой и Петко Недялковым, передав им ваши приветы. Провел переговоры с видными болгарскими писателями, моими друзьями, и я сделал предложение о содействии публикаций воскресенских литераторов в журналах Союза болгарских писателей.

А сейчас я снова в объятиях только моего одинокого мира, пребывая в размышлениях и воспоминаниях. Я до сих пор не могу поверить, что мы не вместе. Я так сильно впечатлён всеми вами: Леонидом Дудиным, Виктором Лысенковым, Мариной Кабановой, Мариной Золотовой, Юрием Фокиным и, естественно, Вами — поэт и дорогой мой друг, Ольга Новикова.

Признаюсь, дорогая Ольга, я не знаю как удалось очаровать меня, что творческая, духовная и физическая силы вдыхают много веры и надежды и ничто не заставит замолчать в благороднейшем послании произнести очень сильные, теплые и добрые слова женщине, чьи глаза, выражение лица, с тонкой впечатляющей улыбкой, щедрость которой можно чувствовать, и разобраться в себе, разгадать самого себя и смысл всего, — сумеет только тот, кому оно адресовано и имеет своё будущее значение!

Дорогая Ольга Новикова!

Всякий раз, когда я посещаю Россию и русские духовные храмы и молитвенные дома, я люблю наблюдать за поведением русских женщин, смотреть и вглядываться в смирение, самоотверженность, глубокий поклон и сильную веру в Бога Всемогущего.

Моё восхищение настолько сильно, трогательно и незабываемо, что мой внутренний, личный духовной храм полон покаяния, смирения, преданности и веры в Бога красивых женских образов. И когда мне было очень плохо в моей жизни, где я пережил много вражьих стрел неверности, измены и атеизма, ваш выбор сохранил образы братьев и сестер и использовал их на борьбу с врагом — Сатаной, самоутверждаясь, что я не одинок в вере Богу на этой грешной земле. Теперь я признаю, дорогая Ольга, что вы находитесь навсегда во Вселенной и моей покорной душе, подобно образу ангела.

Как получилось это?

В Воскресенском храме после того, как мне подарили книгу о Церкви, которую надо попытаться прочитать и узнать что-то, я заметил, что Вы вдруг изменились: походка — медленная, обозначающая каждый шаг, смиренная — почти дань паломничества — голова, слегка притворены очи.

Серьезные, вы смотрите и ищите истину, вероятно, думаете, что все пришли к покаянию, благодарности, стремлению к добродетели, чтобы взывать к Богу за помощью родственникам, знакомым, может быть, нам — Вашим гостям из Болгарии.

Тогда Вы остановились справа от алтаря против большой иконы Девы Марии с младенцем и зажгли свечу. Сотни свечей, игриво подмигнули, может быть, только для того, чтобы осветить ваши лица: Мадонны с младенцем и Ваше. Пламя, как бабочки, ласкало Ваш лоб, то сидело, то пряталось в Ваших волосах. Ваше активное движение руки: плечи — грудь — лоб, и мне всё казалось, что Вы шепчете что-то важное. Я чувствовал теплоту Вашего шёпота, что Вы говорите с вечно живой Божьей Матерью. Вы — обе Матери! Я мысленно пытался уловить смысл Вашей молитвы. Не удалось. Я думаю, она была полна тайн и доверия.

По конец молитвы Ваше лицо и глаза сияли. Было удовлетворение от духовного состояния. Было чувство Божьего благословения. Таким образом, Вы помогли мне, и я чувствую себя духовно сильным. Так что, Вы пришли в моё сердце и душу. Мы принимаем себя как брат и сестра по вере.

Теперь по существу.

Примите мои и членов Плевенской писательской делегация, посетившей город Воскресенск 13-18.10.2010 года, самую сердечную благодарность за Ваше гостеприимство, за огромную заботу о нас во время встречи. Многие слова, которые я хотел сказать, чтобы Вы выбрали наиболее важные. Это, прежде всего. Но и те, что именно каждый любит.

Да благословит Вас Бог, семья, друзья, творчество и Ваш труд. Аминь!

03.11.2010 года, с уважением и любовью! Стефан Моллов Президент Ассоциации писателей Плевен. Болгария.

* * *

Дорогой Стефан!

Спасибо за добрые слова, которые ты всегда находишь для меня: слова поддержки, слова уважения и дружбы.

Не уходят из памяти твои розы, они согревают не только твоё сердце, но и сердца всех, кто посещает твой дом.

Милый Стефан, ты всегда находишь душевные силы, чтобы порадоваться за меня, за всех наших друзей, и это очень приятно.

Ты всегда готов разделить и наши радостные и наши ненастные дни, которыми Господь наполняет земную жизнь.

Дорогой Стефан, ты – счастливый человек и успешный писатель.

Всевышний наградил тебя щедрой душой, трепетным сердцем и большим разумом.

Я уверена, что ничего не происходит в нашем мире случайно, как не случайно наше знакомство, наши книги, наши встречи на земле Плевенской и Воскресенской.

Спасибо тебе за все доброе, что ты несёшь в свет и бескорыстно делишься своим богатством, как хлебом...

С теплотой и уважением Ольга НОВИКОВА. г. Воскресенск. Россия. 2017 год.

Дорогая незабвенная, Ольга Новикова,

Позвольте от моего имени и от имени членов посетившей ваш город и Воскресенский район культурной делегации выразить от всего сердца и души свою искреннюю благодарность и любовь за ваше ответственное и активное поведение, за заботу, уважение и великую любовь к нам.

Как много мы привязаны друг к другу, и насколько мы с любовью выразили наиболее достойную и подлинную форму и красочный способ нашей работы.

Я признаю, что вы присутствуете в наших сердцах: не только в моем сердце, но и в сердцах Вали, Кати, Лъчезара. Мы очень тебя любим. И мы верим, и мы знаем, что вы тоже любите нас.

Я честно признаю, что эту любовь к вам я нахожу в вашей улыбке, в красноречивой тишине ваших глаз и губ. Ваше прекрасное лицо превращается в сияющее солнце.

Желаю вам и вашей семье здоровья, творческого успеха и Божьего благословения наблюдать за вами. Вы — истинная христианская родословная. Оставайтесь так до конца своего земного пути. Аминь!

Ст. Моллов

Академический семинар, 24 ноября 2018 год

С.С. Антипов, О.А. Новикова, Д.В. Минаев

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Дудин. МИР, ОЗАРЁННЫЙ ТЁПЛЫМ СВЕТОМ ЛЮБВИ	3
РАССКАЗЫ	
МЫ ЛЕТАЛИ КАК АНГЕЛЫ	-
ЗДРАВСТВУЙТЕ!	
ЦВЕТЕНЬЕ ЦИКОРИЯ	
ЗАПАХ КОМНАТ, НАПОЛНЕННЫХ СЧАСТЕМ	
ПЛОТНИК	
БРИГАДА ЗАЙЦЕВЫХ	
СОСЕДКА	
НАВСТРЕЧУ БЕЛОМУ СНЕГУ	
КУРИЦА	
ОГНИ	
ЛЮБИМАЯ МОЯ	
МАМИНА СВЕЧКА	86
ТРОПИНКА ЧЕРЕЗ ВЕСНУ	97
ВАЛОТ	
ПОДВЯЗАЛ ЗАЙЧИКА!	102
ЛЕНКИНО СЧАСТЬЕ	
ВЫЗОВ С ПОВОДОМ ИЛИ ХОДЯТ ТУТ ВСЯКИЕ	110
ПОСМОТРИ, КАКИЕ ЗВЁЗДЫ!	115
ЛАМПОЧКА	117
ОН ВЕРИЛ, ЧТО БУДЕТ ЖИТЬ	122
ОЗИК	
ПИСАТЕЛИ, ЯСНОВИДЯЩИЕ И ШАРЛАТАНЫ	132
ПРИСНИЛАСЬ УЛИЦА САДОВАЯ	142
ХИРУРГ	147
ВАРЕНЬКА	149
СИТУАЦИЯ	
НОЧНАЯ МИСТЕРИЯ	157
ΤΟΥΚΔ ΠΕΡΕСΕЧЕНИЯ	160

ОЧЕРКИ

ТУМАНИЛАСЬ ТЁПЛАЯ ВЕСНА	165
СПЕШУ НА ВСТРЕЧУ С ПОЭТОМ	169
ОН – СВИДЕТЕЛЬ ПРОСТОГО И НЕОБЪЯСНИМОГО СЧАСТЬЯ.	
УДЕЛ ДУШИ – ПРЕОДОЛЕНЬЕ	
ЛЕОНИД ДУДИН. КОСМОС. ПОЭЗИЯ	
СВЕТЛЫЙ ГОРОД СВИЩОВ	196
ТРИ ДНЯ В КОИЛОВЦАХ	203
ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗЕМЛЮ РЯЗАНСКУЮ	222
ИНТЕРВЬЮ	
МОИ СТИХИ – ЭТО НЕ ДНЕВНИК	
ДЕНЬ МАЛЕНЬКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ	
ВЫПУСК КНИГИ – ЗАНЯТИЕ ХЛОПОТНОЕ. И ПРИЯТНОЕ	
НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ О ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ	
НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ УСАДЬБЕ КРИВЯКИНО	248
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	
Л.Дудин. ПРАВЕДНИКИ И ЦАРСТВИЕ НЕБЕСНОЕ	250
ПИСЬМА СТЕФАНА МОЛЛОВА	259

